



Sciences of Europe

VOL 3, No 42 (2019)

Sciences of Europe
(Praha, Czech Republic)

ISSN 3162-2364

The journal is registered and published in Czech Republic.
Articles in all spheres of sciences are published in the journal.

Journal is published in Czech, English, Polish, Russian, Chinese, German and French.

Articles are accepted each month.

Frequency: 12 issues per year.

Format - A4

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Chief editor: Petr Bohacek

Managing editor: Michal Hudecek

- Jiří Pospíšil (Organic and Medicinal Chemistry) Zentiva
- Jaroslav Fährnich (Organic Chemistry) Institute of Organic Chemistry and Biochemistry Academy of Sciences of the Czech Republic
- Smirnova Oksana K., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of History (Moscow, Russia);
- Rasa Boháček – Ph.D. člen Česká zemědělská univerzita v Praze
- Naumov Jaroslav S., MD, Ph.D., assistant professor of history of medicine and the social sciences and humanities. (Kiev, Ukraine)
- Viktor Pour – Ph.D. člen Univerzita Pardubice
- Petrenko Svyatoslav, PhD in geography, lecturer in social and economic geography. (Kharkov, Ukraine)
- Karel Schwaninger – Ph.D. člen Vysoká škola báňská – Technická univerzita Ostrava
- Kozachenko Artem Leonidovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of History (Moscow, Russia);
- Václav Pittner -Ph.D. člen Technická univerzita v Liberci
- Dudnik Oleg Arturovich, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Department of Physical and Mathematical management methods. (Chernivtsi, Ukraine)
- Konovalov Artem Nikolaevich, Doctor of Psychology, Professor, Chair of General Psychology and Pedagogy. (Minsk, Belarus)

«Sciences of Europe» -

Editorial office: Křižíkova 384/101 Karlín, 186 00 Praha

E-mail: info@european-science.org

Web: www.european-science.org

CONTENT

AGRICULTURAL SCIENCES

Simonova O., Lisitsyn E.

COMPARATIVE MANGANESE CONTENT IN THE TOP
SOIL HORIZONS IN THE KIROV REGION3

HISTORICAL SCIENCES

Benda V.

ARTILLERY AND ENGINEERING TROOPS OF THE
RUSSIAN ARMY IN THE LATE XVIII – FIRST HALF XIX
CENTURY6

Kolegov S.

THE POLISH PROBLEM IN THE POLITICS OF
ALEXANDER I AND NAPOLEON IN THE THRESHOLD
AND IN THE FIRST MONTHS OF THE WAR OF 1812 ..17

Kovalenko Yu.

HLUKHIV IN THE MIDDLE AGES10

PEDAGOGICAL SCIENCES

Boyarkin A.

GAME STRETCHING AS A METHOD FOR DEVELOPING
FLEXIBILITY AT YOUNGER SCHOOLCHILDREN23

Chigintseva O.

METHODICO-TECHNOLOGICAL LEVEL OF EASTERN
MODEL OF ADULT'S SELF-FULFILMENT THROUGH
GRAPHIC ACTIVITY.....32

Moskatova A.

PHYSIOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL
RESOURCES OF PERSONIFICATION OF SPORTS
TRAINING26

PHILOLOGICAL SCIENCES

Khalpukova C.

EXISTENTIAL DISCOURSE OF THE NOVEL BY A.
REZANOVICH «THE HERMIT»42

POLITICAL SCIENCES

Voronezhskiy K.

CURRENT SITUATION AND PROSPECTS OF
OPTIMIZATION OF ANTI CORRUPTION POLICY IN
UKRAINE45

SOCIAL SCIENCES

Katsora A.

CONCEPTUAL APPROACHES TO DETERMINING
ENTREPRENEURSHIP IN SOCIOLOGY50

AGRICULTURAL SCIENCES

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ МАРГАНЦА В ВЕРХНИХ ГОРИЗОНТАХ ПОЧВ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Симонова О.А.

*Федеральный аграрный научный центр Северо-Востока
имени Н.В. Рудницкого, г. Киров, научный сотрудник*

Лисицын Е.М.

*Федеральный аграрный научный центр Северо-Востока
имени Н.В. Рудницкого, г. Киров, ведущий научный сотрудник;
Вятская государственная сельскохозяйственная академия, г. Киров,
профессор кафедры экологии и зоологии*

COMPARATIVE MANGANESE CONTENT IN THE TOP SOIL HORIZONS IN THE KIROV REGION

Simonova O.

Federal agricultural scientific center of the North-East named N.V. Rudnitsky, Kirov, researcher,

Lisitsyn E.

*Federal agricultural scientific center of the North-East named N.V. Rudnitsky, leading researcher,
Vyatka state agricultural academy, Kirov,
professor in cathedra of ecology and zoology,*

АННОТАЦИЯ

В верхних горизонтах естественных и антропогенно измененных почв Кировской области определяли содержание подвижных и кислоторастворимых форм марганца. Выявлено, что в органогенном горизонте естественной подзолистой почвы содержание подвижных форм марганца (100...400 мг/кг) значительно превышает ПДК. В минеральном горизонте их концентрация значительно ниже (2...30 мг/кг). Содержание подвижных соединений марганца в пахотном горизонте агродерново-подзолистой почвы значительно меньше, чем в подзолистой почве под лесом (от 25,9 до 67,48 мг/кг). Наибольшее количество кислоторастворимых соединений Mn в подзолистой почве приходится на органогенный горизонт (220 до 1428 мг/кг), в минеральном горизонте данных соединений на порядок меньше (около 22 мг/кг). Содержание кислоторастворимых соединений Mn в почве под пашней в пахотном горизонте составляет 233...541 мг/кг. В целом, количество кислоторастворимых соединений марганца в почве на порядок выше содержания их подвижных соединений. Это необходимо учитывать в сельскохозяйственной практике, так как они могут стать мобильными (т.е. доступными для растений) в случае изменения почвенных условий, главным образом кислотно-щелочной обстановки.

ABSTRACT

Content of mobile and acid-soluble forms of manganese was determined in the top horizons of the natural and anthropogenically changed soils of the Kirov region. It is revealed that in organogenic horizon of natural podsollic soil the content of mobile forms of manganese (100...400 mg/kg) considerably exceeds maximum allowable concentration. In the mineral horizon their concentration is much lower (2...30 mg/kg). Content of mobile compounds of manganese in the arable horizon of the agro-sod-podsolic soil is much less, than in the podsollic soil under forest (from 25.9 up to 67.48 mg/kg). The greatest amount of acid-soluble Mn compounds in podsollic soil determined in the organogenic horizon (220 up to 1428 mg/kg); in the mineral horizon, content of these connections is 10 times less (about 22 mg/kg). Content of the acid-soluble Mn compounds in soil under an arable land in the arable horizon is 233...541 mg/kg. In general, number of acid-soluble compounds of manganese in soil is 10 times more the content of their mobile connections. It needs to be considered in agricultural practice as they can become mobile (available to plants) in case of change of soil conditions, mainly an acid-base situation.

Ключевые слова: подвижные формы, кислоторастворимые формы, органогенный горизонт, элювиальный горизонт, подзолистая почва, дерново-подзолистая почва.

Keywords: mobile forms, acid-soluble forms, organogenic horizon, eluvial horizon, podsollic soil, sod-podsolic soil.

Introduction. One of important indicators of soil properties and their chemical state is the element structure. It is known that the majority of elements is necessary for plant nutrition and their full development. On the other hand, heavy metals are toxic for live organisms in case of surplus of their contents. Manganese, having the atomic mass more than 50 atomic mass units

and density more than 7 g/cm³ [3], simultaneously belongs both to biophile and to heavy metals. At the same time, this element is one of the most widespread components of the soils exerting impact on plant growth. Contents and behavior of elements depends on type of the soil and its properties: acidity, oxidation-reduction potential, content of organic substance, etc. Typical

soils of the Kirov region are podsollic and sod-podsolic one [8]. High content of both total, and mobile compounds of manganese is characteristic of them; frequently in quantities, toxic for agricultural plants. Soils under an arable land are of the main interest to agriculture. Sod-podsolic soils under an arable land were formed of podsollic soils under the forests in the course of cultivation that exerts direct impact on the content of the studied element. In the environment, heavy metals are both in the form of compounds, and in a free state [4]. Therefore, the method of extraction of elements from soils is important as interpretation of data on their contents depends on it. The mobile compounds of elements taken with acetate ammonia buffer solution are considered as available to plants (given extractor with pH 4.8 approximately corresponds to reaction of cellular sap of their root hairs) [1]. Acid-soluble compounds of chemical elements can be considered the general reserve amount capable to pass into a mobile form. Acids take from the soil not only forms available to plants, but also a part of total forms of an element [2].

Thus, **the purpose of work** is the research and comparison of content of mobile and acid-soluble compounds of manganese in the podsollic soil under the forest and in the arable horizon of sod-podsolic soils (analog of the natural soil) and soil of stationary experiment field.

Materials and methods. Two key sites, which were chosen as research objects, are located in the territory of the Kirov region in 15 km to the south from Kirov. Soils of these sites are podsollic, sandy, created on the water-and-glacial deposits spread by loams. Phytocenosis on key site No. 1 is presented by a wood sorrel spruce forest, 60...80 years old. According to [6], this soil belongs to typical podsollic soil. Phytocenosis on key site No. 2 is presented by long-term crops of milk vetch. According to [6] the soil on key site No. 2

belongs to agro-sod-podsolic. Key site No. 3: soil of stationary experiment field of Federal Agricultural Research Center of the Northeast, Kirov. The soil is sod-podsolic middle loam, created on an eluvia of the Perm clays.

Sampling of soil on key site No. 1 was carried out from organogenic (0...5 cm) and eluvial (5...13 cm) horizons; on sites No. 2 and 3: from an arable layer (0...20 cm) everyone 2...3 weeks during the vegetative period. Frequency of sampling was sixfold, sampling method was randomized (casual). Preparation of soil tests for the analysis was carried out by the standard methods (GOST 17.4.4.02-84). Each sample was analyzed individually. Content of mobile compounds of the studied metal was determined with use of acetate ammonia buffer solution, pH 4,8; acid-soluble - in 1 M nitric acid at a ratio a soil:solution 1:10 by method of an atomic absorbing spectrophotometry [12].

The data presented in article are average for the vegetative period. Statistical processing of the received results was carried out by method of ANOVA with use of the software package Microsoft Excel 2007 and Agros 2.07. The statistical importance of differences of element contents between variants was estimated with use of Duncan criterion.

Results and discussion. As a result of researches it is revealed that the content of mobile compounds of manganese in the organogenic horizon varied within 100...400 mg/kg (table 1). These values exceed the maximum allowable concentration of mobile compounds of manganese for sod-podsolic soils with pH 4.0 (60 mg/kg). In the mineral horizon the amount of the mobile Mn compounds was much lower and made 2...30 mg/kg. High content of manganese in the organogenic horizon is explained with the fact that forest vegetation promotes considerable accumulation of manganese [9].

Table 1.

Content of manganese in the organogenic horizon of the podsollic soil, the Kirov region (2018...2019)

Type of Manganese compounds	Year	
	2018	2019
Organogenic horizon		
mobile	52 up to 457	102 up to 385
Acid-soluble	221 up to 1428	42 up to 511
Eluvia horizon		
mobile	3 up to 26	1 up to 30
Acid-soluble	8 up to 48	5 up to 27

Anthropogenic influence is resulted by changes of physical, chemical and physical-chemical properties of the soil and also quality and the content of humus. All this exerts impact on contents and dynamics of chemical elements. According to our data, the content of mobile compounds of manganese in the arable horizon of the agro-sod-podsolic soil, in general, is much less, than in the podsollic soil under the forest; it varies in the following limits: on site No. 2 from 25.9 to 59.5 mg/kg;

on site No. 3 from 20.59 to 67.48 mg/kg (table 2). Lower content of mobile compounds of manganese in soils under an arable land, in comparison with the soil under the forest was noted by other researchers [7, 11]. On the other hand, these values are close or exceed maximum allowable concentrations values that can exert negative impact on plant growth and, as a result, on their productivity.

Table 2.

Content of manganese in an arable layer of the podsollic and sod-podsolic soils, Kirov region (2018...2019)

Type of Manganese compounds	Year	
	2018	2019
Agro-sod-podsolic soil		
mobile	27 up to 67	26 up to 59
Acid-soluble	233 up to 486	194 up to 329
Podzolic soil		
mobile	33 up to 52	21 up to 67
Acid-soluble	316 up to 541	-

The greatest amount of the acid-soluble Mn compounds in the podsollic soil under the forest falls on the organogenic horizon: from 220 to 1428 mg/kg. In the mineral horizon content of these compounds of an element was 22 mg/kg on average.

In the agro-sod-podsolic soil under an arable land the content of elements differs a little from that in the podsollic soil under the forest. Content of the acid-soluble Mn compounds in the soil under an arable land in general is higher, than in the soil under the forest; in the arable horizon it is 233...486 mg/kg on site No. 2 and 316...541 mg/kg on site No. 3. It is connected with the fact that arable soils differ in smaller intensity of eluvial processes and carrying out of compounds down a profile; therefore, they are richer with total forms of metal [1, 10]. In general, the amount of acid-soluble compounds of manganese in the soil is 10 times more the content of their mobile compounds. However, they are not available to plants. At the same time, they can become mobile in case of change of soil conditions, mainly an acid-base situation [5].

Conclusion. Thus, the content of mobile compounds of manganese in the natural podsollic soil is much higher, than in the anthropogenic changed soils. Nevertheless, their quantity in arable soils is rather high and exceeds maximum allowable concentration that can exert negative impact on development of plants. Content of acid-soluble compounds of manganese in arable soils is higher, than in the natural soil. Under certain conditions, they can become available to plants.

References

- Dubenok N.N., Mazhaiskii Y.A., Evtyuhin V.F., Tobratov S.A. Regularities of heavy metal distribution in soils of forest ecosystems (Exemplified by the Central Part of the Ryazan region) // Russ. Agricult. Sci. 2011. V. 37. P. 224-228.
- Nesterova O.V., Tregubova V.G., Semal V.A. Use of regulatory documents for assessing the contamination of soils with heavy metals // Eurasian Soil Science. 2014. V. 47. No 11. P. 1161-1166.
- Wieser M.E., Holden N., Coplen T.B., Böhlke J.K., Berglund M., Brand W.A., De Bièvre P., Gröning M., Loss R.D., Meija J., Hirata T., Prohaska T., Schoenberg R., O'Connor G., Walczyk T., Yoneda S., Zhu X.-K. Atomic weights of the elements 2011 (IUPAC Technical Report) // Pure and Applied Chemistry. 2013. Vol. 85, no. 5. P. 1047-1078.
- Егошина Т.Л., Шихова Л.Н., Лисицын Е.М., Жиряков А.С. Накопление тяжелых металлов в водных экосистемах разной степени загрязненности // Проблемы региональной экологии. 2007. №2. С.17-23. [Egoshina T.L., Shikhova L.N., Lisitsyn E.M., Zhiryakov A.S. Accumulation of heavy metals in water ecosystems of different degree of impurity // Problems of regional ecology. 2007. No. 2. P. 17-23. In Russian]
- Ильин В.Б., Сысо А.И. Микроэлементы и тяжелые металлы в почвах и растениях Новосибирской области. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 229 с. [Ilyin V.B., Syso A.I. Microelements and heavy metals in soils and plants of Novosibirsk region. Novosibirsk: Publ. House of Siberian branch of RAS, 2001. 229 p. In Russian]
- Классификация и диагностика почв России / Л.Л. Шишов и др. Смоленск: Ойкумена, 2004. 342 с. [Classification and diagnostics of soils of Russia / Ed. L.L. Shishov, etc. Smolensk: Oykumena, 2004. 342 p. In Russian]
- Липкина Г.С. Содержание подвижных Mn, Zn, Fe в дерново-подзолистых суглинистых почвах и их влияние на урожай в условиях интенсивного удобрения // Бюллетень ВИУА. 1991. № 108. С. 8-13. [Lipkina G.S. Content of mobile Mn, Zn, and Fe in sod-podzolic loam soils and its influence on yield under conditions of intensive fertilizing // Bulletin of VIUA. 1991. No 108. P. 8-13. In Russian]
- Молодкин В.Н., Бусыгин А.С. Плодородие пахотных почв Кировской области // Земледелие. 2016. №8. С. 16-18. [Molodkin V.N., Busygin A.S. Plodorodiye of arable soils of the Kirov region // Zemledelie. 2016. No. 8. P. 16-18. In Russian]
- Перельман А.И. Геохимия ландшафта. М.: Высшая школа, 1975. 342 с. [Perelman A.I. Geochemistry of landscape. Moscow: Higher school Publ., 1975. 342 p. In Russian]
- Полякова Н.В., Платонычева Ю.Н., Володина Ю.Н. Особенности почвообразования в серых лесных почвах под влиянием антропогенного фактора // Плодородие. 2011. № 4. С. 32-34. [Polyakova N.V., Platonycheva Yu.N., Volodina Yu.N. Peculiarities of soil forming in grey forest soils under influence of anthropogenic factor // Plodorodie. 2011. No 4. P. 32-34. In Russian]
- Протасова Н.А., Щербачев А.П. Микроэлементы (Cr, V, Ni, Mn, Zn, Cu, Co, Ti, Zr, Ga, Be, Ba, Sr, B, I, Mo) в черноземах и серых лесных почвах Центрального Черноземья. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. 368 с. [Protasova N.A., Scherbakov A.P. Microelements (Cr, V, Ni, Mn, Zn, Cu, Co, Ti, Zr, Ga, Be, Ba, Sr, B, I, Mo) in chernozems and grey forest soils of Central Chernozemie. Voronezh: Publ. House of Voronezh State University. 2003. 368 p. In Russian]
- ФР.1.31.2007.04106. МВИ массовых долей токсичных металлов в пробах почв атомно-абсорбционным методом. ООО "ХАЦ "Плазма", Томск, 2007 [FR.1.31.2007.04106. MVI of mass fractions of toxic metals in tests of soils by an atomic and absorbing method. LLC HATs Plazma, Tomsk, 2007. In Russian]

HISTORICAL SCIENCES

Артиллерия и инженерные войска русской армии в конце XVIII – первой половине XIX столетия

Бенда В.Н.

Доктор ист. наук., доцент. Доцент кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина, г. Санкт-Петербург-Пушкин

ARTILLERY AND ENGINEERING TROOPS OF THE RUSSIAN ARMY IN THE LATE XVIII – FIRST HALF XIX CENTURY

Benda V.

Dr. historical science, professor. Associate Professor history of the Leningrad state University them. A. S. Pushkin, St. Petersburg-Pushkin

АННОТАЦИЯ

В статье ведется речь о том, что в конце XVIII – начале XIX века, в отечественной артиллерии был проведен ряд значительных реформ, составляющих эпоху в развитии артиллерии. Обращается внимание, что наиболее важная роль в преобразованиях отечественной артиллерии принадлежит графу А. А. Аракчееву. Освещаются вопросы деятельности специальной «Воинской комиссии для рассмотрения положения войск и устройства оных». Анализируется организационно-штатное устройство и численный состав артиллерийских и инженерных подразделений в рассматриваемый период.

ABSTRACT

The article deals with the fact that in the late XVIII – early XIX century, in the domestic artillery was carried out a number of significant reforms that make up the era in the development of artillery. Attention is drawn to the fact that the most important role in the transformation of Russian artillery belongs to count A. A. Arakcheev. Highlights the activities of the special "Military Commission to consider the situation of the troops and the device thereof." The organizational and staff structure and numerical structure of artillery and engineering divisions in the considered period are analyzed.

Ключевые слова: XVIII в., первая половина XIX в., Аракчеев А.А., русская армия, артиллерия, инженерные войска, реформы.

Keywords: XVIII century, first half of XIX century, Arakcheev A. A., Russian army, artillery, engineering troops, reforms.

Характеризуя русскую армию в рассматриваемый период, в первую очередь обратим внимание на общую численность личного состава русской армии, которая по состоянию на 1 января 1801 г. составила 446 059 человек. Из них: 1) полевая пехота имела 201 280 чел.; 2) кавалерия – 41685; 3) артиллерия – 36 500; 4) гарнизонные войска – 96 594 человек; 5) войска особого назначения (*корпус Конде и др. – В.Б.*) – 70 тыс. чел. Пехота была сведена в 215 батальонов, конница имела 41 полк. Высшим тактическим соединением в армии являлся полк. Полевая армия распределялась по 14 инспекциям [1, с.12] (*инспекция представляла собой военно-территориальный округ, подчинявшийся трем начальникам по родам оружия – В.Б.*).

В соответствии с именным указом Александра I от 24 июня 1801 г., была образована специальная «Воинская комиссия для рассмотрения положения войск и устройства оных» [2, с.704-705]. Она должна была определить их численность и устройство, порядок их пополнения, а также заняться вопросами вооружения и обмундирования. Программа затрагивала главным образом организационные и

хозяйственные вопросы. Комиссия 1801 г. исходила, с одной стороны, из того, что армию нужно укрепить для обеспечения «внешней обороны и внутренней тишины», а с другой – из необходимости соблюдать жесточайшую экономию средств, отпускаемых на содержание войск. Несмотря на то, что перед комиссией были поставлены вопросы определения численности войск и в целом, и по родам оружия, основываясь на «силе соседей», учете возможных театров войны и «на способах внутреннего содержания», члены комиссии не сумели подняться до глубокого понимания состояния политической жизни Европы. Готовясь к войне с Англией, Павел I сосредоточил на границах три армии, куда вошла половина всех полевых войск. Перемена политического курса сделала излишними эти меры предосторожности.

Комиссия признала необходимым лишь распределить полки по постоянным квартирам для «отвращения стесненного положения войск», в связи с чем было составлено новое расписание размещения армии по 14 инспекциям (*военно-тер-*

риториальный округ, подчинявшийся трем начальникам по родам оружия – В.Б.). В вопросе о численности войск в целом и по родам оружия комиссия предлагала «умножить пехотные войска одним мушкетерским и одним же егерским полком»[1,с.11].

К началу Отечественной войны 1812 г., общая численность личного состава (здесь и далее полужирный курсив наш – В.Б.) русской полевой

армии составляла 597000 человек, из которых: 362200 человек составляло численность пехоты, 86920 человек кавалерии, 52500 человек артиллерии, 75000 человек гарнизонных войск и до 120 тыс. иррегулярных войск[1,с.14].

Данные об изменениях количества подразделений и численного состава армии на протяжении первой половины XIX века, представлены нами в таблице 1.

Таблица 1.

Изменения общей количества подразделений родов войск и численности личного состава русской армии на протяжении первой половины XIX столетия[3,с.46]

Год	Регулярные войска										Иррегулярные войска		
	Батальонов	Эскадронов	Баталрей	Всего			В том числе (тысяч)				Генералы	Щтаб и обер-офицеры	Рядовые (нижние чины)
				Генералы	Щтаб и обер-офицеры	Рядовые (нижние чины)	Пехота	Кавалерия	Артиллерия	Инженерные войска			
1826	704	633	188	506	25919	848201	645	103	84	17	15	2415	178051
1827	706	633	188	506	26186	825457	635	97	78	16	14	5878	162724
1828	691	633	188	641	26940	811080	615	96	83	17	19	2834	183396
1829	705	633	192	679	25627	824660	627	97	83	17	23	3682	187165
1830	721	598	189	692	26168	839365	642	95	84	18	26	3903	181372
1835	566	576	181	615	20534	852587	640	107	88	18	19	4533	195251
1840	750	704	224	622	23690	891904	680	107	88	17	27	2652	232945
1845	826	728	232	654	23748	1000070	789	110	85	16	25	3054	266376
1850	860	736	235	767	26442	1091144	859	116	97	19	24	3254	195172

Приступая к анализу состояния отечественной артиллерии и инженерных войск в конце XVIII – первой половине XIX вв. следует заметить, что с той или иной степенью детализации и подробностей, этот вопрос рассматривался во многих отечественных работах, изданных в различные периоды[4,5,6,7,8,9,10,11,12].

К началу XIX в. в состав инженерных войск входили 1 пионерный полк и 2 понтонные роты. Затем, по решению Военской комиссии 1801 г. в дополнение к существующим частям, в 1803 г. был учрежден еще один пионерный полк. В соответствии с новыми штатами каждый полк состоял из двух батальонов по четыре роты в каждом (*3 пионерные роты и 1 минерная – В.Б.*). **В состав инженерных войск входили также и понтонные части.** К 1803 г. числились 2 понтонных парка, разделенных на восемь рот по 50 понтонов и 48 козел в каждой. Из всех этих рот был образован в 1804 г. артиллерийский понтонный полк[13,с.368], состоящий из 2 батальонов по четыре роты в каждом. Каждая рота имела кроме понтонов по 6 орудий для обучения солдат «артиллерийской науке» [14,с.29]. После возвращения из заграничных походов армия имела 16 понтонных рот, приданных к дивизиям. Обычно все понтонные роты размещались по местонахождению парков в крепостях. В 1819 г. в России насчитывались 62 крепости, обслуживаемые инженерными частями. На каждую крепость полагалось по одной артиллерийской роте и инженерной команде[1,с.27]. После формирования в 1805 г. артиллерийских бригад было решено все шестнадцать инженерных рот, распределить по бригадам. В 1816-

1823 гг. инженерные полки были преобразованы в 2 саперных и 7 отдельных пионерных батальонов. Кроме того, были сформированы 1 конно-пионерный эскадрон и 1 саперный батальон[15,с.437-438].

Во второй четверти века инженерные войска состояли из девяти саперных батальонов по четыре роты в каждом, с численностью личного состава в каждой роте по 250 человек и 2 конно-пионерных дивизионов по два эскадрона в каждом. Каждый саперный батальон включал также один понтонный парк, состоявший из 16 кожаных понтонов и 4 козел. В мирное время саперные батальоны были сведены в 3 саперные бригады (сводную, первую и вторую). В сводную бригаду входили гвардейский, гренадерский и учебный саперные батальоны; в 1-ю бригаду – 3 саперных батальона и 1 резервный; во 2-ю бригаду – также 3 саперных батальона и 1 резервный. Резервные саперные батальоны имели по 1 саперной роте и 3 понтонных парка[1,с.27].

На вооружении полевых войск в первой половине XIX в. была гладкоствольная артиллерия. Напомним, **что со времен Петра I и вплоть до 1917 г. вся наша артиллерия делилась на полевую, осадную и крепостную** (здесь и далее полужирный курсив наш – В.Б.). Все три вида артиллерии имели на вооружении разные по назначению и калибрам артиллерийские орудия, свою организационно-штатную структуру и систему руководства. В свою очередь, полевая артиллерия, начиная с петровских времен и до начала царствования Павла I, подразделялась на полковую и полевую. Полковая артиллерия подчинялась командиру полка и состояла из

легких малокалиберных орудий: 3- и 6-фунтовых пушек, 3-, 8-фунтовых и $\frac{1}{4}$ -дюймовых единорогов и других образцов вооружения. Количество орудий, а также их калибр в разных полках, являлись разными по штату, который к концу царствования Екатерины II не всегда соблюдался. Например, мушкетерскому полку положено было иметь два 8-фунтовых единорога и две 3-фунтовые пушки, егерскому батальону – два 3-фунтовых единорога. Всего на начало 1798 г. в полевой артиллерии насчитывалось 522 орудия. В то время полевая артиллерия состояла из сугубо артиллерийских соединений и батальонов, бригад и полков, не связанных друг с другом. **По штатам 1798 г., в число артиллерийских подразделений входили:** 1-й гвардейский батальон, состоявший из 4 пеших и 1 конной артиллерийских рот; 10 пеших батальонов по 4 роты в каждом. В двух ротах находились полевые, а в двух – полковые пушки; каждая батальонная рота имела по 12 орудий; конный батальон состоял из 4 рот, в которых было 12 орудий; также имелись 3 осадные роты. Всего на вооружении стояло 660 орудий, личный состав насчитывал 24 831 человек[16,с.397].

Особенно крупные изменения в артиллерии были произведены в начале XIX в. Ряд организационных мер, проведенных по решению Военской комиссии 1801 г., значительно улучшил постановку артиллерийского дела в армии. Артиллерийские роты стали более однообразными по своему составу и получили самостоятельность, необходимую в случае придания их к пехоте. Полевая артиллерия была отделена от осадной и увеличилась. Впервые артиллерия стала иметь своих постоянных лошадей и было признано необходимым «их от рот никогда не отделять». Твердо определено было, что в состав орудийного расчета входило 15-17 человек. **В соответствии со штатом 1803 г. в состав полевой артиллерии входили:** 1 гвардейский артиллерийский батальон состоящий из 4 пеших и одной конной роты, 9 артиллерийских полков (по два батальона в каждом, в батальоне по четыре роты – В.Б.) и 2 конных артиллерийских батальона, каждый из пяти рот[17,с.679]. Этим же указом Александра I от 18 июля 1803 г. предписывалось, чтобы всю недостающую полковую, легкую артиллерию в количестве 192 орудий (6-фунтовых пушек – 38, 12-фунтовых единорогов – 78, 3-фунтовых пушек для егерских полков – 76 – В.Б.) изготовить на Санкт-Петербургском и Брянском арсеналах[17,с.681]. Число осадной артиллерии было определено в 180 орудий с местом хранения их в Киевском, Херсонском и Петербургском арсеналах[1,с.24].

Артиллерийская рота стала рассматриваться как низшая тактическая единица, высшей же стала артиллерийская бригада, придаваемая к вновь образованным пехотным дивизиям. В соответствии с положением, утвержденным Александром I 25 августа 1806 г., вся полковая и полевая артиллерия была сведена к 1807 г. в 20 артиллерийских бригад[18,с.396-397]. По со-

стоянию на 1808 г., штатное количество артиллерийских рот составляло 150 рот, в которых на вооружении находилось 1650 орудий[1,с.25].

Последним этапом в развитии полевой артиллерии первой четверти XIX в. было образование в 1819 г. специальных артиллерийских дивизий, в состав которых входило две или три бригады[19,с.69]. К началу 1825 г. русская артиллерия имела 143 пеших и 30 конных рот. Каждая три роты составляли бригаду. Две-три бригады – дивизию. Всего было сформировано 10 дивизий. Однако они создавались только для мирного времени. В военное же время бригады возвращались в свои пехотные дивизии. К середине 30-х годов XIX в. вся полевая артиллерия состояла из 165 батарей (108 пеших, 30 конных и 27 резервных горных). В 1833 г. все батареи были сведены в 21 пешую и 7 конные артиллерийские бригады. На вооружении в артиллерии состояли 6 и 12-фунтовые пушки, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ -пудовые единороги, главным образом системы образца 1838 г. По штату мирного времени полагалось иметь 1140 артиллерийских орудий, а в военное время – 1446 орудий.

Осадная артиллерия по Положению 1848 г. состояла из двух осадных парков (№ 1 и № 2), Кавказского осадного отделения и двух запасных, отдельно при Санкт-Петербургском и Киевском арсеналах. Во всех 11 отделениях было 286 орудий[1,с.25-26].

На вооружении сухопутных и приморских крепостей в первой четверти XIX в. состояли орудия образца 1805 г. (36, 30, 24, 18, 12, 6 и 3-унтовые пушки; 1-пудовые и $\frac{1}{2}$ -пудовые единороги, 5 и 2-пудовые мортиры, карронады (короткое чугунное тонкостенное орудие – В.Б.) и крепостные ружья). При обследовании в 1818 г. оказалось, что из 10 182 орудий, состоявших на вооружении крепостей, 2384 орудия настолько устарели, что не представляли никакой ценности. По новому табелю 1818 г. было оставлено 7798 орудий, из которых подлежало замене пушками нового литья около 400. С этим составом артиллерии крепости оставались до 1838 г. При установлении артиллерийских систем образца 1838 г. в действующие системы крепостных орудий не было внесено каких-либо существенных изменений. По табелю 1838 г. с вооружения были сняты 30 и 36-фунтовые пушки, все карронады, которые были переданы Морскому ведомству и $\frac{1}{2}$ -пудовые короткие единороги. Взамен их на вооружение были приняты 3-пудовые чугунные и $\frac{1}{2}$ -пудовые медные мортиры[1,с.333-334].

В заключение отметим, что начавшееся в конце XVIII в. уменьшение числа калибров и усовершенствование артиллерийских систем было завершено к 1805 г. Комиссия генерала А. А. Аракчеева оставила ограниченное число типов орудий (пушек и гаубиц) с высокими по тому времени тактико-техническими данными, отвечавшими принципам тактики колонн и рассыпного строя. Артиллерийские орудия образца 1805-1808 гг. состояли на вооружении армии до 1838 г. [1,с.332]. В этом году на вооружение были приняты новые системы гладкоствольных орудий, но почти с прежними

данными. С этого времени все полевые орудия подразделялись на орудия старой и новой конструкции. Лафеты орудий остались прежние, деревянные, образца 1805 г. Лишь в 1845 г. они были заменены новыми, но станины остались деревянными. Клиновый механизм давал угол возвышения для пушек 16,5°, а для 72-пудовых единорогов – до 19°; угол склонения для 12-фунтовых пушек – 35°, а для ½-пудовых единорогов – 6°. Для стрельбы употреблялись чугунные ядра 12 и 6 фунтов, светящиеся ядра ½-фунта, гранаты 6 и 3 фунтов и картечь. Брандкугели (*зажигательные артиллерийские ядра(снаряды) – В.Б.*) были сняты, взамен их приняты зажигательные гранаты. В 1840 г. введены картечные гранаты, которые вытеснили ближнюю картечь. В 1835 г. был введен прицел П.А. Бестужева, который крепился цапфами к кронштейну казенной части артиллерийского ствола и, независимо от угла возвышения артиллерийского орудия, занимал отвесное положение, что позволяло обеспечивать прицельную стрельбу. На линейке прицела находилось две шкалы: одна в линиях (от 0 до 60) для вертикальной наводки, другая в саженях (от 50 до 500) – для расчета дальности артиллерийского огня, что помогало наводчикам вести более точную стрельбу.

Русская артиллерия соответствовала требованиям времени. Она отражала общий процесс установления тактики колонн и рассыпного строя во всех странах Европы, где также стремились ограничить число калибров орудий. Как правило, все орудия полевой артиллерии были медными. Медь как материал для орудия обладала лучшими качествами, чем чугун, однако она имела и недостатки. Главным из них была мягкость металла. Это вынуждало работать над заменой меди другими металлами. В частности, для определения возможности применения в боевых условиях артиллерийских орудий, изготовленных из чугуна, в России, в октябре 1784 г. были проведены испытательные стрельбы из 30-фунтовых чугунных пушек, привезенных из Англии[20,Л.2-6]. Стрельбы прово-

дились с увеличенным количеством порохового заряда и ядер. По результатам стрельб, специальная комиссия сделала заключение, что «...жесточкая проба чугуном пушкам всех удостоверяет о их великой крепости, потому и признают их к употреблению весьма способными» [20,Л.6].

Что касается производства в России артиллерийских орудий, изготовленных из чугуна, то в конце 1855 г. на Александровском Олонском заводе была отлита чугунная береговая 60-фунтовая пушка конструкции поручика Н.В.Маиевского. В 1859 г. она была принята на вооружение береговой и корабельной артиллерии. По своим характеристикам пушка Маиевского значительно превосходила аналогичные орудия, изготовленные по английским чертежам [21,с.64].

Первые попытки изготовления стальных пушек относятся к концу XVIII – началу XIX в. Авторы доклада о «новоизобретенной железостальной артиллерии» указывали, что стальные пушки имеют ряд преимуществ над медными. Они более прочны, безопасны и, главное, обеспечивают возможность превысить в два раза дистанцию дальности действительного выстрела существующих систем. Опыты продолжались в течение 10 лет. Однако наладить производство стальных орудий в первой половине XIX в. так и не удалось. Только в 1857 г. полковник П.М. Обухов получил привилегию на способ изготовления литой стали в тигелях, позволяющий получать сталь в количествах, достаточных для литья пушек. В 1859 г. в Златоусте построена сталелитейная фабрика. Отлитая в 1860 г. пушка выдержала 4000 выстрелов. На Всемирной выставке в Лондоне пушка получила золотую медаль. С 1863 г. под руководством Обухова начинает строиться Санкт-Петербургский сталелитейный завод, по окончании строительства получивший название Обуховского. В то же время строится сталелитейный завод в Перми[21,с.78].

В конце первой половины XIX столетия, в состав артиллерийского и инженерного ведомств входили следующие подразделения: (см. табл. 2).

Таблица 2

Организационный состав артиллерийского и инженерного корпусов в конце первой половины XIX в. [22,с.341]

Подразделения		Количество
Артиллерийские дивизии	В пешей артиллерии	9
	В конной артиллерии	3
Артиллерийские бригады	В пешей артиллерии	58
	В конной артиллерии	8
Артиллерийские батареи	Пешие	185
	Конные	50
Артиллерийских орудий (всего)		1500
Артиллерийских округов		12
Инженерных округов		10
Арсеналов, оружейных и пороховых заводов и других частей артиллерийского и инженерного ведомств		136

Литература

1. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. – М.: Наука, 1972. – 616 с.
2. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ). 1-е собр. – СПб.: Типография II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. Т.26. (1800-1801). – 873 с.
3. Военно-статистический сборник. Выпуск IV. В 2-х частях. – СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1871. – 1178 с. Ч.2.
4. Брандербург Н.Е. 500-летие русской артиллерии. 1389–1889 гг. – СПб.: Типография «Артиллерийского журнала», 1889. – 118 с.
5. Потоцкий П.П. Столетие Российской Конной Артиллерии. 1794-1894 г. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К., 1894. – 283 с.
6. Столетие военного министерства. 1802-1902. Главное инженерное управление. Исторический очерк. Первый очерк. – СПб.: Тип. «Слово», 1902. – 675 с.
7. Столетие военного министерства. 1802-1902. Главное инженерное управление. Исторический очерк. Второй очерк. – СПб.: Тип. «Слово», 1902. – 788 с.
8. Нилус А.А. История материальной части артиллерии. Т. II. История материальной части полевой артиллерии XIX века. – СПб.: Типография П.П.Сойкина, 1904. – 490 с.
9. Павленко Н.Г. Русская артиллерия. Очерки по истории русской артиллерии 1389-1812 гг. – М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1940. – 137 с.
10. Прочко И. С. История развития артиллерии. С древнейших времен и до конца XIX века. – СПб.: Полигон, 1994. – 496 с.
11. Всемирная история артиллерии / Авторы-сост. Л. Н. Смирнова, Е. В. Доброва, К. А. Ляхова, Г. А. Гальперина. – М.: Вече, 2002. – 512 с. – С.397-403.
12. Юркевич Е.И. Совершенствование русской полевой артиллерии в конце XVIII – начале XIX века//Военно-исторический журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://history.milportal.ru/sovershenstvovanie-artillerii/> (дата обращения 09.08.2019).
13. ПСЗ. 1-е собр. – СПб.: Типография II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. Т.28. (1804-1805). – 1326 с.
14. ПСЗ. 1-е собр. – СПб.: Типография II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. Том 43: Книга штатов: Часть 2: Штаты военно-сухопутные (1801-1825): 1801- 1810. – 260 с.
15. ПСЗ. 1-е собр. – СПб.: Типография II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. Т.33. (1815-1816). – 1171 с.
16. Всемирная история артиллерии / Авторы-сост. Л. Н. Смирнова, Е. В. Доброва, К. А. Ляхова, Г. А. Гальперина. – М.: Вече, 2002. – 512 с.
17. ПСЗ. 1-е собр. – СПб.: Типография II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. Т.27. (1802-1803). – 1120 с.
18. ПСЗ. 1-е собр. – СПб.: Типография II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. Т.29. (1806-1807). – 1370 с.
19. Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год // Артиллерийский журнал. 1852. № 5.
20. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф.2. Оп. ШГФ (штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д.2351.
21. Коновалов А.А. Артиллерия. Структурный анализ. Исторический очерк. Часть 1. Военная техника. История развития ствольной артиллерии XVI-XX веков / редакция и дополнения д-ра техн. наук, проф. Алексеева С.А. и доцента Ежова Н.В. – Ижевск: ИжГТУ, 2008. – 114 с.
22. Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 г. // Сборник Русского исторического общества. Т.98. – СПб.: Тип. А. Траншеля, 1896. – 720 с.

ГЛУХІВ В ЕПОХУ СЕРЕДНЬОВІЧЧЯ*Коваленко Ю.О.**Національний заповідник «Глухів»***HLUKHIV IN THE MIDDLE AGES***Kovalenko Yu.**National Reserve "Hlukhiv"***АНОТАЦІЯ**

Стаття присвячена проблемі виникнення та розвитку міста Глухова у період розвинутого середньовіччя. Спираючись на літописні джерела та результати археологічних досліджень у статті розглянуті питання виникнення та розвитку середньовічного Глухова та встановлено місцезонавання складових частин міста у давньоруський період.

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of emergence and development of the city of Hlukhiv during the developed Middle Ages. The article discusses the emergence and development of medieval Hlukhiv and establishes the location of constituent parts of the city in the Ancient Rus period based on chronicle sources and the results of archaeological research.

Ключові слова: археологічна культура, середньовічний Глухів,

Keywords: archeological culture, medieval Hlukhiv, separate principality, citadel, fortified constructions.

Постановка проблеми зумовлена зростанням інтересу до вивчення історії літописного міста Глухова. До сьогодення одним з найменш вивчених в історії України є історичний відрізок розвитку Глухова давньоруської доби. Поодинокі згадки імен князів, окремих подій, пов'язаних з містом, практично не дають ніякої вичерпної інформації ні про топографічні особливості міста, ні про головні віхи його політичної та економічної історії. Нам невідома доля пам'яток стародавнього монументального зодчества цього періоду.

Аналіз останніх публікацій. Зацікавленість до пам'яток давнього Глухова припадає на першу половину XIX ст. Д. Бантиш-Каменський, М. Маркевич, архієпископ Філарет (Д. Гумілевський), П. Голубовський, М. Василенко, В. Кашкаров, використовуючи літописні матеріали, залишили стислі компілятивні описи Глухова XII–XIII ст. Певною мірою ці описи були доповнені істориками та археологами Д. Самоквасовим, І. Абрамовим, П. Єременком.

Останнім часом вивченням історико-археологічної спадщини Глухова займались Сухобоков, В. Белашов, В. Приймак, В. Звагельський, Ю. Коваленко

Об'єктом дослідження є місто Глухів.

Предметом дослідження є історичний розвиток Глухова давньоруського часу. На основі археологічних досліджень з'ясовується ареал історичного міста, локалізуються його окремі райони: городище, укріплений посад, передгороддя, оборонні укріплення, господарські та інші споруди.

Завданням дослідження є визначення часу виникнення та розвитку Глухова і його поселенської структури у період розвиненого середньовіччя.

Виклад основного матеріалу. Однією з найголовніших проблем у дослідженні історії Глухова є питання про час його заснування. За висновками І. Ляпушкіна, слов'яни з'явилися на території Лівобережжя близько VIII ст., рухаючись із західних (правобережних) районів. Згідно археологічних карт глухівські землі знаходилися на північній межі слов'янського племені сіверян, яке сформувалося у результаті взаємодії носіїв дніпровської групи роменської археологічної культури з автохтонним населенням [1, с. 151–159]. Давнім центром сіверян Б. Рибаків вважав Новгород-Сіверський, а територію сіверянських племен – землі що до нього прилягали і пізніше входили до Новгород-Сіверського князівства [2, с. 117]. За літописними даними сіверяни мешкали на Десні, Сеймі та Сулі. На північному заході землі сіверян межували з землями радимичів, у Подесенні їх сусідами були кривичі. Порубіжжям між сіверянами та кривичами, судячи з кордону між Чернігівським та Смоленським князівством, котрий виник пізніше, були верхні течії річок Угри, Десни та Сожу. На півночі знаходились землі в'ятичів, на сході – землі Хазарського каганату. Як і племена в'ятичів, сіверяни платили данину хозарам. Як зазначав П. Голубовський у своїй праці «Історія Сіверської землі до XIV століття», кордоном між землями сіверян та в'ятичів слугував вододіл між притоками Десни

Нерусою, Невлею, Резною та Болвою з одного боку, та притокою Оки Жиздрою – з іншого. Тісні контакти сіверян з в'ятичами призвели до розселення поселень одного племені серед населення іншого. Колонізаційні процеси відбувалися як у землі сіверян, так і навпаки, сіверянами у інші землі, зокрема у землі в'ятичів. Спочатку головною рушійною силою цієї колонізації була взаємовигідна торгівля. Найбільш сприятливим шляхом для цього стала р. Десна. Саме по ній розпочався основний рух із північних районів землі сіверян у область в'ятичів. Колонізація в'ятицьких земель зі східної частини сіверських, з басейну р. Сейму, була неможливою у зв'язку з обмаллю шляхів сполучення, а також необхідністю оборони східних рубежів сіверянських земель від кочовиків [3, с. 17–19]. Глухів зі своїми землями знаходився якраз посередині між Десною та Сеймом. Археологічною культурою, яка ототожнюється з літописними сіверянами традиційно вважається роменська, відкрита М. Макаренком поблизу м. Ромни, Сумської області. Але, як не дивно, пам'ятки роменської археологічної культури як на території Глухова, так і у його окрузі відсутні. Найближчим до Глухова значним археологічним об'єктом роменського періоду можна вважати городище та могильник біля с. Волокитине Путивльського р-ну, Сумської обл., розташоване за 40 км на південний захід від Глухова [4, с. 115]. Городище та могильник знаходяться на високому плато правого берега р. Клевені. Археологічні розвідки показали, що на території укріпленого посаду на невеликій глибині знаходяться залишки згорілих дерев'яних зрубів, що, безумовно, може бути свідченням загибелі городища у результаті воєнного нападу. Внаслідок завойовницького руху Хазарського каганату (сер. VII ст. – 965 р.) на державу росів, на думку відомого археолога і історика Д. Самоквасова, у VIII ст. в областях Десни і Сейму з'явилися перші руські міста, кількість яких значно зросла в кінці X ст. В цей час все частішими стають напади на Русь печенігів, страждають від них і землі Сіверщини. Київські князі змушені були вести постійну боротьбу з кочовиками й постала нагальна потреба у створенні ряду прикордонних засік та городків, що вперше було зроблено київським князем Володимиром [3, с. 52]. За свідченням літописного зводу «Повість минулих літ» в 988 році Великий князь Володимир (980–1015 рр.) повелів «ставити міста по Десні і по Остру, і по Трубежу, і по Сулі, і по Стугні, і почав нарубати мужів кращих від словен і від кривич, і від чуді, і від в'ятич, і від них населив гради, так як була війна з печенігами (898–1050 рр.). І воював з ними, і перемагав їх».

Як підкреслює В. Белашов, ці повідомлення наштотвують на думку, що заснування Глухова можна віднести до 988 року. Однак вона позбавлена точних історіографічних, часових і географічних посилань. Будуючи нові і укріплюючи старі міста князь Володимир одночасно здійснював і процес християнізації. У цьому ж році він наказав «робити церкви і ставити на місцях, де ото стояли кумири... І почав він ставити по городах церкви, і попів, і лю-

дей на хрещення приводити по всіх городах і селах». Деякі волості-сотні, такі як Путивльська, Ворсклинська та Псільська, що також виникли внаслідок колонізації, отримали у спадок ряд вже існуючих ще з періоду роменської доби селищ та городищ, а от землі Глухова та його округи були заселені в результаті саме державної колонізації, оскільки археологічно доведена відсутність об'єктів роменської культури в окрузі Глухова [5, с. 90].

На ранньому етапі існування давньоруської держави (IX–X ст.), існувало безліч населених пунктів різного типу, які не завжди пізніше розвинулись у міста. Це так звані «вики» – інтернаціональні центри, що виникли на перехрестях торгових шляхів, «стани» та «погости» – місця збору данини на шляху полюддя та опорні пункти державної влади, що формувалася, племенні адміністративно-культурні центри «гради», військові або дружинні табори, фортеці, відкриті торгово-ремісничі поселення, садиби-замки, адміністративні центри державної влади, що була у стадії формування [6, с. 34]. У своїй фундаментальній праці відомий історик М. Тихомиров підкреслює, що головним чинником переростання будь-якого укріпленого населеного пункту у справжнє місто, було виникнення біля його стін ремісничого посаду, який постійно розростався [7, с. 15]. Саме таким населеним пунктом, що розвинувся у середньовічне місто і став центром удільного князівства, був Глухів. На думку Є. Шинакова, у деснянському регіоні у справжні міста перетворились лиш ті поселення, котрі були адміністративними та економічними центрами щільно заселених сільським населенням територій, з яких можна було отримати різноманітні ресурси і де був можливий обмін ремісничими та іншими виробами [8, с. 96]. Через близькість Глухова до земель печенігів і половців, він рано звернув на себе увагу князів і по можливості був укріплений від вторгнень кочових племен. В історичній літературі Глухів згадується під 992, а в літописному джерелі під 1152 роками. Перша дата наведена в книзі «Картини церковного життя Чернігівської єпархії із IX-вікової її історії». Вона пов'язана з остаточним затвердженням влади князя Володимира, «одержавленням» сіверянської території і укріпленням християнської ідеології. Християнство як нам відомо із літописів, окрім Києва і Чернігова – в домонгольський період було в Ольжичах, де за переказом стояв палац святої княгині Ольги, Стародубі, Сосниці, Глухові, Макошині, Погарі-Радогості, Княжичах, Ніжині, Лосинівці, Острі, Вщижі, Орлику, Рожку, Городні, Сиволожі (Всеволожі), Унежежі, Біловежі, Бахмачі, Боровичах, Седневі та інших містах. На Сіверщині з'явилась потреба в заснуванні єпархії окремої від Києва, котра за літописом заснована була в Чернігівській землі в 992 році. Слова київського митрополита Іларіона, автора «Картин церковного життя Чернігівської єпархії із IX-вікової її історії» із його праці «Слово про закон і благодать», написані між 1037–1051 роками.

За літописними даними, які дійшли до нас, за IX–X ст. на Чернігівщині згадуються лише три міста: Любеч – під 882 роком, Чернігів і Переяслав – під 907 роком. Згадок про Глухів у них немає. Однак створення окремої єпархії, яка включала в себе тільки ці міста, навряд чи було б можливим. Всього ж Географ Баварський, описавши тільки деякі краї північних слов'ян, нарахував більше двадцяти різних народностей та понад 3760 укріплених міст [9, с. 89]. Також він згадує більш як про 300 міст і поселень Сіверської землі. Сіверська земля в кінці X ст. охоплювала майже всю колишню Чернігівську, частину Мінської, Могильовської, Орловської, Курської, Харківської і Полтавської губерній [10, с. 6]. Серед важливих центрів сіверської землі таких як Новгород-Сіверськ, Трубецьк (Трубчевськ), Путивль, Сновськ, Рильськ та Стародуб історик П. Голубовський називає і Глухів [3, с. 14].

У 1152 р. суздальський князь Юрій Долгорукий з синами, у союзі з рязанцями, муромцями і половцями, рушив у похід проти Великого князя київського Ізяслава Мстиславовича. Як зазначено у літописі, 13–14 грудня величезне військо зупинилось на постій у Глухові: «... Ярославич Ростислав з братами, і з рязанцями, і з муромцями, а також і половці і Оперлюї, і Токсобичі, і весь половецький народ, скільки ото їх межі Волгою і Дніпром...» Похід Юрія завершився невдало, і він через землю в'ятичів повернувся до Суздаля [11, с. 254]. Д. Багалій у своїй «Історії сіверської землі» конкретизує, що Глухів належав Новгород-сіверському князівству й князь Юрій, рухаючись із Суздаля до Чернігова, прийшов у Глухів, де вступив у переговори з князем новгород-сіверським Святославом Ольговичем пропонуючи йому спільно вирушити у похід на Чернігів [12, с. 157]. У трьох різних варіантах зустрічаємо ми згадку про Глухів під 1152 роком у Іпатіївському, Лаврентіївському та Воскресенському літописах.

Ще у 1902 р. В. Кашкаров піддав критиці однозначне трактування шляху Юрія Долгорукого у поході на Чернігів. Намагаючись відтворити цей шлях, він зробив спробу ідентифікувати населені пункти, згадані у літописах. Відправними точками дослідження стали міста Глухів, Ольгов та Спаш. Створивши своєрідну схему походу й провівши віртуальну лінію шляху війська Юрія Долгорукого, він зробив висновок, що шлях з Мценська (а війська вийшли саме звідти) до Чернігова був направлений на захід і повинен був пройти через ті міста, котрі охороняли волок між Окою та Десною. Ця лінія на його думку проходила через Спас-Рославль, який він ідентифікував з літописним містом Спаш та с. Льгово (літописний Ольгов). Глухів у цю схему не вписується взагалі. Хоча в усіх трьох літописах є згадка саме про Глухів, цей факт В. Кашкаров пояснив тим, що у одному з найдавніших літописів – Іпатіївському, що найбільш докладно розповідає про цей похід, назва Глухова була трохи зіпсована, й могла бути невірно прочитана й помилково подана у пізнішому списку переписувачем літописів. Інші ж літописи могли

скопювати цю помилку. На його думку вона була допущена у назві Ольгов [13, с. 1–7].

Інша літописна згадка про Глухів датована 1167 роком. «У тім же році переступив хреста Володимир Мстиславич. Почали слати до нього [послів половці] Чагровичі – Чекман, і брат його Тошман, і [брат] Моначюк, – мовлячи «ми тобі сприятимем!» ... і поїхав він до берендичів, і зустрівся з берендичами нижче [города] Ростовця ... і стали вони в нього пускати стріли, і вдарили князя двома стрілами ... і побіг він, і тоді побили вони отроків навколо нього. А сам він утік до [города] Дорогобужа ... Але Андрійович [Володимир] підняв моста на [ріці] Горині і не пустив його до себе в [Дорогобуж] ... Андрій тим часом послав назустріч йому [гінця] і сказав йому: «Ти іди в Рязань до отчича свого Гліба, а я тебе наділю». І пішов він туди, а жону оставив з двома дітьми, [Святославом і Ростиславом], у [городі] Глухові, в [удови] Всеволодової [Марії]» [11, с. 292]. Отже дружина покійного чернігівського та Великого київського князя Всеволода Ольговича Марія Мстиславівна проживала у Глухові. Слушним буде припущення, що у 1146 році після смерті Всеволода Ольговича Марія отримала для «кормління» м. Глухів [14, 4–5].

Як видно з літопису, Глухів був досить надійним містом для безпечного перебування княжої сім'ї. Отже він мав бути добре укріпленим. Його вигідне географічне розташування зіграло через деякий час свою роль – місто стало центром Глухівського удільного князівства. В. Мавродін називає Глухів у числі найбільших міст Посейм'я [15, с. 23]. Через Глухів проходили торгівельні шляхи сіверян з полянами, древлянами, в'ятичами, радимичами, фінно-уграми [16, с. 8]. Вододіл між системами Десни та Оки у давнину слугував кордоном двох племен – сіверян та в'ятичів [17, с. 72].

Третя згадка про Глухів пов'язана з навалюю Батия на Русь і датована 1239 р. «...Батий же, узявши Козельськ, пішов у землю Половецьку, а звідти став посилати [війська] на городи руські. І взяв він город Переяславль списом, вибив його увесь, і церкву архангела Михаїла сокрушив, і начиння церковне незчисленне срібне й золоте, і дороге каміння узяв. І єпископа, преподобного Симеона, вони убили. У той же час послав він [війська] на Чернігів. Обступили вони город великою силою, і Мстислав Глібович, почувши про напад на город іноплемянних, прийшов на них зо всіма воями. Билися вони, переможений був Мстислав, і безліч із воїв його побито було, і взяли вони город, і запалили вогнем. Єпископа [Порфирія] вони оставили живим і одвели його в Глухів» [11, с. 394]. Отже військо, яке розорило Чернігів, повернулося до Глухова, який на той час вже був захоплений. Події ці відбувалися восени 1239 р. Розвідувальні загоны на чолі з Менгуханом в той же час підійшли до Києва. Спроба за допомогою переговорів і малим числом заволодіти містом не мала успіху [11, с. 394]. Військові підрозділи котрі взяли Чернігів цілеспрямовано повернулися до Глухова, як до вірогідної бази. Вивчення інфраструктури

округи давньоруського Глухова підтверджує думку, що саме тут було вигідне місце для відпочинку та поповнення провіантом. Щільність заселення цієї місцевості була дуже високою. О. Русов у своєму описі Чернігівської губернії, посилаючись на «Слово о погибели земли русския от смерти великого князя Ярослава», наводить цитату про велику кількість міст і сіл Чернігово-Сіверщини, висловлюючи, водночас, сумніви з приводу саме великої кількості сіл. Він вважав, що поселення розмішувалися щільно тільки по течії Десни [18, с. 4]. За даними ж останніх археологічних розвідок тільки в радіусі кількох кілометрів навколо сучасного Глухова виявлено десятки давньоруських селищ.

Як стверджують літописці, серед загального розорення, що охопило Русь, Глухів був чи не єдиним містом, яке збереглося, і там виникло нове князівство [19, с. 23]. Натомість округа Глухова постраждала, про що свідчать знахідки монгольських наконечників стріл, а також сліди пожеж на більшості селищ давньоруського часу [20, с. 341]. Тільки через рік монголи підійшли до Києва й обложили його [11, с. 395].

Глухів з його землями стає податково-даниною одиницею, що входила до складу Чернігівської тьми, створеної монголо-татарськими ханами для зручності управління. Глухівським уділом володіли нащадки князя чернігівського Михайла Всеволодовича, страченого 1246 р. в Золотій Орді за непокору (пізніше причислений до лику святих як Михайло Чернігівський). Після 1246 р. Глухів дістався у володіння одному із синів Михайла Всеволодовича Симеону Михайловичу. Князівство цього роду продовжувалось трохи більше ста років, до початку діяльності Романа Симеоновича, князя новосільського, за словами Д. Бантиш-Каменського, до нашестя литовців. Польський історик-хроніст М. Стрийковський повідомляє, що подія ця відбулась у 1320 році, а саме: Гедимін взяв Овруч, Житомир, міста київські, розбив на березі Ірпеню, за двадцять п'ять верст від Києва, князя Станіслава [19, с. 24]. Натомість М. Карамзін заперечував цей факт і вказував на ряд писемних документів, що показують численні помилки та протиріччя у літописному оповіданні Стрийковського про захоплення Києва Гедиміном [21, с. 60].

Ще Симеон Михайлович, хоча й був князем глухівським, більшість часу проводив у Новосілі, й тому згодом він почав іменуватися князем новосільським. За одними даними його син Роман переселився до Одоєва «от насилья татарского» [22, с. 130] і таким чином поклав початок роду князів Одоєвських [23, с. 280]. За іншими ж даними Роман був онуком Симеона Михайловича, оскільки помер він після 1402 р., а Симеон Михайлович почав княжити у 1246 р. Син же його Михайло Симеонович, князь глухівський княжив у другій половині XIII – на початку XIV ст. [24, с. 419–422] Загалом же новосільські князі недовго були відомі історії під цим найменуванням, розділившись по своїм уділам, якими володіли, вони стали зватися бельовськими (за назвою м. Бельов), одоєвськими (Одоєв) та воротинськими (Воротинськ) [22, с. 131].

У 1326 р. ханом Узбеком в Орді були страчені рідний брат Михайла Глухівського – князь Новосільський Олександр Симеонович та його старший син Сергій [22, с. 110].

Наступні джерела з історії Глухова мають дуже пізні походження, а їх достовірність залишає бажати кращого. Згідно родовідної легенди першої третини XVI ст., у князя Михайла Чернігівського був син князь Симеон Глухівський і Новосільський. Останній мав сина князя Романа, від якого походять численні нащадки [25, с. 74–76; 26, с. 41, 112]. Однак, згідно більш раннім, отож більш надійним документальним джерелам, Роман Симеонович Новосільський був активно діючим князем в останній чверті XIV ст., можливо навіть на початку XV ст. [27, с. 110–111; 28, с. 54–55]. Його батько Симеон згадується у грамотах московського князя Симеона Гордого за 1340 та 1348 роки з титулом князя «новосільського» [28, с. 12, 14]. Титул князя «глухівського» з ранніх джерел у князя Симеона Новосільського невідомий, жив він у середині XIV ст., і тому не міг бути сином князя Михайла Чернігівського [29, с. 76–77]. Навіть щодо історії новосільських князів XV ст. у родоводах XVI–XVII ст. містяться помилки, які також виявляються за документальними джерелами.

Окрім того, відомі пом'яники князів чернігівського дому у складі синодиків Веденської церкви Києво-Печерської Лаври (XVIII ст.) та Антоніївського Любецького монастиря (XVIII ст.). Ці джерела виникли незалежно від родовідних книг Московської держави XVI–XVII ст. Зазначені пом'янки не підкріплюють родовідну легенду про походження глухівських і новосільських князів від князя Михайла Чернігівського. В них названі князі Михайло Глухівський та його син Симеон. За ними йдуть князь Олександр Новосільський (згідно літописів, страчений в Орді у 1326 р.), а також князі Сергій та Симеон Олександровичі [23, с. 27; 27, с. 42; 30, с. 18]. Згадані джерела не називають дати життя глухівських князів та не встановлюють ступінь спорідненості з новосільськими князями. Можна лише припускати, що князь Михайло Глухівський та його син Симеон жили ще наприкінці XIII – на початку XIV ст.

Економічна залежність земель, завойованих монголами, виражалася у щорічній сплаті так званої «татарщини» та постачанні «живої сили» для війська. Для контролю підвладних золотоординським ханам територій було проведено кілька переписів населення. Перший перепис був проведений ханом Батием, ймовірно, у 1245 р.: «В лето 6766 взяша татарове всю землю литовскую. Тоеже зими посла царь Батый на Русь князей своих и дьяков: и повеле исчести и исписати всю землю русскую, только не писать тех кто служит у церкви Божии» [31, с. 59], другий у 1257 р. при ханові Берке, і останній відомий перепис був проведений у 1275 році за правління Менгу-Тимура [32, с. 76–77].

На відміну від багатьох давньоруських міст, містобудівна структура котрих на сьогоднішній день, завдяки літописам та археологічним розкоп-

кам, частково або більш докладно з'ясована, структура давнього Глухова залишається практично невивченою. Тільки дякуючи фрагментарним археологічним розвідкам, та нагляду за земляними роботами під час будівництва та господарських робіт, що провадилися на території міста, вдалося приблизно окреслити ареал з давньоруським археологічним культурним шаром.

Місце розташування дитинця давньоруського Глухова – питання дискусійне. Оскільки у літописах Глухів згадується дуже мало, а його топографічного опису княжої доби взагалі невідомо, висновки про міські фортифікації та поселенську структуру того часу формувалися в основному на підставі археологічних розвідок та порівняльної характеристики пізньосередньовічних планів Глухова та залишків давніх фортифікацій. Одна з версій місцезнаходження дитинця – природне плато, яке здіймається над заплавою р. Есмані та пересохлим руслом струмка Нетеча (Малотеча, Починок) і межує з вулицями Валовою, Спартак та Терещенків. За цією версією його площа становила приблизно 2,7 га [33, с. 310]. Саме археологічні розвідки спершу навели дослідників на думку про те, що дитинець знаходився у згаданому місці (В. Звагельський, В. Приймак) [34, арк. 4–5]. Пізніше, коли продовжились планомірні археологічні дослідження міської території, особливо її центральної частини, виникла інша думка щодо локалізації дитинця. На картах Глухівської фортеці XVIII ст. чітко видно мис, що виступає у заплаву р. Есмані. Згідно останніх досліджень, за твердженням В. Приймака саме на цьому мисі знаходився дитинець середньовічного Глухова. Його площа становила 2,5 га, що перевищує площі дитинців двох сусідніх з Глуховом давньоруських міст Путивля та Вира. В. Приймак також наголошує, що можливо не вся територія мису була відмежована ровом як дитинець, а тільки його частина [35, с. 22]. Висновки В. Приймака про місцезнаходження дитинця на кінці природного мису біля Київської брами є слушними, але все-таки вони базуються на недостатній доказовій основі. Залишків рову, що відмежовував дитинець від посаду не виявлено. Знайдена тільки невелика кількість фрагментів кераміки, зокрема частина миски, яка на думку В. Приймака датується X–XI ст. [36, с. 12].

Що собою являли укріплення княжого Глухова поки що не встановлено. Археологічні дослідження хоч і проводились у багатьох місцях центральної частини міста, за браком ділянок, де можна було б безперешкодно закласти великий розкоп обмежились тільки шурфуванням. Ці роботи показали, що культурні шари періоду давньої Русі на місці вірогідного дитинця майже повністю зриті під час пізніших перебудов Глухова. Тому, про те, чи була забудована територія дитинця і яким саме чином, сказати неможливо. Але важливим доказом існування тут мурованої споруди (вірогідно храму або княжого палацу) є скупчення плінфи неподалік Київської брами. На схилі решток західного бастіону виявлений фрагмент плінфоподібної плитки, вкритої темнозеленою поливою. Такими

плитками зазвичай встелялася підлога давньоруських храмів [37, с. 142]. У східній частині мису знайдено велику кількість плінфи та цем'яноквого розчину, що свідчить про місцезнаходження у безпосередній близькості до місця знахідки підмурків кам'яної споруди.

При дослідженні західних схилів глухівської фортеці XVII–XVIII ст. у тому місці де знаходяться залишки єдиного збереженого бастиону, посередині ескарпованого схилу виявлена засипана тераса, яка, вірогідно, оперізувала схили фортеці у період Київської Русі. Підтвердженням цьому є смуга з археологічним культурним шаром, насиченим керамікою XII–XIII ст., яка проходить у верхній третині західного схилу по вул. Валовій.

Як вже зазначалося вище, культурні шари на дитинці майже повністю були знищені під час забудови міста у пізньому середньовіччі. Ділянки, прилеглі до дитинця, постраждали менше. У деяких місцях культурний шар сягає потужності 1,5–1,7 м. Це дає змогу не тільки зробити більш-менш точне датування забудови на даних ділянках, а й з великою вірогідністю визначити функціональне призначення залишків споруд, виявлених на них.

Шлак зі слідами високотемпературного випалу, виявлений у сквері біля водонапірної вежі, може вказувати на місцезнаходження ремісничої майстерні. Фактично це найвища точка сучасного міста, але залишки рову давньоруського часу, зафіксованого за кілька метрів від водонапірної вежі, вказують на те, що у той час ця місцевість не була центром міста, хоча й домінувала над округою. На дослідженій ділянці фрагмент залишків рову простягається у напрямку схід-захід. Оскільки у його заповненні зустрічаються тільки археологічні матеріали XII–XIII ст., можна зробити висновок, що виявлено рів домонгольського часу. Він міг бути частиною укріплень посаду, оскільки дитинець знаходився на мисовому виступі біля Київської брами. Локалізувати укріплення, або окільний град давньоруського Глухова, на нашу думку, можливо, співставивши матеріали археологічних досліджень та картографічні матеріали XVIII ст., на яких позначені межі глухівської фортеці. На момент її формування ще добре було видно залишки дитинця, який згадується як «старосвіцьке городище». Залишки ровів окільного граду також повинні були частково зберегтися. Цей факт міг бути використаний під час копання фортечних ровів у XVII ст. і вони повторили конфігурацію земляних фортифікаційних споруд давньоруського укріпленого посаду Глухова.

Споруда, виявлена поряд з південно-східним кутом будинку А.Я. Терещенка, та інтерпретована як майстерня давнього ювеліра або господарська яма, що знаходилася неподалік майстерні, також знаходилася у межах укріпленого посаду у північно-східній його частині з самого краю. Така сама майстерня мала знаходитися неподалік місця де зараз знаходиться міський палац культури, під час реконструкції якого були виявлені тигель із залишками окису зеленого кольору, та шлак, що утворився в результаті обробітку кольорового металу.

Потужні шари з матеріалами XII–XIII ст. виявлені по вул. Терещенків між будівлями колишнього банку «Україна» та будинком побуту. Під час реконструкції магазину господарчих товарів на Соборному майдані досліджені культурні шари XII–XIII ст., частина знищеної пожежею дерев'яної споруди та печі, складеної з перевикористаної плінфи. За керамікою об'єкти датуються XIV–XV ст. На початку пр. Пожежного також присутній культурний шар XII–XIII ст. Він виявлений і під час господарських робіт по вул. Києво-Московській біля чехословацького будинку, поряд з пам'яткою архітектури та історії будинком П. Лютого, під час реконструкції стометрівки, майже по всій довжині пішохідної частини вул. Києво-Московської. Культурний шар, кераміка та господарчі ями киево-руського часу досліджувалися по вул. Терещенків у котловані багатоквартирного будинку, котрий постав біля центрального стадіону, та по вул. Спартака біля духовно-просвітницького центру монастиря Глинська пустинь. Потужні шари того ж періоду досліджені В. Приймаком на території пам'ятки історії та культури Тюремного замку. Біля південно-західного кута тюремного замку під час прокладання труби водогону робітники натрапили на залишки давньоруської будівлі. Це стало зрозумілим після розчистки глинобитної печі та кераміки XII–XIII ст. Земляні роботи по вул. Терещенків, 28-А, що проводилися поряд з пам'яткою місцевого значення будинком Миклашевського у зв'язку з будівництвом магазину АТБ дали змогу обслудувати значну територію. Загальна площа розкопу складала близько 500 кв. м. Всього було досліджено 2 споруди та 9 господарських ям XII–XIII ст. Особливий інтерес викликали залишки двоповерхової споруди XII – початку XIII ст. У котловані споруди розміром 3x5 м у східному куті знаходилася глинобитна піч, збудована на каркасі із лози. Залишки іншої печі, що впала з другого поверху виявлені у заповненні будівлі. [38, с. 248–249]. Серед речей, виявлених у заповненні споруди – кераміка, фрагменти скляних браслетів та каблучки, бронзовий хрестик і т. д. Датування всіх предметів не виходить за рамки XII–XIII ст. Поряд з напівземлянкою знаходилося кілька господарських ям. За 50–70 м на південь і південний захід від напівземлянки також були виявлені кілька давньоруських об'єктів (напівземлянки та господарські ями).

Відстежуючи покриття центральної частини сучасного міста незнищеними культурними шарами давньоруського часу, можна зауважити, що незважаючи на досить інтенсивну господарчу діяльність, котра за кілька століть знищила велику кількість незайманих ділянок, територія укріпленого посаду ще й зараз являє собою важливий і перспективний археологічний об'єкт, котрий може пролити світло на особливості його забудови та фортифікацій княжої доби.

Спираючись на результати археологічних досліджень, визначені основні етапи та хронологічні межі давнього заселення території Глухова в епоху середньовіччя та встановлено місцерозташування складових частин міста у давньоруський період

(XII–XIII ст): городища, укріпленого посаду, передгороддя, оборонних укріплень, господарських, а також інших споруд, що відображають особливості його соціально-економічного, політичного та культурного розвитку.

Література

1. Щоголев О. Н. Хрестоматия для провинциального юношества по истории города Рыльского. – Курск: «Курскинформпечать», 1994. Ч. I. – 318 с.
2. Богусевич В. А. Про топографію древнього Чернігова // Археологія. – К.: Видавництво Академії наук Української РСР, 1951. Вип. V. – С. 116–126.
3. Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. – К.: В университетской типографии (И.И. Завадзкого), 1881. – 209с.
4. Коваленко Ю. О. Волокитинське городище VIII–XIII ст. // Археологічний літопис Лівобережної України. – Полтава: ВЦ «Археологія» ЦОДПА, 2001. №1. С. 115.
5. Приймак В. В. Путивльське удільне князівство Чернігово-Сіверщини. – Полтава: Техсервіс, 2007. – 180 с.
6. Шинаков Е. А. Пути формирования древнерусских городов в Подесенье // Деснинские древности: Материалы межгосударственной научной конференции. – Брянск, 2008. – Вып. V. – С. 33–40.
7. Петров М. Б. Исторична топографія Кам'янець-Подільського кінця XVII–XVIII ст. – Кам'янець-Подільський: Абетка-НОВА, 2002. – 384 с.
8. Шинаков Е. А. Пути формирования городов в Деснинском регионе древней Руси. // Русский сборник. – Брянск: РИО БГУ, 2008. – Вып. 4. – С. 96.
9. Самоквасов Д. Я. Древние города России. – СПб.: Тип. К. Замысловского, 1873. – 190 с.
10. Белашов В. І. Глухів – столиця Гетьманщини (До «Глухівського періоду» історії України (1708-1782 рр.)) – Глухів: РВВ ГДПУ, 2005. – 220с.
11. Літопис Руський. – К.: Видавництво «Дніпро», 1990. – 591 с.
12. Багалеї Д.И. История Северной земли до половины XIV ст. – К.: В университетской типографии (И.И. Завадзкого), 1882. – 328 с.
13. Кашкаров В. Глухов, Ольгов и Спаш (Историческая заметка) // Калужская старина. Издание калужского церковного историко-археологического общества. – Калуга: Тип. Калуж. Губ. Правления, 1902. – Год второй. – Т. 2. – Кн. 1. – С. 1–7.
14. Звагельський В. Б. Давньоруський Глухів (За матеріалами археологічних досліджень 1991-1992 рр.) – Глухів, 1992. – 18 с.
15. Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.) – СПб.: Наука, 2002. – 416 с.
16. Белашов В. І. Глухів – столиця гетьманської і Лівобережної України. – Глухів, 1996. – 145 с.
17. Соловьев С. М. Сочинения. Кн.1. История России с древнейших времен. – М.: Мысль, 1988. – Т. 1–2. – 797 с.
18. Русов А. А. Описание Черниговской губернии. – Чернигов: Типография Губернского Земства, 1898. – Т. 1. – 437 с.
19. Бантыш-Каменский Д. История Малой России (часть первая) – М.: Типография Семена Селивановского, 1830. – 470 с.
20. Коваленко Ю. О. У пошуках давньоруського Глухова // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. – Чернігів: Редакційно-видавничий комплекс «Деснянська правда», 2007. – С. 339–355.
21. Івакін. Г. Ю. Историчний розвиток Києва XIII – середини XVI ст. – К.: Наукова думка, 1996. – 272 с.
22. Зотов Р. В. О черниговских князьях по любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время. – СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1892. – 379 с.
23. Городские поселения в Российской империи. – СПб.: В типографии К. Вульфа, 1865. – Т. 5. – Ч. 1. – 419 с.
24. Войтович Л. В. Княжа доба: портрети еліти. – Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006. – 782 с.
25. Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. – М.: Наука, 1986. – 224 с.
26. Редкие источники по истории России. Новые родословные книги XVI в. – М.: Наука, 1977. – Вып. 2. – 186 с.
27. Полное собрание русских летописей. Рогожский летописец. Тверской сборник. – М.: Издательство «Языки славянских культур», 2000. – Т. 15. – 432 с.
28. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 586 с.
29. Беспалов Р. А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. – Брянск: РИО БГУ, 2011. – Вып. 13. – С. 63–97.
30. Поменник Введенської церкви в Ближних Печерах Києво-Печерської Лаври. Публікація рукописної пам'ятки другої половини XVII ст. // Лаврський альманах. – К.: 2007. – Вип. 18, спецвипуск 7. – 120 с.
31. Летописец содержащий в себе Российскую историю. От 6360(852) до 7106(1598) года. То есть по кончину Царя и Великого Князя Феодора Иоанновича. – М., 1781. – 196с.
32. Єльников М. В. Золотоординські часи на українських землях. – К.: Видавництво «Наш час», 2008. – 176 с.
33. Вечерський В. В. Пам'ятки архітектури й містобудування Лівобережної України: виявлення, дослідження, фіксація. – К.: Видавничий дім А. С. С., 2005. – 586 с.
34. Національний заповідник «Глухів». Бібліотечний фонд. №1034. Звагельський В.Б.,

Приймак В.В. Звіт про археологічні розкопки давньоруського міста Глухова у 1991 р. – 48 арк.

35. Приймак В. В. Літописне місто Глухів (До 850-річчя першої літописної згадки) // Збереження історико-культурних надбань Глухівщини. – Глухів: РВВ ГДПУ, 2003. – С. 21–26.

36. Белашов В. І. Археологічні дослідження міста Глухова (огляд історичного і сучасного стану. 1872-2000 рр.) // Збереження історико-культурних надбань Глухівщини: матеріали першої науково-практичної конференції (18 квітня 2002 р.) – Глухів: РВВ ГДПУ, 2002. – С. 7–16.

37. Тоцька І. Ф. Про деякі підсумки вивчення Софії Київської // Теорія та історія архітектури і містобудування: зб. наук пр. / Держ. НДІ теорії та історії архіт. і містобудування. – К.:НДІТІАМ, 1998. – Вип. 2. – С. 141–145.

38. Черненко Е. Е., Кедун И. С. Исследование летописных городов Чернигово-Северщины (Чернигов, Новгород-Северский, Нежин, Глухов) // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр». Научный ежегодник. – Брянск: РИО БГУ им. академика И.Г. Петровского, 2014. – С. 247–249.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ АЛЕКСАНДРА I И НАПОЛЕОНА В ПРЕДДВЕРИИ И ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ 1812 Г.

Колегов С.С.

кандидат исторических наук, доцент, Уральский гуманитарный институт, Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург.

THE POLISH PROBLEM IN THE POLITICS OF ALEXANDER I AND NAPOLEON IN THE THRESHOLD AND IN THE FIRST MONTHS OF THE WAR OF 1812

Kolegov S.

candidate of historical sciences, university reader, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ

В статье изучается роль «польского вопроса» в развитии международной ситуации в Европе в первые годы XIX в. Рассматривается политика Наполеона и Александра I в отношении Великого герцогства Варшавского. Показаны попытки нового польского государства воспользоваться поддержкой Наполеона и укрепить свое влияние в Европе.

ABSTRACT

This article examines the role of the "Polish question" in the development of the international situation in Europe in the first years of the XIX century. Considered the policy of Napoleon and of Alexander I in respect of the Grand Duchy of Warsaw. The attempts of the new Polish state to use Napoleon's support and strengthen its influence in Europe are shown.

Ключевые слова: Александр I, Великое герцогство Варшавское, Виленская губерния, Вильно, Ю. Понятовский, Фридрих Август Саксонский, А. Чарторыйский, Шенбрунский мирный договор.

Keywords: Alexander I, Great duchy Warsaw, Vilno province, Vilno, Yu. Ponyatovsky, Frederic Augustus of Saxony, A. Chartorysky, Schonbrunn Peace Treaty.

Проблеме взаимоотношений России и Франции в первые годы XIX в. и войне 1812 г. посвящено немало исследований. Особый интерес вызывает «польский вопрос» и его влияние на политику европейских государств, на подготовку и ход войны между русскими и французами в 1812 г. Историки, обращаясь к событиям первых лет XIX столетия, рассматривают, в том числе, проблему формирования воинских подразделений из поляков и участия их в боевых действиях в составе армии Наполеона. Однако вопрос, касающийся политического взаимодействия Великого герцогства Варшавского с Францией, другими государствами Европы и с поляками, проживавшими на территории России, на мой взгляд, изучен еще недостаточно хорошо.

В отечественной историографии имеется немало работ, посвященных эпохе Наполеоновских войн. В качестве примера можно назвать дореволюционное исследование А.Н. Попова, где представ-

лены материалы о контактах России с европейскими державами перед началом вторжения Наполеона, описываются основные сражения и изгнание захватчиков с территории России.

Среди советских исследователей особую роль в описании событий Отечественной войны играют труды Е.В. Тарле и Л.Г. Бескровного. В труде первого историка, «Нашествие Наполеона на Россию», подробно описываются боевые действия, разбираются сильные и слабые стороны русских и французских генералов и политических деятелей. В первой главе Е.В. Тарле уделяет внимание и позиции Наполеона в отношении поляков и их стремления присоединить западные губернии Российской империи к своему государству. Советский историк отмечает, что французский император не давал никаких гарантий своим польским союзникам, но при этом требовал людей и провиант [14, с. 84].

В работе Л.Г. Бескровного «Вся Отечественная война 1812 года. Полное изложение» один из разделов первой главы посвящен отношениям Франции и Великого герцогства Варшавского. Здесь кратко представлена история возникновения герцогства и подготовка поляков к войне с Россией в составе армии Наполеона. Историк полагает, что французский император не собирался восстанавливать Польшу в границах 1772 г., но обещал своим союзникам русские земли [3, с. 13].

В трехтомном труде «История Польши» один из разделов девятой главы первого тома посвящен истории создания Великого герцогства Варшавского, его политическому, экономическому развитию. Здесь исследователи отмечают существенную зависимость политики и экономики нового государства от Франции [8].

Конечно же, к проблеме развития политических связей России и Франции в предвоенный период, к самим военным действиям в 1812 г. и к участию в них различных европейских государств обращаются и современные историки.

Из отечественных исследователей следует выделить книги В.М. Безотосного. Так, например, в своем труде «Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия и геополитика» историк, рассматривая политическую ситуацию в Европе в первые годы XIX в. и противостояние русской и французской дипломатии, упоминает и о «польском вопросе». Автор отмечает, что Наполеон мог попытаться воссоздать польское государство за счет русских земель [2].

Подготовке Великого герцогства Варшавского к войне, формированию вооруженных сил, боевым действиям посвящена статья В.А. Артамонова [1]. В монографии В.Н. Земцова, посвященной дипломатической деятельности русского посла в Париже князя А.Б. Куракина, также затронута проблема влияния «польского вопроса» на отношения двух государств [5].

Если говорить о современных иностранных исследователях, то, картина участия польских войск во вторжении Наполеона в Россию подробно представлена в монографии А. Замойского. Опираясь на ряд источников, в первую очередь, на воспоминания современников, он показывает участие польских вооруженных сил в походе против России, а также, как менялось отношение поляков-подданных русского императора к французам и их союзникам. [4].

Материалы же о реакции России на события в Великом герцогстве Варшавском в преддверии войны 1812 г. в вышеперечисленных работах представлены в недостаточном объеме.

В то же время, отдельного исследования, где была бы полностью представлена картина взаимодействия нового польского государства (герцогства Варшавского) с Наполеоном, рассмотрены влияние дипломатии европейских государств на судьбу поляков и попытки польских властей восстановить свое государство в границах 1772 г., нет.

Целью данного исследования является комплексный анализ взаимоотношений герцогства

Варшавского с Францией и Россией в указанный период. Следует изучить, насколько политика двух монархов, направленная на получения поддержки со стороны поляков, была успешной и к чему она привела.

На протяжении столетий проблема взаимоотношений с Польшей и поляками является одним из важных вопросов внешней политики России. Отношения между двумя государствами имеют многовековую историю, которая началась еще в те времена, когда Владимир Святой завоевал Червенские города. Три раздела Речи Посполитой (1772 г., 1793 и 1795 гг.) привели к тому, что поляки более чем на сто лет потеряли свою государственность. Земли, ранее составлявшие единое государство, оказались поделены между Российской империей, империей Габсбургов и Пруссией. Одним из последствий этих событий стало появление «польского вопроса», который оставался составной частью политики европейских государств на протяжении длительного времени [6, с. 182 – 196].

Первые пятнадцать лет XIX столетия — это время Наполеоновских войн в Европе. Стараясь разделить соперников, упрочить свои позиции император Франции обращался, в том числе, и к «польскому вопросу». Особенно активно «польскую карту» Наполеон начал разыгрывать с 1806 г., когда от его имени была опубликована прокламация. В ней император Франции заявлял, что хочет убедиться «заслуживают ли поляки быть независимым народом» [8, с. 393]. Принимая у себя депутатов из Познани, Наполеон обещал провозгласить независимость Польши в случае создания 30 – 40 тысячной армии. Впрочем, как показали дальнейшие события, обещания императора были лишь уловкой, направленной на получения людских ресурсов для ведения войны. Так, например, французская сторона пыталась заручиться поддержкой Т. Костюшко — лидера восстания 1794 г. Однако, когда последний потребовал в 1807 г. официального заявления о восстановления Польши в старых границах и освобождения крестьян с землей, то получил решительный и грубый отказ [8, с. 393].

15 января 1807 г. образована «Правительственная комиссия» в состав семи человек под председательством Станислава Малаховского. Формально, ее создание должно было стать символом возрождения польской государственности. На деле же данный орган превратился в посредника между французским командованием и населением. «Комиссия» стала исполнителем требований французских военных властей, направлявших в нее своих представителей [8, с. 394].

В первые годы своего правления Александр I думал о возможности восстановления польского государства. Инициатором в разработке этого плана выступал князь А. Чарторыйский. Однако изменения внешнеполитической обстановки заставили русского монарха отказаться от данного проекта. С другой стороны, Александр I стремился укрепить свои позиции в среде польской шляхты. Показателями этого является сохранение А. Чарторыйским места советника при императоре, а также

учреждение в 1803 г. в Виленского университета [8, с. 394].

С 1805 г. Александр I принимал участие в антинаполеоновских войнах европейских государств. Дела союзников шли плохо, и после ряда поражений русский царь решается на мир с противником. Переговоры императоров России и Франции, состоявшиеся 25 июня 1807 г. на реке Неман, привели к подписанию Тильзитского мирного договора [7, с. 63]. Ряд его статей касался «польского вопроса».

Так, согласно документу, из земель, вошедших в состав Пруссии после трех разделов Речи Посполитой, формировалось Варшавское герцогство.

Восстанавливался статус вольного города Гданьска (Данцига), который, однако, теперь находился под покровительством короля Пруссии и короля Фридриха Августа Саксонского. Последний являлся правителем образованного герцогства. «Город Данциг (Гданьск) с пространством земли на две мили во все стороны вокруг его, имеет быть восстановлен в его независимости под покровительством Их Величеств короля Прусского и короля Саксонского...» [11, с. 312].

В девятой статье договора были прописаны границы между Российской империей и новым польским государством. В десятой и одиннадцатой статьях оговаривались права новых подданных Саксонского короля [11, с. 313 – 314].

Не следует, однако, думать, что все польские земли, отошедшие Пруссии, оказались в составе Великого герцогства Варшавского. Немцам удалось сохранить за собой значительную часть польской территории, захваченной при первом и втором разделах Речи Посполитой. Белостокский же округ вошел в состав России [8, с. 396].

Конец прусского владычества был с энтузиазмом воспринят горожанами и шляхетскими кругами. Приход французов расценивался поляками, как начало восстановления национального государства. Однако уже первые месяцы пребывания французских войск в стране обернулись для населения огромными убытками из-за реквизиций, постоя солдат, введения многочисленных повинностей и поставок. Недовольство вызывали также случаи мародерства и грабежей. Представители польской знати заняли выжидательную позицию и не стремились компрометировать себя в глазах Пруссии и России сотрудничеством с Францией, участвуя в управлении страной [8, с. 394].

Сам Тильзитский трактат вызвал разочарование в шляхетском обществе, которое раскололось на несколько частей. Консервативно настроенные аристократы дорожили своим положением и воздерживались от протестов. В оппозиции оказались либерально-дворянские круги, которые были недовольны отстранением их от власти и засильем аристократии. Они критиковали сложившееся положение и требовали реформ. С другой стороны, сам факт создания герцогства они принимали за первый шаг к восстановлению Польши и рассчитывали на помощь Франции. Также существовала и шляхетская группировка, которая выступала за борьбу с Наполеоном, «русская партия» [8, с. 396].

22 июля 1807 г. в герцогстве Варшавском была принята конституция. Согласно ей, государство объявлялось наследственной монархией во главе с князьями Саксонскими. Правитель являлся главой исполнительной власти, ему принадлежала законодательная инициатива и право назначать министров и других должностных лиц. «Князь имел право изменять и дополнять конституцию. При нем состояло правительство из шести министров и Государственный совет из тех министров и четырех референдариев. Действительным же правителем княжества являлся Наполеон, действовавший через послушных ему князей и министров» [8, с. 396].

Законодательную власть в государстве осуществлял сейм княжества. Он состоял из двух палат: сената и посольской избы. Восемнадцать сенаторов, в числе которых были католические епископы, воеводы, каштеляны, назначались князем пожизненно. Посольская изба в количестве ста депутатов состояла из шестидесяти представителей шляхты, избираемых на местных сеймиках, и сорок депутатов от гмин. Сейм следовало собирать раз в два года для рассмотрения законопроектов, вносимых Государственным советом. Законодательной инициативой сейм не обладал [8, с. 396 – 397].

По конституции отменялось крепостное право и сословные привилегии, вводился общий суд. Данный документ гарантировал всеобщее равенство перед законом. Введение «Кодекса Наполеона» давало свободу крестьянам. Были предоставлены избирательные права для части мещанства и интеллигенции. Вводилось светское брачное законодательство, разрешавшее гражданский брак и развод, причем в роли чиновников при оформлении записи актов гражданского состояния должны были выступать приходские священники.

Система управления была строго централизованной по замыслу, но достаточно либеральной на деле. Выборные органы (сейм) не играли значительной роли, вопросы законодательства и судопроизводства находились в ведении Государственного совета. Управление страной осуществлял Совет министров, который находился под контролем резидента императора. 21 декабря 1807 г. было принято постановление о том, что свободные крестьяне не являются собственниками земли и должны заключать с помещиком договор о своей работе на ней. Таким образом, вопреки духу Конституции сохранялась барщина, так как отказ от нее был равен риску оказаться согнанным с земельного надела [15, с. 304].

Жизнь нового государства подчинялась ритму военных кампаний. Герцогство Варшавское содержало собственную многочисленную армию, а также направляло тысячи солдат на французскую службу. Так, например, с 1808 г. поляки принимали участие в боевых действиях на территории Испании, в частности, в осаде и штурме Сарагосы.

В 1809 г. началась война V антифранцузской коалиции с Наполеоном. Боевые действия переместились и на территорию Великого герцогства Варшавского. Вторжение многотысячной армии эрц-

герцога Фердинанда 14 апреля 1809 г. стало неожиданным для польского правительства. Польскую армию возглавил Юзеф Понятовский. Первое сражение с австрийцами оказалось неудачным. Поляки потерпели поражение, и войска эрцгерцога Фердинанда смогли занять Варшаву. Однако на этом их успехи закончились. Ю. Понятовский смог организовать контрнаступление. В ходе него поляки заняли города Люблин, Сандомир, Львов и Краков, принадлежавшие австрийскому императору. Местное население с энтузиазмом встречало войска Ю. Понятовского [8, с. 401].

Согласно Шенбрунскому миру 1809 г. в состав польского государства была включена Западная Галиция [16, с. 197]. В результате территория герцогства увеличилась до 154 квадратных километров, а население выросло до 4,3 млн. человек [15, с. 305]. Передавая эти земли Великому герцогству Варшавскому, Наполеон рассчитывал поддерживать воинский дух поляков, их надежды на возрождение самостоятельного государства. Следует отметить, что Александр I в 1809 г. энергично протестовал против таких действий французского императора. Оставшуюся часть Галиции он согласился включить в состав России, чтобы не способствовать расширению польских территорий [7, с. 81].

В будущей войне с Россией Наполеон особую роль отводил Великому герцогству Варшавскому. По его приказу продолжали увеличивать численность вооруженных сил страны. В результате, вырос бюджет военного министерства. Средства шли на содержание армии и строительство фортификационных сооружений. Нуждаясь в продовольствии для своей армии, Наполеон воздействовал на Гданьск, не позволяя вывозить хлеб из герцогства, что, конечно, вновь негативно отражалось на экономической ситуации в стране [8, с. 401 – 402].

В Петербурге видели, что политика Наполеона в польском вопросе является враждебной по отношению к России. Это, в частности, проявилось в поддержке французской стороной партии Ю. Понятовского, мечтавшего о восстановлении Польши, а также в размещении французских войск на территории герцогства Варшавского. Русские министры понимали, что новое польское государство, созданное Наполеоном, является шагом к попытке восстановления «восточного барьера», направленного против России. Александр I требовал вывода из Пруссии и герцогства Варшавского французских войск, чем вызывал недовольство французского императора.

В начале 1810 г. Наполеон предпринимал энергичные попытки заключить брак с одной из русских великих княжон. В то же время шло обсуждение франко-русской конвенции по польскому вопросу. 4 января 1810 г. в Петербурге между послом А. Колленкуром и министром иностранных дел России графом Николаем Румянцевым была подписана конвенция о дальнейшей судьбе польского государства.

Данный документ включал в себя девять статей. Условия первых трех касались непосредственно будущего поляков и Польши. Указывалось, что само королевство никогда не будет восстановлено, а наименования «Польша» и «поляки» не употреблялись в отношении территорий бывшего государства и живущих на них людей. Отменялись также старые награды, бывшего польского королевства. Подданные русского императора не имели права поступать на службу к королю Саксонскому и герцогу Варшавскому. Подданные же последнего также не могли служить императору России. Шестая статья документа запрещала смешанное подданство. Людям следовало в установленные сроки определиться, «какому государству они желают принадлежать». Условия договора также предусматривали отказ от расширения территории Варшавского герцогства [11, с. 431 – 433].

Александр I ратифицировал конвенцию через двенадцать дней после ее появления. Однако Наполеон увязывал возможность ратификации с согласием Петербурга на брак. Когда императору Франции стало ясно, что его планам не суждено осуществиться, он отказался признавать данную конвенцию [5, с. 25 – 26].

Еще в 1809 г. Наполеон в беседе с русским послом во Франции князем А.Б. Куракиным называл Польшу «предметом беспокойства» для Русского государства. Присоединение к герцогству Варшавскому Галиции и города Кракова по результатам Шенбрунского мира французский император считал выгодными для России. Наполеон прямо заявлял, что мог бы забрать у Австрии всю Галицию, но из уважения к русским делать этого не стал [5, с. 23].

А.Б. Куракин полагал, что предложенная конвенция являлась лишь уловкой французов. Теперь, когда границей Франции стал «не Рейн, а Висла», России следовало с большей осторожностью выстраивать отношения с этой страной.

Вероятно, Наполеон начал готовиться к войне с Россией в 1810 г. Свою роль в этой подготовке должно было сыграть и Великое герцогство Варшавское. 25 и 28 февраля 1811 г. А.Б. Куракин сообщил, что в герцогство отправлено сорок тысяч ружей, а военный министр Ю. Понятовский прибыл в Париж. Попытка русского посла получить объяснения, по какой причине ведутся эти и подобные им военные приготовления завершилась неудачей [5, с. 37 – 38].

Весной 1812 г. военные и дипломатические приготовления Наполеона к войне вступили в завершающую фазу. В герцогстве был проведен новый рекрутский набор, из Испании возвращены польские полки. 3 марта 1812 г. был образован Польский корпус, который с 1 апреля 1812 г. именовался 5 армейским корпусом Великой армии. Во главе него стоял военный министр герцогства Ю. Понятовский. Численность армии достигла 90 000 человек. Французский император, не желая объединять эти силы в одну группу, оставил Ю. Понятовскому только 30 000 солдат. Остальные польские

войска были распределены отдельными частями по всей наполеоновской армии.

К 1812 г. польская армия уже имела боевой опыт, полученный в ходе войн 1807 – 1809 гг. против русских, австрийцев и испанцев. При этом большая часть польского войска не была спаяна в однородное целое, не имела общих уставных порядков, на каждый десяток солдат приходилось четыре новобранца [1]. В то же время, дух польских войск усиливали три фактора: могучий покровитель (Наполеон), ненависть к восточному соседу (России), который участвовал в разделах Речи Посполитой и презрительные отношения к восточному соседу, как к «варварскому» государству [1].

Перед началом кампании 1812 г. французская и польская пропаганда активно доказывала необходимость войны, используя, в частности, лозунги: «Европа – либо французская, либо казацкая» и «Наполеон несёт свободу Польше и русским рабам». Большими тиражами распространялось фальшивое «Завещание Петра Великого», поддельные «указы» Александра I о беспощадном уничтожении поляков любого возраста [1]. Сам Наполеон называл новую кампанию «второй польской войной» [10, с. 14].

После вторжения французской армии, Генеральная конфедерация герцогства Варшавского обратилась с воззванием к полякам, находившемся на русской службе. Общая идея воззвания заключалась в том, что «Родина восстала», а значит для каждого поляка нет большей доблести, чем «жить и умереть за Отечество и нет большего позора, чем постыдно служить в рядах тех, кто растерзал вашу Родину и обгарил ее вашей кровью». «Сынов Ходкевичей, Собеских и Жолкевских» призывали объединиться с теми поляками, которые шли в рядах французской армии [13, с. 57, 59].

Однако данное обращение не сработало. «Случаи перехода к врагу поляков русской службы были единичны, многие из них получили за храбрость российские награды» [1].

Первоначально на территории Виленской губернии французские войска были встречены как освободители. Передовые части Великой армии, вступившие в древнюю столицу бывшего Литовского княжества, в том числе, поляков, ожидал теплый прием. Польский офицер граф Роман Солтык писал об «улицах и площадях, заполненных народом», «украшенных домах» и «возгласах радости» [4, с. 89 – 90]. Однако очень быстро отношение местных жителей изменилось.

В книге генерала А. Коленкура «Поход Наполеона в Россию» прямо указывается, что город Вильно, когда в него вступила французская армия, «казался опустевшим». Сам автор отмечает жестокое обращение солдат наполеоновской армии с местными жителями и ставит под сомнение идею о дружественном отношении к завоевателям [9, с. 126].

Как видим, наблюдения французского генерала отличаются от картины, которая предстала перед польским графом Романом Солтыком. Причина этого, а также изменений отношения местного

населения к Великой армии подробно разобрана, в частности, в монографии А. Замойского «1812 г. Фатальный марш на Москву». Американский исследователь, как, впрочем, и современники событий, отмечает, что наполеоновская армия страдала от нехватки продовольствия. В результате, передовым частям досталась не только радостная встреча, но и необходимы припасы. Последующие же воинские части проходили уже через разоренные, покинутые людьми населенные пункты [4, с. 90].

В Гродно, Минске повторялась одна и та же ситуация. Часть поляков изменяла Александру I и встречала Наполеона с иконами, молебнами, песнопениями. Были даже случаи вооруженного выступления местного дворянства против отступающих русских войск. Ситуация изменилась из-за действий самих завоевателей, а именно, по причине насилий над мирным населением. Так, например, в Минске французский генерал Э. Груши принял участие в молебне, который устроили местные поляки «в благодарение Богу за освобождение». В этот же момент в другой части города французские кавалеристы грабили лавки и склады, «обращались с жителями так, как только заблагорассудится». Даже передача в руки французов оружия и предметов снабжения русской армии не помогало избежать грабежей и насилий со стороны «освободителей» [4, с. 90].

Ситуация в деревнях губернии оказалась не лучше. Крестьяне сразу же разочаровались в Наполеоне, как только узнали, что он не собирается давать им свободу. «Сельское дворянство» также скоро стало выражать недовольство из-за поборов и грабежей. Жители оккупированных французами территорий скоро, по словам одного польского офицера, стали жалеть об уходе русских. «Московиты были куда как учтивее вас, господа» [4, с. 91], – услышал вместо приветливых слов другой польский офицер.

19 июня (1 июля) 1812 г. Наполеон составил приказ о формировании Временного правительства Великого княжества Литовского. Однако оно не объявило Литву отдельным государством и не поддержало идею о восстановлении Польского королевства. Сами французы, вступив в Виленскую губернию, отмечали разницу между Великим герцогством Варшавским и этой российской территорией. Здесь, в частности, была сильна прорусская «партия», а сами литовцы вряд ли могли положительно относиться к замыслам поляков, которые не предусматривали сохранения особых прав для Литвы.

11 июля 1812 г. в Вильно прибыли депутаты от конфедерации в Варшаве. Они обратились к французскому императору с просьбой о реставрации Польши, как королевства. Однако Наполеон заявил, что у него много других дел, а полякам следует проявить свою храбрость в боях. Тогда, возможно, «Провидение и наградит их независимостью». Таким образом, человек, которым в Варшаве искренне восхищались, растоптал возлагаемые на него надежды. В дальнейшем Наполеон не смог воспользоваться и поддержкой коллаборационистов Виленской губернии: он, например, отказал

студентам Виленского университета, хотевших создать партизанский отряд для действий в русском тылу [4, с. 91].

В Виленской губернии Наполеону не удалось сформировать новые воинские подразделения по причине нежелания «литвинов» служить в них. Многие местные помещики уходили вместе с русской армией, оставшиеся срывали поставки продовольствия и фуража в Великую армию. Крестьяне прятали припасы, угоняли скот, уничтожали французских мародеров. Не удалось расколоть подданных императора Александра I и по религиозному принципу. Православные, протестанты, иудеи не воспринимали французов и их союзников как освободителей [1].

Еще до начала военных действий герцогство Варшавское привлекало пристальное внимание русских властей. На территории самого государства велась агитация в пользу России: распространялись слухи о согласии Александра I на восстановление Польши, на открытие русских портов для польских товаров, на восстановление конституции 1791 г. В 1811 г. в Варшаву отправился А. Чарторыйский, неудачно пытавшийся перетянуть на сторону Александра I Ю. Понятовского. При помощи польских магнатов, проживавших в западных губерниях Российской империи, распространяли слухи о создании на западе страны самоуправляющегося Литовского княжества, в качестве ядра будущего польского государства. Однако война 1812 г. прервала эту дипломатическую игру [8, с. 402 – 403].

Таким образом, «польский вопрос» стал одним из наиболее важных в отношении между двумя императорами в преддверии Отечественной войны 1812 г. Можно отметить, что Наполеону удалось склонить на свою сторону значительную часть поляков на территории герцогства Варшавского. С другой стороны, он не смог в полной мере реализовать свои преимущества, когда начал войну с Россией. Император Франции остался глух к просьбам делегатов о возрождении польского государства. Насилия захватчиков над мирным населением привели к тому, что его значительная часть стала относиться к французам и другим солдатам Великой армии не как к друзьям и защитникам, а как к грабителям и оккупантам. В то же время политика Александра I в отношении представителей герцогства Варшавского (Ю. Понятовского) потерпела неудачу. Однако распускаемые слухи о создании в будущем Литовского княжества на территории России, а также тяжелая экономическая ситуация в герцогстве Варшавском могли способствовать росту влияния русского императора в польской среде на территории Российской империи. Многие по-

ляки поддержали своего монарха и покинули Виленскую губернию вслед за русской армией. Военнослужащие польской национальности в своем большинстве оставались верны присяге и не предали Александра I, несмотря на усилия Варшавской конфедерации.

Литература

1. Артамонов В.А. Войско Польское и нашествие Наполеона на Россию // Западная Русь. URL: <https://zapadrus.su/rusmir/istf/975-vojsko-polskoe-i-nashestvie-napoleona-na-rossiyu.html>.
2. Безотосный В.М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия и геополитика. – М.: Вече, 2011. – 263 с.
3. Бескровный Л.Г. Вся Отечественная война 1812 года. Полное изложение. – М.: «Алгоритм», 2017. – 290 с.
4. Замоиский А. 1812 г. Фатальный марш на Москву. – М.: Эксмо, 2013. – 310 с.
5. Земцов В.Н. Русский посол в Париже князь А.Б. Куракин: хроника роковых лет. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – 208 с.
6. История внешней политики России. XVIII век. (От Северной войны до войн России против Наполеона). – М.: Международные отношения, 1998. – 304 с.
7. История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). – М.: Международные отношения, 1999. – 448 с.
8. История Польши в 3 т. / Ред. В.Д. Королюк, И.С. Миллер, П.Н. Третьяков. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. Т. 1. – 583 с.
9. Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. – М.: «Кучково поле», «ГАЛА ПРЕСС», 2002. – 592 с.
10. Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. – М.: ГПИИБ, 2005. – 226 с.
11. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. – СПб.: Типография А. Бенке, 1902. Т. XIII. – 340 с.
12. Попов А.Н. Отечественная война 1812 года. – М.: Типо-Литография Н.И. Гроссмана и Г.А. Вендельштейн, 1905. – 511 с.
13. Сборник Русского исторического общества. – СПб.: Типография А.Ф. Штольценбурга, 1909. Т. 128. – 698 с.
14. Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. – М.: Соцэкгиз, 1938. – 279 с.
15. Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. – М.: Весь Мир, 2004. – 544 с.
16. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2003. – 608 с.

PEDAGOGICAL SCIENCES

ИГРОВОЙ СТРЕТЧИНГ, КАК МЕТОД РАЗВИТИЯ ГИБКОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Бояркин А.Д.

учитель физической культуры МБОУ «Школа №1 имени В.И. Муравленко», г. Муравленко

GAME STRETCHING AS A METHOD FOR DEVELOPING FLEXIBILITY AT YOUNGER SCHOOLCHILDREN

Boyarkin A.

physical education teacher MBOU "School number 1 named after V.I. Muravlenko", Muravlenko

АННОТАЦИЯ

В работе представлена проблема развития гибкости у младших школьников; задачи игрового стретчинга, правила и принципы использования, а так же примеры игрового стретчинга с внедрением регионального компонента.

ABSTRACT

The paper presents the problem of the development of flexibility in primary school students; tasks of game stretching, rules and principles of use, as well as examples of game stretching with the introduction of a regional component.

Ключевые слова: игровой стретчинг, гибкость, игры народов Крайнего Севера.

Keywords: game stretching, flexibility, games of the peoples of the Far North.

Игровой стретчинг для младших школьников – веселая, полезная забава. Учитывая, сколько времени современные дети проводят у телевизора или за телефоном, планшетом, упражнения на пластичность и гибкость просто необходимы. Насколько это полезно, - важно знать не только педагогам, но и родителям. Детвора же хочет просто играть и веселиться!

Изучением похожей темы занимались: Чайковская Е.А., Миллер Э.Б., Милюкова И.В., Чудинова, П.Р., Галдаева Ю.О. и многие другие.

В настоящей работе мы поставили цель: составление игрового стретчинга для младших школьников с внедрением регионального компонента.

Задачи:

- изучить имеющуюся литературу по данной теме;
- раскрыть понятие: стретчинг;
- раскрыть основное содержание по теме;
- составить упражнения, содержащие региональный компонент.

Объект исследования – процесс развития гибкости младших школьников методом игрового стретчинга.

Предмет исследования – игровой стретчинг, как метод развития гибкости у младших школьников.

Стретчинг - метод, с помощью которого можно легко и эффективно развить подвижность мышц тела, суставов, не опасаясь переломов. Проще говоря, это способ, позволяющий естественным путем растянуть мышцы, так же выделить ту или иную группу мышц и тренировать лишь ее.

Стретчинг способствует созданию психологического комфорта: поднимает самооценку, улучшает настроение, создает ощущение спокойствия и комфорта. Он повышает общую двигательную активность, а это в свою очередь благоприятно сказывается на суставах и профилактике хрупкости костей. Хорошая гибкость позволяет выполнять упражнения с большей амплитудой движений, обеспечивает красивую осанку и снижает вероятность болей в спине.

Болезни опорно-двигательного аппарата у детей становятся серьезной проблемой, если вовремя не начать их коррекцию. Нарушения осанки, например, встречаются примерно у 16% детей младшего школьного возраста родившихся и проживающих в условиях Крайнего Севера. Частые перепады температуры и атмосферного давления, нехватка воздуха, короткое лето и продолжительные холода так же не могут не сказаться на здоровье. Для младших школьников отличным способом профилактики и коррекции подобных нарушений считается игровой стретчинг.

Занятия игровым стретчингом способствуют развитию чувства ритма, укреплению мышц, исправлению осанки, снятию закомплексованности.

Благодаря стретчингу увеличивается подвижность суставов, мышцы становятся гибкими и эластичными, дольше сохраняют работоспособность. Стретчинг способствует повышению общей двигательной активности. Упражнения игрового стретчинга направлены на формирование осанки, развитие эластичности мышц, воспитание выносливости и старательности.

Задачи использования игрового стретчинга:

- развитие физических качеств: гибкости, мышечной силы, выносливости, ловкости;
- развитие психических качеств: внимание, воображение, умственные способности;
- укрепление костно-мышечной системы, повышение функциональной деятельности органов и систем организма;
- создание условий для положительного психоэмоционального состояния детей, раскрепощённости и творчества в движении.

Игровой стретчинг решает широкий спектр проблем:

- выравнивает осанку;
- повышает гибкость опорно-двигательного аппарата;
- приучает детей к физической активности;
- повышает выносливость, усидчивость;
- развивает воображение, внимательность, память;
- улучшает настроение.

Кроме того, сочетание физкультуры с рассказом поучительной истории позволяет одновременно провести с детьми воспитательную работу, в образной форме рассказать ему о человеческих ценностях, о слабостях, донести определенную мораль.

Значение игрового стретчинга: увеличение подвижности суставов; эластичность и гибкость мышц; повышение общей двигательной активности; формирование правильной осанки; воспитание выносливости и старательности.

Заниматься стретчингом можно в любом возрасте, независимо от имеющегося уровня подготовки.

Упражнения стретчинга носят имитационный характер и выполняются как в ходе физкультурного занятия, так и в виде физ.минуток. Упражнения выполняются в медленном, комфортном, а значит, безопасном ритме. Начинать занятия с детьми игровым стретчингом лучше всего со старшего дошкольного возраста. К 5 годам у ребенка формируется наглядно-образное мышление, что позволяет с наибольшей эффективностью выполнять имитационные движения, наиболее точно и эмоционально выразительно. Ребенок способен контролировать свои действия по словесному указанию взрослого. Каждое упражнение повторяется 4-6 раз (в зависимости от возрастных и индивидуальных возможностей детей).

Инструктор продумывает интересный сюжет для организации, создания психологического и эмоционального настроения дошкольников. Дети выполняют действия в соответствии с развитием сюжета. Сюжет может повторяться и развиваться на следующих занятиях. Предложенные упражнения не должны быть достаточно сложными, чтобы бы дети в свободной игровой форме с легкостью смогли освоить основные движения, но и не простыми - симулировать мобилизацию силы для повышения оздоровительного эффекта, поддержания и повышения интереса заниматься игровым стретчингом. Придумать развитие сюжета и предлагать новые движения могут сами дети (инструктор принимает инициативу, подбирает правильные упражнения).

Реализация игровых возможностей в целях оздоровления и развития ребенка и составляет суть стретчинга.

Занятия стретчингом пойдут на пользу только при правильном их выполнении:

1. Начинайте тренировки короткой разминкой для всех групп мышц. Подойдут простые элементы аэробики для мышц спины, рук, ног, ходьба, бег, прыжки.

2. Важно делать гимнастику с растяжкой регулярно, чтобы сформировалась мышечная память, а организм адаптировался к определенному виду нагрузок.

3. Все упражнения во время занятия выполняются неспешно, плавно, без рывков, ускорения. Дети не всегда адекватно оценивают свои силы, поэтому взрослые должны следить за тем, чтобы они не переусердствовали.

4. Задания нужно повторять одинаковое количество раз для правой и левой сторон, чтобы нагрузка была симметричной.

5. Следите за осанкой и дыханием детей. Спина всегда должна быть прямой, а вдохи и выдохи размеренными.

Стретчинг-тренировки для взрослых и упражнения на растяжку для младших школьников имеют серьезные различия, однако их основные принципы неизменны:

Научный подход – план тренировок должен быть научно обоснован и учитывать особенности анатомии и физиологии детского организма на каждом этапе развития.

Систематичность – проводить тренировки желательнее по расписанию, без пропусков, сложность заданий и количество подходов наращиваются постепенно.

Дифференцированный подход к детям – упражнения подбираются с учетом состояния здоровья детей, их физической подготовки, характера, взаимоотношений с другими детьми.

Доступность – все задания должны быть просты для понимания и доступны для выполнения. К более сложным элементам переходят лишь после усвоения базовых движений.

Наглядность – все упражнения малышам нужно показывать. Даже взрослые зачастую плохо воспринимают информацию на слух.

Сознательность. Дети должны понимать, для чего нужны занятия, почему проводить их следует регулярно и как важно не перестараться.

Закрепление навыков. Тренироваться необходимо и дома, нельзя делать длительный перерыв в занятиях, когда ребенок уходит на каникулы. Иначе все придется начинать с нуля.

Продуктом своей работы мы видим создание сборника по игровому стретчингу для младших школьников с включение регионального компонента (национальные игры малочисленных народов Севера).

Цель данного сборника заключается не только в развитии гибкости у младших школьников, но и приобщение к народному творчеству малочисленных народов Севера, их культуре, быту, истории.

Пример игрового стретчинга:

1. **Охотник** - работа над ногами. Сделать выпад одной ногой, шагнув вперед и согнув ее в колене, вторая нога прямая, обе стопы смотрят вперед. Руками упереться в колено стоящей впереди ноги, тело чуть наклонить вперед, спину не сгибать. Далее, не спеша, отодвинуть назад прямую ногу до чувства тянущихся мышц под коленом. Замереть на 30 секунд, расслабиться. Вторая нога - аналогично;

2. **«Хантейская танцовщица»** - работа над руками. Встать прямо, ноги чуть полусогнуты, стопы развернуты наружу, руки замкнуть за спиной на уровне пояса. Сделать необходимое число разгибаний рук назад-вверх, пытаясь соединить лопатки. Ощутить напряжение мышц рук, остановиться на 10-20 секунд, а затем, не спеша, занять первоначальную позицию;

3. **«Прыжок оленя»** - прыжки через скамейку на 2 ногах, стоя лицом к скамейке.

4. **«Большая сосна»** - И.п. Стоя, ноги вместе, руки вдоль туловища. Развести носки врозь – вдох. Вытянуть позвоночник вверх, руки развести слегка в стороны вниз. Ладони направлены в пол – выдох. И.п.

Таким образом, можем сделать вывод, что значимость стретчинга в развитии детей важна. С его помощью мы можем укрепить здоровье детей, сделать их более выносливыми, сильными.

5. **«Ловкий оленевод»** правила игры: бросать мяч можно только с условного расстояния. В стороне на площадке ставится фигура оленя. Оленеводы располагаются шеренгой лицом к оленю на расстоянии 3-4 м. от него. Поочередно они бросают в оленя мячом, стараясь попасть в него. За каждый удачный выстрел оленевод получает флажок. Выигравшим считается тот, у кого будет наибольшее число попаданий в оленя.

6. **«Рыбаки и рыбки»** правила игры: ловить детей-рыбок можно только в кругу. Рыбки должны увёртываться от рыбаков. Кто поймает больше рыбок, тот лучший рыбак. На полу лежит шнур в форме круга. В центре круга стоят трое детей – рыбаков, остальные игроки – рыбки. Дети-рыбки бегают по всей площадке и забегают в круг. Дети-рыбаки ловят их.

7. **«Белый шаман»** правила игры: если получивший бубен неправильно повторяет ритм, он выходит из игры. Играющие ходят по кругу и выполняют разные движения. В центре круга - водящий. Это белый шаман – добрый человек, он становится на колени и бьёт в бубен, затем подходит к одному из играющих и отдаёт ему бубен. Получивший бубен должен повторить в точности ритм, проигранный водящим.

8. **«Ручейки и озёра»** правила игры: в ручейках дети бегают друг за другом, не выходя из своей колонны. Строиться в круг можно только по сигналу. Игроки стоят в пяти-семи колоннах с одинаковым количеством играющих в разных частях зала (или площадки) – это ручейки. На сигнал «Ручейки побежали!» - все бегут друг за другом в разных направлениях (каждый в своей колонне). На сигнал «Озёра!» - игроки останавливаются, берутся за руки и строят круги – озёра. Выигрывают те дети, которые быстрее построят круг.

9. **«Отбивка оленей»** правила игры: бросать мяч можно только в ноги и только по сигналу. Метать мяч можно только с одного места. Группа играющих находится внутри очерченного круга – это олени. Выбираются три пастуха, они за кругом. По сигналу «Раз, два, три – отбивку начинай!» - пастухи по очереди бросают мяч в оленей. Олень, в которого попал мяч, считается пойманным, отбитым от стада. Каждый пастух отбивает пять-шесть раз. После чего он подсчитывает отбитых оленей.

10. **«На новое стойбище»** правила игры: начинать движение надо в соответствии с сигналом. Играющие становятся парами. В паре один – олень, другой – каюр. Упряжки стоят одна за другой. Ведущий говорит: «Оленеводы переезжают на новое стойбище». После этих слов все бегут по краю площадки, при этом каюры, подгоняя оленей, издадут звук «кхх-кхх». Останавливаются по сигналу ведущего – это привал. Каюры отпускают оленей, которые бегут в рассыпную. По сигналу «Упряжки!» - все должны построиться в прежней последовательности.

11. **«Каюр и собаки»** правила игры: бежать можно только по сигналу. Выигрывает та тройка, которая быстрее добежит до шнура. Можно предложить играющим преодолевать различные препятствия. На противоположных краях площадки кладут параллельно два шнура. Игроки встают около них по три и берутся за руки. Двое из них – собаки, третий – каюр. Каюр берёт за руки стоящих впереди собак. Дети тройками по сигналу «Поехали!» бегут навстречу друг другу от одного шнура до другого.

12. **«Олени и пастухи»** правила игры: бегать надо легко, увёртываясь от маута. Набрасывать маут можно только на рога. Каждый пастух сам выбирает момент для набрасывания маута. Все игроки – олени, на головах у них атрибуты, имитирующие оленины рога. Двое ведущих (пастухи) стоят на противоположных сторонах площадки, в руках у них мауты - картонное кольцо или длинная верёвка с петлёй. Игроки - олени бегают по кругу гурьбой, а пастухи стараются накинуть им на рога маут. Рога могут имитировать веточки, которые дети держат в руках.

Литература

1. Давыдов, В.Ю., Шамарин, А.И., Краснова, Г.О. Новые фитнес системы (новые направления, методики, оборудование и инвентарь). Волгоград: изд-во ВолГУ, 2005. 284 с.

2. Купцова, В.Г., Панкратович, Т.М. Теоретико-методические аспекты использования средств стретчинга в процессе воспитания гибкости у студентов института физической культуры и спорта на занятиях фитнесаэробикой. //Современные научные исследования. Выпуск 2/Под ред. П.М.Горева и В.В.Утемова. Концепт. 2014. Приложение No 20. URLhtt://ekoncept.ru/ext/61. –Гос.рег.Эл. NoФС 77-49965.-ISSN2304 -120 X.

3. Лисицкая, Т.С. Фитнес-аэробика: методическое пособие / Т.С. Лисицкая, Л.В. Сиднева. –М.: Федерация аэробики России, 2003. –89с.

4. Освальд, К., Баско, С. Стретчинг для всех. –М.: Эксмо-Пресс, 2002. –125 с.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОГЕНЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ПЕРСОНИФИКАЦИИ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ

Москатова А.К.

*доктор педагогических наук, кандидат биологических наук,
профессор, заслуженный профессор,
Российский государственный университет физической культуры,
спорта, молодёжи и туризма, Москва, Россия*

PHYSIOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL RESOURCES OF PERSONIFICATION OF SPORTS TRAINING

Moskatova A.

*Doctor Pedagogical sciences, candidate Biological sci.,
Professor, Honoured professor,
Russian State University Physical Education,
Sport, Youth & Tourism. Moscow, Russia*

АННОТАЦИЯ

Обсуждаются подходы к решению комплекса теоретических и практических проблем, обеспечивающих перспективу эволюции спорта, благодаря приумножению спортивных талантов посредством внедрения в систему спортивной подготовки принципов индивидуализации, основанных на антропогенетических законах индивидуального развития.

ABSTRACT

The approaches to solving a set of theoretical and practical problems that provide a perspective on the evolution of sports are discussed, thanks to the multiplication of sports talents by introducing individualization principles into the sports training system based on the anthropogenetic laws of individual development.

Ключевые слова: генетическое программирование; принципы воспитания талантов; преобразование самосознания; компоненты адаптивной динамики; инновации против шаблонов; роль энергии сознания; принципы самореализации спортсмена

Keywords: Genetic programming; principles of talent education; transformation of self-awareness; adaptive dynamics components; innovation versus patterns; the role of energy of consciousness; principles of athlete self-realization

ВВЕДЕНИЕ. Решение актуальных проблем результативной подготовки и воспитания конкурентоспособных спортсменов – претендентов на лавры олимпийских и мировых чемпионов, непосредственно связано с пониманием наставниками и самими спортсменами *генетического фундамента и принципов индивидуализированного развития* уникальных психических и физических способностей каждого человека. Формирование *многообразия человеческих индивидуализаций*, открывающего перспективу социального, культурного, научного и технического и спортивного прогресса, не может оставить без внимания также реальную возможность пополнения сферы физической культуры и спорта талантливыми личностями. Однако их физическое воспитание, спортивная подготовка, позволяющие раскрывать и успешно развивать природный талант, требуют расширения *антропогенетических исследований*, изучения закономерных, генетически регулируемых процессов и механизмов.

Генетическое программирование обеспечивает функциональную основу *жизнеспособности* каждой *индивидуализации*, развитие её психических и физических потенциалов, становление и развитие энергоинформационных взаимоотношений с земной и космической природой и обществом. *Уникальность каждой индивидуализации* проявляется в отношении неповторимого влияния на её

жизнеспособность персонального *психофизического опыта* множества телесных воплощений души, которые позволяют развивать *самосознание*, наращивать и совершенствовать психические и физические качества человеческой природы, выявлять разносторонние возможности оригинального таланта.

Как неотъемлемая частица единого, коллективного, планетарного сознания – *земной ноосферы*, каждый разумный индивидуум оказывает влияние на поступательные процессы *эволюционных преобразований* коллективного сознания, на здоровую жизнедеятельность не только особой земного сообщества, но также на гармоничное развитие других разумных существ, населяющих планетарные системы мироздания.

Наиболее полно природные, *индивидуализированные потенциалы* тела, сознания, интеллекта и духа могут быть раскрыты в произвольно избираемых видах спортивной, психофизической деятельности, которые позволяют личности *проявить осознанную заинтересованность в исследовании своих явных и скрытых возможностей*, удовлетворить подсознательное желание – выявить, раскрыть и испытать полноту своих отличительных природных качеств в сравнении с соперниками в условиях различных спортивных состязаний.

Состязательность создаёт *особое энергетическое поле*, в котором сознательные *намерения*

личности достичь превосходства, активируют физические, психические и интеллектуальные ресурсы, открывают путь к творческому *самовыражению*, побуждают к *самосовершенствованию* и устремляют личность к достижению неоспоримого признания уникальности выражения *персонально выраженного спортивного таланта*.

Чем больше *спортивных талантов*, демонстрирующих блестящие возможности человеческой природы, смогут свободно конкурировать на мировых аренах, привлекая массу зрительских симпатий, тем больше других, равнодушных индивидов испытают побуждения к реализации своих сокровенных намерений – испытать *персонально выраженные способности*. Таким образом, *наглядность* яркой демонстрации человеческих достоинств, проявленных на аренах мирового спорта, создаёт атмосферу благотворного *влияния на общественное сознание*, культуру отношений, здоровье и жизнеспособность земного социума в целом.

Проблемы повышения специальной работоспособности

Назрела необходимость внесения продуманных и научно обоснованных *инноваций* в теорию и методику выявления и воспитания *талантливых спортсменов*, чьи достижения обусловлены уравновешенными соотношениями интеллектуальных, нравственных и физических качеств личности.

При этом, успешность спортивной деятельности каждого энтузиаста возрастает, благодаря непрерывному развитию качеств *самодисциплины, осознанной, самомотивированной организации личности, которой подчиняется жизнь*. Успех личности спортсмена возрастает по мере *устремления интеллекта к полноте познания своей многогранной природы и её гармоничному совершенствованию*. Именно подобные персональные качества в наибольшей степени отвечают естественным *эволюционным* потребностям всестороннего преобразования сознания, разума, психической и физической культуры современного земного сообщества.

Уязвимой стороной спортивной подготовки и воспитания спортивных резервов в настоящее время остаётся недалёковидная практика усиленного и ускоренного *наращивания физических качеств* посредством увеличения объёмов и интенсивностей специальных нагрузок. Отсутствует продуманный, систематический, *персонализованный контроль* за пространственно-временной динамикой адаптивных процессов организма конкретных индивидуумов на последовательных этапах спортивной подготовки.

Распространённые методы диагностики функционального статуса спортсмена, (включая практику и шаблонные тесты физкультурных диспансеров), опираются на *сопоставление* показателей стандартных лабораторных тестов с некими средне-статистическими, *возрастными и половыми физиологическими нормативами*. Как правило, *давность* их принятия – неизвестна, они получены при тестировании *неизвестной популяции*,

относятся к *особям с неизвестной наследственностью, неизвестной конституцией*, неясными особенностями внешних условий индивидуального развития и уровнем тренированности, что в целом создаёт *сомнительную достоверность* дифференциальной диагностической оценки состояния и потенциальности спортсмена. Неизвестно, на что может рассчитывать спортсмен после медицинского обследования в диспансере.

Фактически, *не удовлетворяется сам принцип диагностики*, который в своём первоначальном значении – греч. «diagnosis» – предполагал *«узнать насквозь», «узнать до конца, тщательно», персонализовано – конкретно!*

Интерпретация результатов подобного тестирования не принимает во внимание *многокомпонентную зависимость адаптивной динамики функциональных показателей каждого* индивидуума, от:

1. *врождённых особенностей многоуровневой морфологической и функциональной конституции;*

2. *генетически обусловленной реактивности организма* в отношении к тренировочным и соревновательным нагрузкам разного характера;

3. *фенотипа* или *сверхгенетических* особенностей адаптации и устойчивости организма по отношению к динамике многочисленных, варьирующих, энергоинформационных факторов и условий жизненной и специфической, спортивной среды;

4. уровня развития *самосознания* личности и уровня психо-эмоционального *самоовладения, своей личной ответственности за решения и действия в связи со спецификой тренировочной и соревновательной деятельности в избранном виде спорта*.

В результате, *не обоснованная* индивидуально, *шаблонная практика спортивной подготовки* приводит к преждевременному и некомпенсируемому *истощению* психофизических ресурсов спортивной работоспособности спортсмена, создаёт непрекращающееся, стрессогенное психическое напряжение из-за неупорядоченных условий жизни спортсмена-профессионала, провоцирует развитие *иммунодефицитных состояний* организма, нарушает его устойчивую, адекватную адаптацию к физическим нагрузкам.

Таким образом, под нарастающим давлением неискоренимых желаний самих спортсменов – достичь результатов *«во что бы то ни стало»*, дополняемых амбициозными побуждениями *тренеров*, возрастает потребность *завуалированного* использования сверхприродных, гормоноподобных субстратов, неконтролируемых биохимических стимуляторов функций – пресловутых *допингов*.

Распространённое *подсознательное «обоснование»* надежды на доступность грядущего рывка к чемпионству – элементарно и примитивно:

«Сила есть – ума не надо!». Но только разумный, личностный контроль способен предупредить бессмысленные риски саморазрушающих напряжений. Однако, доминирующий шаблон теории и практики спортивной подготовки игнорирует

«науку думать», гипнотизируя «коллективное бес- сознательное» наглядными успехами наращивания индивидуумами мышечной силы *любими* способами.

Эпидемия катастрофической «популярности» подпольного использования допингов у профессионалов и распространение в спортивной среде соблазнительной информации о завораживающем «быстродействии» энергизаторов, создаёт моральную конкуренцию необходимости *разумного, обоснованного для каждой персоны решения* проблем повышения специальной работоспособности и роста мастерства.

Движение к теоретическим и практическим *инновациям* спортивной подготовки требует от спортсменов и их наставников вдумчивого изучения *генетических основ* становления и развития *идеальной, системной организации человеческой жизнеспособности* как внутренней *целостности*, которая поддерживает *обмен энергией и информацией* с потоком всесторонних, закономерных, эволюционных изменений внешней среды обитания, природных и социальных условий земной жизни.

Такова перспектива реального использования многообещающих возможностей *интеллектуальных и физических ресурсов каждого конкретного человека*, обусловленных его собственными, *уникальными генетическими предпосылками* естественного, самопревосходящего развития и проявления подлинного, неповторимого *таланта*. В нём сокрыта альтернатива обоснованного *вложения* в самореализацию *осмысленных усилий воли, энергии сознания и психофизических средств*, противодействующих в целом имперским и небескорыстным замыслам *генного инжинеринга* – подавить естественное превосходство природы человеческого таланта.

Соотношения наследственности и изменчивости в оценке перспектив индивидуального развития

Каждый здравомыслящий спортсмен, желающий совершенствовать свои способности, должен овладеть *знаниями*, раскрывающими *закономерности развития организма*, его *психофизической природы* как наследственно обусловленной, так и пластичной, изменчивой.

Одним из основателей раздела биологической науки, получившей название «генетика» (1907), признан Уильям Бетсон (William Bateson – 1861-1926), английский биолог, профессор Кембриджского университета, который ввёл в широкое употребление этот термин, согласно латинскому понятию *происхождения (geneticos – род, рождение)*, чему послужили его *исследования механизмов физиологических проявлений наследственности и изменчивости признаков* у живых организмов и участия в них структурных элементов клеточных ядер – *генов и хромосом*.

Суть Природы Жизни, феномена физической и духовной эволюция человеческого организма – представляет собой всемирную теорему, доктрину, охватывающую *целостное мироздание*. Каждый

его элемент и разнообразные, индивидуализированные жизненные формы – *изначально приведены к идеальному устройству* благодаря *творческому усилию Всемирного Самосознания, Великого, Всеобъединяющего Разума*, который *поддерживает и упорядочивает жизнь всех форм мироздания*.

Каждый организм наделён *скрытым потенциалом* неопенимых, жизнеобеспечивающих качеств, способностей к тончайшим, осмысленным ощущениям и сознательно устремлённым действиям. Но за их эффективную реализацию в процессе *саморазвивающей*, деятельной жизни именно *личность* несёт неделимую ни с кем ответственность.

Целеустремлённая *самореализация* спортсмена, как многогранной, многообещающей, талантливой личности, неоспоримо связана с уровнем *самопознания и признания своих достоинств*, чему служит освоение и доведение до осознанности *практической значимости* нижеследующих *биогенетических понятий*, в соответствии с которыми разум индивидуума должен подходить к плодотворному решению своих жизненных и профессиональных проблем.

Наследование – процесс передачи *задатков* – генетической информации о наследственно детерминированных признаках и свойствах организма, обусловленных биологическими процессами репродукции, оплодотворения – слияния родительских *гамет*, рекомбинации их хромосом в структуре *зиготы*, *закономерное деление* которой определяет начало развития новой особи согласно *персонализированной генетической программе*.

Наследственность – *свойства* структуры и функций клетки, ткани, органа и целого организма, обеспечивающие биологическую и психофизическую *преемственность* в генерациях между родителями и детьми *видовых, родословных* и некоторых *индивидуальных* признаков конституции.

Вместе с тем, в *эволюционной динамике* экологических, биологических и социальных условий земной жизни каждой новой генерации, в адаптивной способности особей, обладающих *неодинаковой реактивностью организма*, отмечается как сохранение определённого *сходства*, так и появление множества *различий* жизнеспособности организмов и личностей *в ряду поколений*. Более гибкие, усовершенствованные, устойчивые качества, признаки адаптивных преимуществ, также как и энергетические следы негативных, стрессорных воздействий, фиксируются в информационно-энергетических следах памяти молекулярных компонентов структуры каждого индивидуального *генома и эпигенома*. С ними могут быть связаны непредсказуемые *мутации*, чаще – негативного характера, но иногда придающие особи *более высокую выживаемость и жизнестойчивость*.

Очевидно, в геноме человека, как в летописи, посредством генетического кода зафиксированы превратности и достижения эволюции вида, начиная с самых дальних глубин космогенеза и антро-

погенеза. При этом следует иметь в виду, что изменения генома, экспрессия генов, копирование, считывание и передача информации на всех уровнях подвержены *непрекращающимся изменениям*, проследить которые не всегда удаётся самим генетикам и биотехнологам, занимающимся генетическим тестированием персонализированной вариативности хромосомного аппарата для прогнозирования перспективы развёртывания физических и психических способностей особи или степени вероятности определённых заболеваний [7, С. 35; С. 185; 9].

Изменчивость – закономерная *способность генов – условных единиц наследственной информации*, их идентифицированных функциональных *вариаций (аллелей)*: **1/** модифицировать свои функции – генетические программы; **2/** вступать во взаимодействия с другими генами и генными кластерами; **3/** перемещаться на новые позиции в геноме; **4/** подвергаться мутациям – структурным или химическим изменениям; **5/** менять направление и характер своей активности под воздействием энергетических и информационных стимулов со стороны внешней среды; **6/** подчинять свою экспрессию (выражение) непрерывному контролю со стороны *эпигенетической системы* особи в целях *оптимизации* жизненного статуса целого организма.

В связи с отмеченными, но далеко не познанными, предельно сложными взаимоотношениями внутри и вне генетического аппарата, не следует надеяться, что *полная расшифровка* свойств и функций *конкретных генов* вдруг откроет у очередных носителей секреты непревзойдённых эффектов гениальности и способностей. Подобные иллюзии порождены существенной *неполнотой знаний о квантовых процессах и квантовых свойствах генов, проявляющихся* за пределами их молекулярной структуры.

Антропогенетика пока не располагает достоверными знаниями о реальных процессах и потенциалах *живого человеческого организма* и не в состоянии *предвидеть следствия* пространственной мобильности (перемещения) *генов* в геноме индивидуума, что сопровождается проявлением функциональных следствий непредсказуемых *вариаций* синтетической активности их *комбинаторики*, а также *изменчивости* во взаимодействиях с системой *эпигенетических корректоров*. Поэтому, весьма сомнительную степень *достоверности заключений* о перспективах в спорте любой юной особи, основанных на показателях ограниченной (!) расшифровки композиции индивидуального генотипа, содержащего какие-то *гены*, обнаруженных у *других чемпионов*, не следует использовать для спортивного отбора. Даже профессиональные генетики признают свою ограниченную компетентность в полноценной расшифровке секретов индивидуального генома.

Информационно-энергетическая коррекция генетической программы развития индивидуума

Исследованиями, касающимися системной, высокоупорядоченной организации и компонентов человеческой природы установлено, что ни *генетический текст программы*, ни *генетический код* и ни собственно *гены*, которые направляют развитие признаков человеческого организма, структур и функций его биологической формы, *не* обладают независимой способностью надёжно обеспечить *выживание* практически бесконечного и закономерно нарастающего расового, популяционного и этнического разнообразия человеческих особей [11, С. 22, С. 61].

Все они подвержены испытаниям в связи с *эволюционными* изменениями многообразных био-, гео- и космофизических условий *Жизни организма Земли и всех* энергетически и информационно взаимосвязанных с ней и взаимозависимых от неё форм [8, С. 211; 6, С. 262, С. 245].

Геном представлен совокупностью всех *ДНК – носителей наследственной информации* и *генов – абстрактных и условных единиц информации*, содержащихся в ядерном аппарате клеток организма. Геном *не предназначен* для непосредственного *восприятия* интенсивных, непредсказуемых, неисчислимых энергоинформационных воздействий, буквально атакующих организм. Геном не реагирует прямо на потенциально опасные стимулы непрерывно меняющейся внешней среды и не может самостоятельно поддерживать требуемую жизнеспособность отдельного организма и человеческого вида [13, С. 166].

Если бы *геномная целостность* оказалась предоставленной самой себе, то *реальность антропогенеза* была бы *разрушена неисправимыми генными мутациями и последующим вырождением человечества*.

В условиях закономерных, динамичных изменений природной земной среды и усложнения социальных потребностей, обретение необходимых адаптивных свойств организма, повышающих жизнеспособность новых поколений человеческого вида, *индивидуализированных проявлений жизненных потенций* в качествах телесности, интеллекта и самосознания, оказалось возможным благодаря *эпигенетической системе*, предназначенной для специфического информационного воздействия на функции и программы генетического аппарата.

Как своеобразная надстройка в генетической системе человека, *эпигеном* приспособлен к осуществлению надлежащих *модификаций* генетического материала, изменению порядка активации и репрессии генов, молекулярной корректировке их экспрессии. Тем самым, *эпигенетический контроль* может влиять на *продуктивность протеносинтеза*, который внесёт необходимые изменения в функциональную активность клеток и даже в их природу, не нарушая при этом базовый генетический код, сами гены и структуру ДНК. Регуляция со стороны системы *эпигенома* сопровождает все этапы реализации генетического программирования *видовой и индивидуализированной* наследственности человека [2, С. 38-39; 7, С. 189].

ЭПИГЕНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА информационного контроля индивидуального развития изначально наделена следующими функциями в регуляции **процессуальности генома**:

1) **определяет** необходимость **своевременного «включения», «выключения» или «переключения»** определённых генов посредством механизмов, которые взаимодействуют интегрированным и скоординированным образом;

2) **воздействует на избирательную экспрессию генов и протеиносинтез**, в зависимости от динамики текущих потребностей определённых типов клеток, состава тканей, функциональных состояний конкретных органов и состояния всепроникающего сознания особи;

3) **реагирует на жизненно важные изменения** внутриклеточной, внутриорганной и внеорганной среды (гомеостатические сдвиги, метаболический дисбаланс, болевые стимулы, стрессогенные физические воздействия, изменения электромагнитных полей, модуляции квантово-молекулярных уровней, эмоциональные напряжения);

4) **модифицирует генетическую матрицу** – ДНК в сочетании с адаптивными трансформациями при участии нейроэндокринных систем и гормональных воздействий;

5) **адаптирует** информационное содержание собственных регулирующих команд в адрес компонентов генома в зависимости от: вариаций внутренней среды; накопленного в системе эпигенома опыта – памяти о взаимоотношениях с факторами внешней среды; следов фиксации оптимальных результатов реактивности наследственного аппарата;

6) **предотвращает** или существенно **уменьшает риск** опасного для жизни человека нарушения равновесия в обмене организма энергией и информацией с источниками природной и социальной среды посредством использования биохимических механизмов, влияющих на активность генов;

7) **использует** специфические **рецептирующие белковые структуры и механизмы**, предназначенные для придания **каждой клетке** индивидуальных признаков, свойств и способности к **избирательному** ответу, чтобы помочь организму и **геному** оптимизировать генетическую программу, сообщить генным комплексам установки к использованию их информационного потенциала для прогрессивного индивидуального развития;

8) **определяет эпигенетический, сверхгеномный тип наследования**, благодаря которому дочерние клетки получают от родительских клеток не только прямую генетическую информацию в виде новой **копии** всех генов, но наследуют определённый уровень их адаптивной активности [5; 12].

Таким образом, наследование **идентичных по назначению генов**, позволяет потомку **индивидуализировать** характер поведенческих реакций, качественные особенности признаков конституции, специфически выраженную реактивность организма по отношению к стрессам, условиям среды, жизненным ситуациям, то есть способствовать позитивным **эволюционным сдвигам** жизнеустойчивости человеческого вида.

Принципы повышения потенциала жизнеспособности организма спортсмена

Индивидуальность рассматривается антропогенетикой как закономерно развивающаяся форма Человека Разумного, **генетически** и **эпигенетически** приспособленного к **сознательной саморегуляции** и реализации физических и психических **потенциалов генома** и **надгенетической системы**, которая совершенствовала свои механизмы на протяжении миллионов лет естественной истории преодоления человечеством испытаний **эволюционной динамики** природных и социальных условий земного обитания.

Обладая всеми естественными, генетическими признаками человечества как **творческого, самоовладевающего вида** Вселенской Жизни, каждая **индивидуальность уникальна**, неповторима в своей духовной, **земной миссии** и в своей **ценности**, представляя неотъемлемую частицу разумной, преобразующей и превосходящей себя **психодуховной** и **психофизической** формы в бесконечном разнообразии Жизни [4, С. 286].

Спортивная антропогенетика позволяет подойти к решению актуальных проблем естественной эволюции физической культуры и спорта на основе широкомасштабного, неотложного выявления перспективных, одарённых спортсменов. Каждый из них своей волей, своими интеллектуальными и физическими усилиями может превратиться в **творца и реализатора** своих неповторимых замыслов, ментальных образов обновленной, персонально усовершенствованной структуры спортивной техники. Каждый способен преобразовать спортивную деятельность, возводя её в искусство виртуозного, творческого управления всей палитрой природных даров, воплощённых в уникальных психофизических качествах.

Важно подчеркнуть, что подготовка одарённых спортсменов к высшим достижениям требует от наставников, спортивных педагогов и психологов их собственной **интеллектуальной реконструкции**. Она должна касаться проявления более корректного, логического мышления, освобождающего разум от привычных, стереотипных решений и направляющего самосознание к настойчивым, творческим поискам, ведущим к выявлению скрытых взаимосвязей наблюдаемых явлений и незримых причин. Их профессиональные намерения с необходимостью должны быть устремлены к разработке научно обоснованных, инновационных, оригинальных, **индивидуализированных подходов**, ведущих к высшим уровням развития специальной тренированности, мастерства и достижений подопечных спортсменов. Особого внимания требует рационализация и персонализация спортивной подготовки контингента девушек и женщин, чья генетическая природа наделена закономерной, программируемой репродуктивной способностью, которая не должна быть искажена необоснованными режимами и нагрузками избранного вида специализации.

Как спортсмен, так и его тренер, должны ясно понимать действие **непререкаемых генетических**

и эпигенетических законов индивидуализации. В своих теоретических обоснованиях и практических решениях проблем спортивной подготовки **каждого индивидуума** им необходимо учитывать **персональное выражение** особенностей и **закономерностей взаимодействий** управляющих **генетических механизмов** и эффектов воздействия **надгенетической системы** в контроле за долговременными адаптивными процессами, сопровождающимися психофизические нагрузки в тренировочных циклах [10, С.77; С. 81].

Решение проблемы *повышения спортивной работоспособности* как предпосылки **планируемых индивидуальных достижений**, является лишь *одним* из аспектов модернизации решения многомерного комплекса теоретических и практических проблем, создающих перспективу **эволюции спорта**, как культурного и социального феномена, способствующего развитию гармоничного, здорового человеческого сообщества.

Несомненно, что никакие **допинги**, как наркотизирующие и опасные, подлинно *стрессогенные препараты*, не могут служить развитию чистого спорта, открытого для прозрачной состязательности. Более того, покрываемый **обман искусственного «клонирования» фальшивых рекордсменов**, не может служить желаемой нравственности и гуманизации общественного сознания.

Прогрессирующему обществу не может быть безразлично признание **ценности** каждого члена общества, как выразителя **творческих способностей и талантов**. Творческие достижения каждой неповторимой личности обогащают всеобщее процветание, служат развитию новых видов состязания спортивных талантов, ускоряют внедрение инновационных технологий оздоровления и гармоничного развития детей и молодёжи [1, С. 82].

Заключение. Каждый здравомыслящий индивидуум – как спортсмен-профессионал, так и тренер, осознав необходимость внимательного изучения не только спортивной физиологии, но **биологической генетики** человека и **спортивной антропогенетики**, должен стремиться к **полноте самопознания, к раскрытию** потенциалов сокровенной, созидательной **духовной силы** собственного существа, которая мобилизует процессы и механизмы деятельности генетически детерминированных функциональных **резервов организма**. Именно самые разумные, самые мощные **силы духа** будут определять эффективные адаптационные перестройки и целеустремлённую реализацию психических и физических достоинств природы каждой личности на мировых спортивных аренах.

Однако их реализация потребует искреннего, **осознанного намерения преодолеть** любые препятствия, избавляться от собственных сомнений, утверждаться в мудрости руководства **своих душевных сил**, которые найдут понимание в **сознании** и отклик в **подсознании**. Именно подсознание, как виртуальный план **духовного измерения эпигенетики**, обладает магической силой **изменять генетическую программу** под контролем **неколебимого, сознательного намерения личности**.

Современный спорт развивается в такое время, когда недостаточно просто что-то *узнать* о психосоматике организма спортсмена из учебных курсов вуза или усвоить субъективные мнения и рекомендации практикующего тренера. Спортсмен должен не только «знать», накапливая в памяти впечатления от спортивных коллизий, но обладать твёрдым убеждением, что именно *его собственный, тренируемый разум, сила энергии его мысли*, влияют на преобразование генетической программы, обогащение жизненного сценария впечатляющими достижениями, выявляя превосходные качества и телесные способности. Просветлённое самосознание открывает спортсмену понимание безграничности собственного, персонального потенциала, который служит безусловной инвестицией в прогресс любимого спорта. Будущее спорта не может держаться на каком-либо одном выдающемся лидере, который обладает плодотворным уровнем сознания и освещает всем другим путь к победе.

Возникает настоятельная необходимость как спортсменам, так и тренерам всемерно повышать познавательную активность в изучении удивительных возможностей человеческой природы, а также расширять ресурсы креативности в развитии коллективного сознания, чтобы способствовать процветанию всех видов мирового спорта [3]

Литература

1. Гарднер Говард Мышление будущего – пять стратегий, ведущих к успеху в жизни. – /пер. с англ./ – М., Альпина Паблишер, 2015, Гл. 4 – Креативный тип мышления, С. 82 – Переосмысление креативности.
2. Граник В.Г. Эпигенетика. Химический и медико-биологический аспекты. – М., «Вузовская книга», 2018, Гл. 1, С 38-39 – Геномный импринтинг— эпигенетическая система регуляции генов.
3. Диспенза Джо Сверхъестественный разум. Как обычные люди делают невозможное с помощью силы подсознания. –/ пер. с англ./ – М.,Изд. «Э», 2018.
4. Кин Сэм Синдром Паганини и другие правдивые истории о гениальности, записанные в нашем генетическом коде. –/ пер. с англ./ – М., Изд. «Эксмо», 2015, Ч. III – Гены и гении, Гл. 12 – Ген гениальности. Как глубоко в нашей ДНК запрятан художественный гений, С. 286.
5. Кэрри Несса – Эпигенетика: как современная биология переписывает наши представления о генетике, заболеваниях и наследственности – /пер. с англ./ – Ростов на Дону, Феникс, 2012.
6. Лима де Фария Антонио Похвала «глупости» хромосомы. Исповедь непокорной молекулы. – / пер. с англ./ – М., «Бином», Лаборатория знаний, 2012, С. 262 – Роль ДНК в наследовании не так велика, как мы привыкли верить; С. 245 – Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идём? Картины происхождения
7. Райан Френк Таинственный геном человека. – /пер. с англ./ – СПб., ПИТЕР, 2017, Гл. 2 – ДНК оказывается кодом, С. 35; Гл. 12 – Эволюция на геномном уровне, С. 185, С. 189

8. Райан Френк Таинственный геном человека. – /пер. с англ./ – СПб., ПИТЕР, 2017, Гл 14 – История, хранящаяся в ДНК, С. 211.

9. Ридли Мэтт ГЕНОМ. Автобиография вида в 23 главах – /пер. с англ./ – М., Издательство «Э», 2016

10. Хенгстшлегер Маркус Власть генов. Прекрасна как Монро, умён как Эйнштейн. – (перев. с нем.) – СПб., ПИТЕР, 2013, С. 77 – Код футболиста; Гены спортсмена; С. 81. – Содействие генов спортивным успехам.

11. Шпорк Петер Читая между строк ДНК . Второй код нашей жизни или Книга, которую

нужно прочитать всем. – /пер. с нем./ – М., «ЛомоносовЪ», 2013, С. 22 – От генетики к эпигенетике: почему генам нужны переключатели; С. 61 – Влияние окружающей среды: почему у нас есть власть над собственными генами.

12. Francis Richard C. Epigenetics. How Environment Shapes Our Genes. – New York, London, W.W. Norton & Company Ltd, 2012

13. Parrington John The Deeper Genome – Why there is more to the human genome than meets the eye. – OXFORD University Press, Oxford, UK, 2016, p.166 – What makes us Human?

МЕТОДИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ВОСТОЧНОЙ МОДЕЛИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ ВЗРОСЛОГО В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Чигинцева О.Н.

*Муниципальное автономное учреждение дополнительного образования «Станция юных техников», г. Новоуральск
канд. пед. наук, педагог дополнительного образования*

METHODICO-TECHNOLOGICAL LEVEL OF EASTERN MODEL OF ADULT'S SELF-FULFILMENT THROUGH GRAPHIC ACTIVITY

Chigintseva O.

*the Municipal autonomous institution of additional education
“Station of Young Technicians” of Novouralsk’s urban district
Candidate of Pedagogic Sciences
instructor of Adult’s Studio of Graphic Art*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается актуальная для российского общества в условиях роста демографических тенденций старения населения и продвижения пенсионной реформы проблема художественного образования личности в период поздней взрослости. Цель предлагаемой субъектной модели самореализации личности взрослого в изобразительной деятельности на методико-технологическом уровне – подготовить личность взрослого к самореализации на практике, используя изобразительную деятельность как способ этой самореализации. В описание субъектно-конкретизирующей восточной модели включены: особенности художественного мышления; эстетические идеалы; дидактические возможности изобразительной деятельности; методические задачи; содержание методики (живописные работы японских и китайских художников-долгожителей – для изучения и копирования, стихи японских и китайских поэтов-долгожителей – для визуализации); методы; техники; материалы и инструменты. В заключении подробно рассмотрен один из методов – композиционный анализ художественного произведения и результаты его применения в дополнительном художественном образовании для взрослых за два последние года.

ABSTRACT

The growth of demographic tendencies of aging of the population and the advancement of pension reform are the actual problems of Russian society. In connection with these conditions, the question of the artistic education of the person in the age of late maturity is considered in the article. The aim of the subjectival model of adult's self-fulfilment through graphic activity at methodical and technological level is formulated as follows: to make the older person to be ready for self-fulfilment in practice, using graphic activity as a medium of this self-fulfilment. The description of the subjective-specificating eastern model of adult's self-fulfilment through graphic activity includes the following components: characteristics of artistic thinking; the aesthetic ideals; didactic resources of graphic activity; methodical missions; methodical content (pictorial works of Japanese and Chinese artists-long-livers, which are using for learning and copying, haiku and tanka of Japanese and Chinese poets-long-livers for visualization); methods; technics; materials and instruments. Composition analysis of the artistic work as the method is described in details there. The results of realization of this method in conditions of the additional artistic education for adults during two last years are represented in the conclusion.

Ключевые слова: восточная модель самореализации, методико-технологический уровень, личность взрослого, изобразительная деятельность.

Keywords: eastern model of self-fulfilment, methodical and technological level, the personality of adult, graphic activity.

В пространстве современного художественного образования для взрослых людей особо значимы переживаемые всем российским обществом трудности в экономической и социальной сфере. К этим проблемам можно отнести следующие: недооценку «в социальной практике роли эстетического сознания, художественной культуры как влиятельных факторов динамического развития общества»; «распространение платных форм обучения на фоне низкого уровня жизни основной части населения, невозможность приобретения специальных инструментов, современных технических средств и материалов» [1].

Кроме того, в период взрослости, особенно в возрасте «средней и поздней взрослости», личность испытывает дефициты развития своего потенциала из-за существования следующих био-социальных преград: 1) потенциал переходит в пассивное состояние из-за сильной потребности в безопасности, происходит «организмическое отслеживание процессов» (К. Роджерс); 2) к периоду поздней взрослости наблюдается ослабление биологического, психологического, социального здоровья, в результате – стойкое понижение настроения, прибавление страхов, переживание «стресса рухнувшей надежды» (Г. Селье), поглощенность собой, сужение круга интересов, появление потребности в защите, заботливом отношении окружающих, обновлении социальных контактов. В итоге, в периоде взрослости как самом долгом и важном периоде для развития личности, отличающемся бесконечным потенциалом применительно к любому виду деятельности, личность не может в полной мере раскрыть все способности.

Актуальность этой проблемы повышается ввиду постоянного роста демографических тенденций старения. В Российской Федерации в августе 2018 г. насчитывалось уже более 37 млн. человек пенсионного, т.е. старше трудоспособного возраста, что составляло около 25 % от всего населения [2].

В силу трудностей в социо-экономической сфере и био-социальных преград поздне-возрастная группа населения часто использует первую возможность – выбирает пассивное ожидание, примиряется с тем фактом, что жизнь медленно угасает. Такие люди живут довольно изолированно: местами их социализации чаще бывают поликлиники, больницы, отделения банков, иногда филармонии и театры, совсем редко – образовательные учреждения.

Однако, в этот период жизни, особенно при выходе на пенсию, перед личностью взрослого может раскрыться вторая возможность, которая заключается в том, чтобы найти в себе «силу освободиться от биологического упадка и подойти к своей биографии с новыми, творческими мерками» [3], плодотворно использовать освободившееся от профессионально-трудовых и семейных обязанностей время, вступить на путь самореализации. Возникает вопрос, не является ли эта возможность для личности в период поздней взрослости утопичной?

Чтобы ответить на этот вопрос оптимистично,

необходимо изменить принятый в обществе непродуктивный и односторонний (сведенный к медико-биологическому фокусу) взгляд на «старение» как на: «все более неполноценную взрослость», «потерю нормальной способности функционирования», «неизбежное нарастание патологий и болезней» [4]. Благодаря современным достижениям в психологии и геронтологии, постулируется сохранность и активность продуктивного образа жизни на всех стадиях жизненного пути у взрослого человека, а также постоянное нарастание уникальности личности на фоне преемственности развития (Э. Эриксон, О.Г. Краснова, А.Г. Лидере, В.В. Фролькис, И.В. Шаповаленко).

В наши дни мы наблюдаем не только за трудностями, но за процессами, вселяющими надежду, а именно: за возвращением интереса общества к духовным ценностям личности, за социально-экономическими трансформациями в современной Российской Федерации, за модернизацией образования. Эти процессы создают условия для того, чтобы реализация взрослым человеком своего потенциала в условиях художественного образования начала выступать в роли центрального, а не периферийного аспекта его собственной жизни.

Для воплощения этой идеи на практике необходимо, в ходе непрерывного обновления методико-технологического обеспечения, с учетом лучшего отечественного опыта и мировых достижений, создать модель самореализации личности взрослого в художественной деятельности. Сложность проблемы и вызванное этим повышение требований к ее решению подводит к необходимости углубить сферу поисков и более углубленно рассмотреть самореализацию личности взрослого на примере возраста «средней и поздней взрослости» (от 50 до 80 лет), а также обратиться к одному из видов художественной деятельности – изобразительной.

Настоящая модель самореализации личности взрослого в изобразительной деятельности направлена на формирование субъектной позиции у личности, поэтому сама является субъектной; имеет два уровня – научно-теоретический и методико-технологический и трактуется как целостная система, в которой цели и задачи художественного образования, а также способы их практического воплощения представляют собой комплекс взаимосвязанных положений.

Рассмотрим методико-технологический уровень модели в виде следующих положений.

1. Самореализация есть путь развития человеческой природы «тело-душа-разум-дух», требующий выражения единства и напряжения между социальным воздействием (возникающим на полюсе «мира») и индивидуальным самосозиданием (берущим начало на полюсе «Я») (А. Маслоу, В. Франкл, Э. Фромм).

2. Самореализация личности приобретет свою привлекательность для взрослого, если цели и средства образования будут выводиться из сущности человека, а образование станет атрибутом человеческого бытия.

Такую точку зрения предлагает антропологический подход в образовании личности. Подход, при котором «человек» признается безмерным явлением, уникальной, открытой и саморазвивающейся системой, позволяет транслировать в образование оптимистическую оценку человеческой природы. Антропологический подход превращает образование в процесс приобретения индивидуальных характеристик, обращения к позитивному ядру человеческого сознания, «Я» (А. Менегетти); процесс, связывающий деятельность и актуализацию целого комплекса способностей к физическому, эмоциональному, интеллектуальному, духовному напряжению личности.

3. Цель субъектной модели самореализации личности взрослого в изобразительной деятельности на методико-технологическом уровне – подготовить личность взрослого к самореализации на практике, используя изобразительную деятельность как способ этой самореализации.

4. Антропологический подход дает возможность рассмотреть и синтезировать опыт самореализации личности взрослого в художественной деятельности, накопленный как в западной, так и в восточной культуре и образовании. Самореализация личности взрослого раскрывается как проблема интеркультурная, в силу того, что в настоящее время не существует единого, общечеловеческого, представления о самореализации личности.

Субъектная модель самореализации берет на себя функцию синтезатора знаний о различных (западных, отечественных, восточных) путях наиболее полной жизненной самореализации личности, поэтому содержит в себе субъектно-конкретизирующие модели Востока и Запада. В данной статье рассмотрена восточная модель и наиболее углубленно – ее методико-технологический уровень, предполагающий включение максимально широкого диапазона форм, техник изобразительного искусства и популяризацию традиций изобразительного искусства Востока на примере Японии и Китая – с опорой на отечественную культуру.

5. Следующие особенности человеческой природы художника на Востоке создают преимущества для восточной модели самореализации личности: а) сохранение внутренней свободы, развитие человеческой природы в системе «дух – сердце – рука – бумага», готовность к самовыражению и самосовершенству; б) фантазия, особое мышление-сопереживание («вдумывание и вчувствование» в образ, «вхождение в поток самораскрытия авторского видения» – термины Е.А. Торчинова), готовность к диалогу со зрителем или слушателем, наполнение произведения иносказательным внушением; в) раскрепощение «тела-души», переход функционирования «разума-духа» в режим правополушарного мышления, предельное обобщение и символизация образа, интегрирующего несколько видов искусства.

Стиль мышления, поведения и художественной деятельности, сложившийся в III–IV вв. в Китае, фэн лю – «ветер и поток», открывает перед лич-

ностью возможность самовыражения благодаря передаче основы изображаемого – движением руки и инструмента. Входящий в это сочетание иероглиф фэн (ветер, веяние, поветрие, нрав) подразумевает естественное движение мировой идеально-материальной субстанции – «пневмы» (ци), проявляющееся в самых разных сферах бытия на уровнях индивидуума, общества и природы. Второй иероглиф – лю (поток, течение) указывает на аналогию с движением воды, которая метафорически отождествляется с «пневмой» и дао. Бином фэн лю указывает на усиление внимания к проблеме самовыражения. Признаками фэн лю считаются раскованность, эксцентричность поведения и внешнего вида; в сфере художественной деятельности – сохранение внутренней свободы, внерефлективная чуткость к движениям дао в мистических глубинах человеческого духа [5, С. 471-472]. Китайский теоретик живописи и пейзажист XI века Го Си метафорически называет картину «психологическим портретом автора», подчеркивая высокий смысл личности и благородства художника и необходимость постоянного совершенства личности мастера (из трактата Го Си «Записки о высокой сути лесов и потоков»).

Кроме того, художник на Востоке стремится к внушению, наполнению произведения суггестивными афоризмами, для этого подключает свою фантазию. Как писал выдающийся историк китайской философии и классик современного конфуцианства Фэн Ю-лань: «Суггестивность, а не артикулированность, является идеалом всего китайского искусства, будь то поэзия, живопись или что-нибудь еще. В поэзии, например, то, что поэт хочет сообщить, часто является не тем, что прямо сказано, а подразумевается в том, что не сказано ... Таков идеал китайского искусства» [6, С. 33].

Художник на Востоке стремится к предельному обобщению и символизации образа, в результате происходит естественное перетекание и взаимодополнение каллиграфии и поэзии, музыки и живописи. Важным аспектом произведения живописи является поэтичность: «Поэзия – это лишенная формы живопись; живопись – это обретшая форму поэзия» (Го Си трактат «Записки о высокой сути лесов и потоков»). Точки и линии создают свернутую картину мироздания, в которой мотивом является мировой узор вещей. Во внутреннем мире художника происходит раскрепощение и гармонизация отдельных частей человеческой природы.

6. Особенности человеческой природы художника на Востоке позволяют понять эстетические идеалы Востока [7]. Первый эстетический идеал – утонченная недосказанность (югэн). Второй эстетический идеал – красота непостоянства, исчезающего на глазах. Третий эстетический идеал – красота древности, сосредоточенная на вечности («саби» - буквально означает ржавчина, архаическое несовершенство, прелесть старины, печать времени). Четвертый эстетический идеал – естественность, простота, чистота. За словом «ваби» – виден мост между искусством и повседневной жизнью.

7. На основе эстетических идеалов Востока могут быть рассмотрены дидактические возможности изобразительной деятельности. Дидактические возможности изобразительной деятельности: 1) осмысленная пустотность – оставляя что-то недосказанным, художник дает зрителю возможность завершить идею, заполнить пустоту своей эстетической эмоцией; 2) воспевание изменчивости – наблюдение в природе и передача тех форм, которые подчеркивают момент изменения, нарушение равновесия, т.е. все асимметричное; 3) выражение особого очарования стариной и следами возраста, сосредоточение на вечном; 4) поиск прекрасного – в простом, во всем, что окружает человека в его будничной жизни.

Изобразительная деятельность на Востоке обладает не столько образовательным, сколько оздоровительным потенциалом для личности взрослого: может способствовать уравниванию комплекса физических (сенсорно-моторной подвижности рук, зрительной активности), эмоциональных (ассоциативного и образного мышления), интеллектуальных (практического, логического, вербального мышления), духовных качеств (сосредоточенности на собственной внутренней жизни; меньшей склонности к восприятию противоположностей; большей вере в совершенство и гармонию окружающей Вселенной, ориентации на приспособление к «космическому ритму»).

8. Дидактические возможности изобразительной деятельности отражаются в методических задачах субъектно-конкретизирующей восточной модели самореализации личности взрослого в изобразительной деятельности. Первая задача – научить проявлять утонченную недосказанность в изобразительной деятельности. Вторая задача – научить последовательности создания образа в определенный интервал времени. Третьей задачей является обучение состоянию восхищения и навыкам мудрого рассуждения не только о злободневном, но о высоких идеях, живущих в вечности. Четвертая задача – научить настраиваться на естественность и простоту; проявлять меру при отборе необходимых характеристик изобразительно-выразительных средств; научить изображать предмет, используя минимум изобразительно-выразительных средств, но добиваясь максимума в эффекте выразительности.

9. Личности взрослого предлагается для освоения немало исключительных, очень своеобразных форм изобразительного искусства, которые дал миру Восток: каллиграфия, живопись на горизонтальных и вертикальных свитках и веерах, «картины-стихи». Популяризируя традиции изобразительного искусства Востока, методико-технологическое сопровождение (программа и методика) включает следующие известные разновидности и техники изобразительного искусства: монохромная живопись тушью, водяными красками, чернилами, живопись на шелке, присыпка золотом и серебром, живопись на специальной, прочной и красивой бумаге васи, изготовленной в традициях ручной выделки.

Эстетика китайских иероглифов связана с тем, что древний знак-иероглиф был формой магического посредничества между миром людей и природными явлениями и представлял собой небесные письмена, перенесенные на земную плоскость. Написание иероглифов во все времена было одним из способов коммуникации человека и Неба, а, значит, одной из самых высокодуховных практик: «На небе и земле, в горах и реках существуют формы квадратные и круглые, возвышенные и текущие. В солнце, луне и небесных светилах существуют градусы широты и долготы, и поворота света. В облаках, в заре, траве и деревьях существуют формы, широко расстилающиеся как холст, формы роста и изобилия. В предметах культуры и одеяниях существуют формы скромности приветствия и обращения. Если стараться удовлетворить этому, то письмо будет поразительно» (Чжан Ди, каллиграф Ханьской династии) [8].

Такая форма, как «картины-стихи» возникла благодаря тому, что линейная живопись естественно связана с каллиграфией, а орудия и материалы творчества (кисть, тушь, бумага, шелк и т. д.) – одни и те же для обоих искусств. Известный японский журналист XX века Токутоми Сохо утверждает, что каллиграфия и живопись черпают из одного общего источника – художественного вкуса: «Картина – это стихи без слов, стихи – это картина, обладающая голосом» [9].

10. Основа содержания методики – культурологический материал, включающий творческие работы десяти японских и десяти китайских художников-долгожителей (Тоё Сэсю (1420-1506), Томиока Тессай (1837-1924), У Чаншо (1844-1927), Ци Байши (1864-1957) и др.) – для изучения и копирования; стихи десяти японских и десяти китайских поэтов-долгожителей (Сакаки Нобуцуна (1872-1963), Такахама Кёси (1874-1959), Маэда Югурэ (1883-1967), Мидзухара Сюоси (1892-1981), Накамура Кусатао (1901-1983) и др.) [10] – для чтения и визуализации поэтических образов.

Ознакомление с творческими биографиями художников и поэтов на занятиях в арт-студии дает возможность осознать принципы самореализации личности долгожителя в художественной деятельности. Копирование работ художника и импровизация помогают приобщиться к стилю творчества и образу жизни мастера; прослушивание стихов и визуализация образов развивают ассоциативное мышление.

Например, знакомясь с биографией китайского художника Ци Байши, взрослые участники арт-студии открывают для себя принцип творчества и одновременно, жизни Ци Байши: «Стремиться к истинному обаянию природы». Развитое образное и ассоциативное мышление помогают художнику в процессе изобразительной деятельности уподоблять себя растениям и считать, что только слива мэйхуа способна понять его до конца: художник «кушается в орхидеевой воде, моет волосы ароматом цветов». Анализ творческой работы наглядно показывает взрослым участникам арт-студии, как художник умеет оставлять что-то недосказанным,

как умеет подчеркнуть момент изменения и движения в природе (художник посвящает целый творческий цикл изображению креветок в разных ракурсах), как выражает свое очарование стариной. Художник в возрасте 65 лет начинает десятилетие «реформ в старости». Эти реформы связаны с упрощением формы, с интеграцией рукописной манеры письма традиционных китайских художников и элементов стиля народного искусства. Китайский художник мастерски находит прекрасное – в простом, в будничной жизни: он работает в лаконичном стиле «живописи образа» (се-и), упрощая форму и колористическую палитру, в технике крупных энергичных мазков большой кистью, обращая внимание на передачу настроения и сути (ли): «Мастерство находится на грани сходства и несходства; полное сходство – вульгарно, несходство – обман». Экономия изобразительных средств позволяет достичь глубины понимания таких непритязательных природных мотивов, как: шиповника, пиона, тыквы, винограда, богомола [11].

11. В соответствии с поставленными выше четырьмя методическими задачами была проведена экспериментальная практическая работа с участниками арт-студии в возрасте 50-80 лет. В ходе обобщения двухлетнего педагогического опыта к настоящему времени выявлена эффективность определенных методов и приемов, которые можно сгруппировать следующим образом.

В первую группу методов входят вербальные и настроечные методы и приемы: эмоционального настроения, художественного слова (чтение японских танка и хайку (или хокку)), дыхательной гимнастики, профилактика нарушений зрения, укрепление сенсорных качеств руки; ассоциаций, созерцания, любования, удивления (в разработке А. Маслоу), обобщения по зрительной памяти, проникновения внутрь предмета в стремлении схватить его суть – на фоне прослушивания восточных мелодий; а также практические: арт-терапия, ведение арт-дневника, прием визуализации положительных образов-аффирмаций на здоровье, на самоуважение, рисование иероглифов, сочетание изображения и текста (рисование поздравительных открыток).

Вторая группа методов включает вербальные методы и приемы: планирование занятия, обсуждение продуктов деятельности в ходе экспресс-выставки; наглядные, практические: наблюдение, «са-

мовыражение» (в разработке А. Маслоу), скоростное рисование в стиле живописи се-и «выражение идеи», скоропись, рисование тематических серий, циклов «времена года», композиционный поиск, вариации; а также диагностические: самоконтроль, экспресс-диагностику доминирующих отрицательных и положительных переживаний, диагностику скорости реакций, экспресс-выставку.

Третью группу методов составляют вербальные и наглядные методы и приемы: беседа, сочинение истории, показ тематических презентаций, репродукций, образцов, композиционный анализ художественного произведения и продукта изобразительной деятельности; практические: ознакомление с изобразительно-выразительными средствами, наблюдение, копирование, рисование с натуры и по фотографии, рисование по представлению; визуализация образов поэтических миниатюр (в разработке С.А. Новоселова); стилизация, интерпретация.

Четвертая группа включает вербальные методы и приемы: беседа; а также практические: рисование с закрытыми глазами, жестовое рисование, эксперимент с различными характеристиками изобразительно-выразительных средств, эксперимент с различными материалами, инструментами, восточными изобразительными техниками; рисование на пленэре (в лесопарковой зоне, в саду).

Таким образом, дано описание восточной модели самореализации личности взрослого в изобразительной деятельности на методико-технологическом уровне.

Проиллюстрируем более развернуто один из методов – композиционный анализ художественного произведения на примере анализа «Пейзажа в стиле хабоку» (Рис. 1) и «Пейзажей времен года: осень» (Рис. 2), принадлежащих кисти японского художника-долгожителя Сэсю Тое (1420-1506). В соответствии с традицией фэн лю, метод композиционного анализа включает в себя несколько приемов: показа репродукции художественного произведения, созерцания, любования свитком, художественного диалога, художественного слова (чтение японских танка и хайку (или хокку)), ассоциаций, удивления, прослушивания восточных мелодий, графического анализа-зарисовки, ознакомления с изобразительно-выразительными средствами, копирования, визуализации образов поэтических миниатюр.



Рис. 1. Тоё Сэсю. Пейзаж в стиле хабоку (1496)

Композиционный анализ «Пейзаж в стиле хабоку» Сэсю Тоё

Идея – природа – вечна и, как аналогия дзэнскому философскому саду, она раскрывает свою одушевленность, красоту, мощь и изменчивость в торжестве и неистовстве стихий (бури, ветра, ливня). Как и дзэнский сад, пейзаж тушью – это «конструкция», имеющая знаковый смысл. Природа может стать частью внутренней жизни художника, если «в процессе просветления все различные границы, которые отделяли его от других элементов космоса, оказываются разрушенными. Если, достигнув подобного состояния, он рисует птицу, цветок или пейзаж, предмет его живописи стоит не в оппозиции к нему, но становится частью его самого» [12]. Изображая природу, художник в пейзаже раскрывает свою душу.

Сюжет – в пейзаже запечатлено мгновение, когда порыв ветра пригнул верхушку дерева, а полоса

дождя размыла и поглотила очертания далеких гор. Деревья пригнули к земле свои ветви, хижины на берегу бурлящего потока прижались к скале.

Белее белых скал
На склонах Каменной горы
Осенний этот вихрь! (Басё Мацуо)

Художник использует следующие образительно-выразительные средства в композиции.

Линии – художник передает изменчивость мастерски, будто случайно упавшими на бумагу неровными пятнами, ломаными линиями и штрихами «в стиле «хабоку», т.е. разбрызганной тушью. Тушевая линия, ее направление, динамика организуют плоскость белой бумаги для изображения жизни в природе. Материальная форма дерева как будто внезапно возникает из нервных мазков и пятен туши [12].

Цвет – в живописи тушью абстрагирование начинается уже в материале, когда цвет передается

оттенками черной краски, а объем – линией.

Формат – вытянутый вверх прямоугольник в пропорциях 1:1,5, без учета каллиграфических надписей в верхней части листа.

Симметрия – композиция асимметрична, т.к. основное изображение сдвинуто к краю и занимает довольно большую площадь. Художник зрительно уравнивает композицию значительным полем свободного фона, тем самым превращая его в образ беспредельного мира.

Перспектива – художник создает простран-

ственную концепцию произведения, применяя особый, символический способ передачи пространства в картине – воздушную перспективу. Бесконечное пространство мира как символ Будды, в живописи тушью претворяется в кулисное построение планов и «паузы» между ними. В беспредельных пространственных даях тают, исчезают силуэты далеких гор, и написанное на переднем плане экстаичной кистью дерево создает контраст далеким горам своим масштабом, большим количеством деталей и своим более темным тоном.



Рис. 2. Сэссю Тое. Пейзажи времен года: осень (1496)

Композиционный анализ «Пейзажи времен года: осень» Сэссю Тое

Идея – художник хотел показать иерархию и взаимодополняемость трех миров – микрокосма

картины, макрокосма реальной жизни и мегакосма буддийского мира. Пейзаж не имеет ни малейшего отношения к виду конкретной местности, но выражает стремление найти графический эквивалент, с

одной стороны, ощущению «душевного» состояния в природе осенью, с другой стороны, переживаниям человека в возрасте «осени» (т.е. средней или поздней зрелости), вставшего на путь самосовершенствования. В картине присутствуют условные символы, как, например, три горные вершины, белая дымка облаков, храм, беседка и др.

Сюжет – в нижней части окутанного туманом горного ландшафта, на переднем плане, мы видим маленькую японскую деревушку и ее жителей.

Все живут лишь одним -
заботами о пропитанье,
и более ни о чем.

Мириады людей теснятся
в мириадах домов-ячеек... (Нисимура Ёкити)

Это изображение профанного мира, мира страданий, неудовлетворенности и суеты живых существ. В доме, расположенном на переднем плане в самой нижней части картины, в медитативной позе сидит мужчина, задумавшийся о своем месте в этом мире (может быть, это сам автор в возрасте 76 лет).

Сколько минуло дней
с тех пор, как в тоске и смятенье
пребывает душа

и, потерянная, блуждает
на пути меж жизнью и смертью!.. (Сасаки Нобуцуна)

Спичку зажгу –
только тем утोलю печали
бесприютной души,
что встречает вечер осенний
и во мглу уходит тоскливо... (Маэда Югурэ)

Чуть поодаль можем наблюдать здание буддийского храма.

Осенью поздней
на храм Якуси-дзи гляжу
в краю Ямато –
вон над пагодою повисло
одинокое облачко в небе... (Сасаки Нобуцуна)

На заднем плане в дымке теряются три горные вершины, которые последовательно удалены от зрителя. Подъем на первую гору относительно плавный, на вторую более крутой, на последнюю – наиболее трудный. Самая дальняя гора теряется в дымке облаков, это сакральное пространство, а вокруг и далее простирается белое море [13].

У подножья горы
клубится туманная дымка –
и при виде ее
сердце полнится отчего-то
странной, необъяснимой грустью... (Исихара Ацуси)

Комплексный символический посыл, заложенный художником, раскрывается благодаря выявлению следующих изобразительно-выразительных средств в композиции.

Линии – искривленные – стволы деревьев, дугообразные, наклонные – камни, скалы, высокая трава на переднем плане, волнистые – у белой дымки; прямые вертикальные и горизонтальные – у деревенских домиков и храма. Горы, скалы, деревья

не индивидуализированы по форме и характеру линий, они даются в их типовом значении, как отдельные формальные элементы. Это делает их формы привычными для восприятия и потому усиливает их удобочитаемость, не отвлекая разнородностью форм от смысла самих понятий [14].

Цвет – монохромный пейзаж в технике суйбокуга («картины воды и туши») или суми-э (живопись тушью) обладает внешней простотой и условностью цвета. Темно-коричневая тушь меняет свои оттенки по светлоте от самых темных до золотисто-охристых цветов.

Цвет всегда несет какую-то эмоциональную окраску и по-разному воспринимается разными людьми в разных состояниях, поэтому эмоциональная нейтральность монохрома позволяет зрителю наиболее адекватно вступить в диалог, расположить его к восприятию, созерцанию, мысли. Японского художника интересует не сам предмет, а его суть, некая составляющая, которая является общей для всего живого и приводит к гармонии человека с природой. Поэтому монохромное изображение – всегда намек, оно обращено к нашим представлениям, а не к зрению. Недосказанность – это стимул диалога, а значит соединения. Любая монохромная картина гармонична с точки зрения соотношения в ней туши и нетронутой области бумаги – это взаимодействие инь и ян [15].

Формат – вертикально вытянутый формат свитка (в пропорциях 1:2,1) соответствует задаче художника показать необъятную высоту гор. Ориентация на вертикальную ось делит композицию на смысловые части и позволяет в полной мере насладиться созерцанием картины, в процессе скольжения по ней взглядом снизу вверх и по винтовой направляющей – таким образом наблюдатель как бы совершает путешествие по трем мирам: профанному, сакральному – в жизни человека и сакральному – в жизни природы, космоса. Вертикально вытянутая композиция раскрывает более сложный замысел, чем просто пейзажная зарисовка, а именно – буддийское мироустройство и путь человека в нем.

Центр – здание буддийского храма в окружении белой дымки (пустота). Его расположение чуть сдвинуто относительно геометрического центра формата вверх и вправо. Но при этом можно противоречиво заявить, что в композиции нет ярко выраженного центра – всё целостно и едино! И выделить не один, а три центра, которые выстраиваются по винтовой вертикальной линии – в нижней части – широко раскрытый прямоугольный дверной проем в домике простого крестьянина; в средней части – храм и в верхней части – вершину горы.

Геометрическая схема – два треугольника: один вершиной вверх – треугольник удаленной горы и второй, с опрокинутой вершиной – деревушка между скал на переднем плане. Там, где треугольники касаются друг друга своими основаниями, образуется горизонтальная ось, на которой покоится центр «храм». Такая кристально простая схема позволяет воспринимать пейзаж так, как будто он написан на одном дыхании.

Ритм – ветвей, листьев, крыш, камней, деревьев, домов, горных массивов – учащенный внизу и разряженный сверху композиции.

Симметрия – по вертикальной оси – фиксируется взглядом только в верхней части композиции, на центрично расположенной горе; в нижней части симметрии нет, но расположение домов, деревьев и камней – уравновешено. В центральной части наблюдается полная асимметрия: храму справа не противопоставлено ничего слева, это еще больше увеличивает его значимость как пятна на плоскости картины и как символ уважения к религии в обществе. Асимметрия, кроме того, создает впечатление динамики – движется белая дымка. По горизонтальной оси как бы установлено невидимое зеркало – гора дает свое пустотное отражение вниз, в результате приобретает статику.

Контраст – контраст миров: профанного и сакрального, человеческого и природного; контраст по времени – протяженность брэнной жизни человека, появившийся на короткое время туман и – вечные горы; контраст по весу – у легкой дымки и массивных скал; контраст по степени заполненности деталями – на переднем плане отдельные камни, окна, входные проемы, ветви деревьев, фигурки людей теснят друг друга, создают шум, суету, а на среднем плане образовалась пустота, тишина, нет ни линий, ни пятен; контраст масштабов у маленькой фигурки человека и нависшей сверху горной громады; контраст по светлоте коричневого цвета.

Пропорции – пропорции всей композиции – вытянутые вертикально, в традициях вертикальных свитков, создают впечатление возвышенности; пропорции домиков – горизонтально вытянутые, приземистые, как будто распластанные по земле, что позволяет отделить жизнь обычной деревушки от образов храма и горы, наполненных сакральным трепетом. Масштаб – фигурки людей удивительно малы по сравнению с величественными горами, что создает несколько минорное настроение затерянности, незначительности, подвластности человека – природе; и в то же время такой мелкий масштаб определяет значение каждого человека как неотъемлемой части в грандиозной панораме Мироздания. Согласно японскому мировоззрению, природа совершеннее человека, поэтому он должен у нее учиться, всячески ее беречь, а не уничтожать или подчинять. Поэтому на многих пейзажах можно увидеть небольшие изображения людей, но они всегда незначительны, малы по отношению к самому пейзажу, или изображения хижин, которые вписаны в окружающее их пространство и даже не всегда заметны – это все символы мировоззрения.

Воздушная перспектива изображена минималистическими средствами, отчасти условно, абстрактно, в соответствии с традиционной теорией так называемых «трех далей», трех частей, в разной степени удаленных от зрителя [16]. Художник изображает полупрозрачный туман и постепенно увеличивает светлоту деревьев, зданий, горных массивов – по мере удаления от переднего плана;

кроме того, деление на несколько планов (несколько передних, один средний – центральный и несколько задних) происходит благодаря постепенному уменьшению деталей и уменьшению размеров (деревьев, камней) по мере удаления планов. Владение приемом передачи воздушной среды удастся художнику на уровне поэтического обобщения ее разнообразных состояний по времени дня (день) и времени года (осень).

Светотень – восточному направлению живописи присущи свои каноны, свои правила, не связанные напрямую с визуальным восприятием пейзажного фрагмента в определенный момент времени и с определенным источником света, поэтому в живописи отсутствуют иллюзионистические методы, такие как передача собственных и падающих теней. Перед нами синтез нескольких впечатлений и зарисовок по памяти, этого достаточно, поскольку изобразительная форма на плоскости не показывает в себе предметную реальность, но дает смысловую характеристику этой реальности. Эффект свечения создает вокруг храма и удаленной горы акцент на сакральности. Это происходит за счет их окутывания дымкой, что позволяет усилить контраст по светлоте и ввести цезуру (паузу).

Применение метода композиционного анализа художественного произведения открывает перед личностью пожилого человека следующие перспективы: знакомства с японскими произведениями искусства, с личностью мастера; приобщения к ценностям восточной художественной культуры; символического перевода идеи в художественную форму благодаря изобразительно-выразительным средствам; использования оздоровительного потенциала художественной деятельности в целях всестороннего оздоровления личности посредством созерцания, любования, удивления, активного творчества с автором свитка или поэтической миниатюры, прослушивания восточных мелодий; получения базовых практических навыков в ходе графического анализа-зарисовки. Композиционный анализ формирует эстетические потребности и художественный вкус у личности для того, чтобы в последующем перейти к скоростному рисованию в стиле живописи се-и «выражение идеи», копированию художественного произведения, рисованию тематических серий и циклов «времени года», композиционному поиску и импровизации и освоить оригинальные изобразительные навыки работы кистью по бумаге в технике монохромной туши.

Общий результат двухлетнего внедрения методики заключается в оздоровлении человеческой природы, в уравновешивании комплекса физических, эмоциональных, интеллектуальных, духовных качеств. Пожилые люди, воспитанные на высоких образцах восточного искусства, и прошедшие изобразительную практику по их интерпретации, часто восклицают: «Мы любим рассматривать и копировать живопись тушью в исполнении 70-90-летних художников-долгожителей, потому что с этого возраста они начинают понимать всё – на все смотрят оптимистично, с более широких и высоких ми-

ровоззренческих позиций, чем в молодом возрасте».

Литература

1. Концепция художественного образования в Российской Федерации на период до 2025 года // О концепции художественного образования в Российской Федерации // Приказ Министерства культуры РФ 28 декабря 2001 N 1403 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=84924&fld=134&dst=100015,0&rnd=0.07229097304536314#01636231402439936> (дата обращения: 28.08.2019).
2. Население / Старшее поколение – Демографические показатели 1.1 Численность населения Российской Федерации // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/ (дата обращения: 24.08.2019).
3. Ливехуд Б. Кризисы жизни – шансы жизни. Развитие человека между детством и старостью / пер. с нем. Э.М. Радской. – Калуга: Духовное познание, 2012. – 224 с.
4. Григорьева И.А. Пожилой человек в современном обществе: пособ. для спец. по соц. раб. с лицами пожилого возраста // Университет третьего возраста. 2012-2017 // URL: <http://u3a.itmo.ru/people-s/> (дата обращения: 24.08.2019).
5. Юркевич А.Г. Фэн лю // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. т. I. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. – 2006. – 727 с.
6. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / пер. с англ. Котенко Р.В. – СПб.: Евразия, 1998. – 376 с.
7. Овчинников В.В. Ветка сакуры (Рассказ о том, что за люди японцы) // В.В. Овчинников. Сакура и дуб. М.: Дрофа, 2003. – 509 с.
8. Ветошников О. Образы иного в потёках туши // Современный музей каллиграфии // URL: https://www.calligraphy-museum.com/news/print_media/obrazy-inogo-v-potyokakh-tushi (дата обращения: 24.08.2019).
9. Маэда Э. Сёга кэнкю-хо. // предисл. Токуоми Сохо. Токио, 1910. – 99 с.
10. Цветы Ямабуки. Шедевры поэзии хайку «серебряного» века (конец XIX-начало XX вв.) пер. с яп., предисл. и коммент. А.А. Долина. СПб.: Гиперион, 2000. – 235 с.
11. Хунлян У. «Истинное обаяние природы». Некоторые идеи к прочтению искусства Ци Байши // Третьяковская галерея. – № 3 (56), 2017.
12. Николаева Н.С. Сад в ансамбле буддийского монастыря // Николаева Н.С. Японские сады. М.: Изобразительное искусство, 1975. – 280 с.
13. Японская монохромная живопись. Пейзажи времен года: осень // Vostok Magazine 11 августа 2015 // URL: <https://syg.ma/@vostok-magazine/iaponskaia-monokhromnaia-zhivopis-pieizazhi-vriemien-ghoda-osien> (дата обращения: 24.08.2019).
14. Никитин Л. Идеографический изобразительный метод в японской живописи М. – 1923 // URL: <http://c51.narod.ru/pages/011.htm> (дата обращения: 24.08.2019).
15. Румянцева Е.В., Поровская Г.А. Японская монохромная живопись суми-э // матер. IX Междунар. студ. науч. конф. «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017034384> (дата обращения: 23.08.2019).
16. Самосюк К. Го Си // Мастера искусства об искусстве: т. I. – М.: Искусство, 1978.

PHILOLOGICAL SCIENCES

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС РОМАНА А. РЕЗАНОВИЧА «ОТШЕЛЬНИК»

Хальпукова Е.Л.

*кандидат филологических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, Минск*

EXISTENTIAL DISCOURSE OF THE NOVEL BY A. REZANOVICH «THE HERMIT»

Khalpukova E.

*Candidate of Philology, Associate Professor,
Belarusian State University, Minsk*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются экзистенциальные мотивы романа современного белорусского писателя А. Резановича «Отшельник»; проводятся параллели с произведениями белорусского писателя-экзистенциалиста В. Быкова; раскрывается национальная специфика белорусского экзистенциализма, обусловленного катастрофическими событиями времени.

ABSTRACT

The article deals with the existential motives of the novel by the modern Belarusian writer A. Rezanovich «The Hermit»; parallels are carried out with the works by Belarusian writer-existentialist V. Bykov; the national specificity of Belarusian existentialism is revealed through the prism of the catastrophic events of the age.

Ключевые слова: современная белорусская литература; экзистенциализм; катастрофическая эпоха; трагедия существования; белорусская ментальность.

Keywords: modern Belarusian literature; existentialism; catastrophic age; the tragedy of existence; Belarusian mentality.

В современном белорусском литературоведении и в гуманитарной науке актуальным является вопрос обновления методологических подходов исследования художественных текстов. Так, В. Максимович считает одним из путей обновления опору на достижения философской мысли через анализ экзистенциально-онтологического дискурса, предполагающего особую модель человеческого существования [6, с. 13].

Анатолий Резанович – современный белорусский писатель многогранного таланта. Преобладающее большинство его произведений написано на русском языке, однако в них транслируется модус настоящей белорусской ментальности. Интересным для анализа в этом плане является роман «Отшельник», содержание которого охватывает события, происходившие в БССР во времена невероятной жестокости – с 30-х годов XX века до начала перестройки.

Об экзистенциальной направленности этого произведения свидетельствует само название «Отшельник», отражающее сущность главного героя – человека-одиночки, живущего в своем собственном мире, закрытом от других, живущего автономно, по своим собственным законам. Отчужденность от мира становится естественной причиной одиночества человека, что приводит к экзистенциальному проникновению мысли в суть окружающей действительности и внутренней реальности.

В центре внимания экзистенциальной философии находится сознание и пространство духа отдельного индивида. Универсальные онтологические доминанты одиночества, страха, страдания завязаны от определенной личности. Анализируя

бытийные основы человеческой жизни, экзистенциальное сознание обращается к внутреннему миру конкретного человека, драма которого всегда глубоко личностная.

Если за основу взять, с одной стороны, мнение, что Василь Быков был последним европейским писателем-экзистенциалистом [1], а с другой – утверждение К. Ладутько о типологической близости отношения к многосложному мирозданию главного героя романа А. И. Резановича «Отшельник» Степана Лосича и героев Василя Быкова [5, с. 216], становится очевидным, что современный писатель продолжает традиции белорусского экзистенциализма.

Катастрофичность бытия, онтологическое одиночество человека, кризис сознания – эти параметры экзистенциальной модели мира, которые можно назвать четвертым измерением пространства (глубоко эмоциональным и духовным), присутствуют в романе А. И. Резановича «Отшельник», что позволяет говорить об экзистенциальной природе романа. Как считает В. В. Заманская, экзистенциальное сознание открывает трагедию существования человека в мире, поэтому и является необходимым атрибутом художественной литературы [2, с. 23].

Главный герой романа Степан Демьянович Лосич живет в катастрофическую эпоху, когда рушится один мир и возникает другой. В начале 30-х годов XX столетия его родителей и старших братьев сослали в Сибирь – «за саботаж и сопротивление сталинской коллективизации» [7, с. 11]. В полесской деревне Ладорошь от родителей ему осталась в наследство одна хата с огородом. В 14 лет

услышал Степан от районного уполномоченного Семенова, что власть оставляет его – выкормыша кулацкого – для исправления. Однако новая реальность не заставила с ней свыкнуться.

«Дал Бог, вырос Лосич... Но чувство одиночества, холодное и жгучее как лед, все же осталось» [7, с. 32]. Помог Степану сосед Макар Горбыль – не дал ему умереть. Бытие отдельного человека в экзистенциальной ситуации, во власти обстоятельств – предмет философских размышлений автора романа «Отшельник».

«А хорошо бы жить вечно...» [7, с. 11] – этой мыслью делится герой с молодой женой Ольгой. Однако реальность безжалостна – война, спецзадание. Как и большинство военных повестей В. Быкова, роман А. Резановича начинается с того, что главному герою поручено выполнение чрезвычайно важного задания [4, с. 97]. Председатель местного сельсовета Иван Михайлович Пронько сообщил Степану Лосичу: «Будешь груз ценный охранять» [7, с. 15]. Невыполнение приказа грозило главному герою расстрелом, поэтому все его мечты – лишь иллюзия.

«Он [Лосич] подумал о жизни, ее непредсказуемости, зыбкости, скоротечности. И мысли у него были пронзительными и холодными, точно буранный ветер...» [7, с. 16]. Центральная тема экзистенциализма – это жизнь-страдание; чтобы выжить, необходимо найти смысл в страданиях, преодолев таким образом человеческую природу.

Как и в произведениях В. Быкова, пространство и время в романе «Отшельник» гибельны [4, с. 97]. Степан Лосич по приказу сотрудников НКВД должен спрятать ценный груз – 6 ящиков церковного добра – в том месте, которое прославилось жуткими и фантастическими историями. По слухам, сама нечистая сила остерегалась этого места.

Красный Берег для Степана Лосича – это 50 лет одиночества, выживания, трагического «За что?», которое прочно осело в его сознании от молящего крика матери во время раскулачивания. Когда-то Лосич мечтал «жить по-человечески, имея свою землю, свою хату, свое хозяйство, свою семью, которую никто и никогда не вышлет» [7, с. 221]. Экзистенциальный герой не может разрушить трагические рамки действительности, где само пространство напоминает о смерти.

Как известно, на первый план в экзистенциализме выдвигается абсолютная уникальность и неповторимость человеческого бытия – одного человека, а не человечества. Степан Лосич – уникальный герой, так как его огромная жажда жизни не дает ему остановиться и смириться с реальностью: он закапывает в землю церковные ценности и начинает обустриваться. Сначала Лосич строит землянку, а потом прокладывает через болото деревянную дорогу, чтобы сделать в лесу шалаш на тот случай, если придется прятаться. Со временем желание присвоить себе чужое добро прочно закрепилось в сознании героя.

50 лет ожидания лучшей жизни – и одиночество, а, как утверждают философы, «... в одиноче-

стве, когда каждый должен ограничиваться собственной особой, обнаруживается, что он имеет в себе самом» [9, с. 374]. Для Лосича это 50 лет ежедневной борьбы за жизнь – и понимание того, что «жизнь – это паутина... Паук в ней – случай, а мы, люди, если говорить образно, – мухи» [7, с. 224].

Один из главных вопросов экзистенциальной литературы – «Что делать?». Герой А. И. Резановича знает ответ, так как еще в детстве отец учил его никогда не опускать рук и делать любую работу на совесть, чтобы выжить.

Важным пунктом экзистенциальной философии является понятие пограничной ситуации, когда выявляется истинная сущность человеческого «Я». Подобные ситуации становятся для главного героя своеобразной лабораторией для поиска своей истинной сути, или «экзистенции», выходящей за пределы рационального.

Природа, Бог и Лосич долгих 50 лет... Внутреннее пространство героя зажато между двумя полюсами: «За что?» и «Господи, помоги!». Первый полюс подталкивал к бунту: было у Лосича и желание утопиться, повеситься, стрелял он в себя из винтовки... Сколько раз душа его страдала! «Зачем? Зачем жить?» Много было пережито, поэтому абсурдность существования стала настолько очевидной, что герой не раз был близок к помешательству, психика давала сбой, по голове пошли вши. Физические страдания не только не притупляли душевную боль, но и усиливали страдания духовные, доводившие до отчаяния.

Другим полюсом была надежда на Бога: «Вера Степану помогала оставаться самим собой – с виду разбойным, но с доброй, отходчивой душой» [7, с. 127]. Несмотря на то что одиночество рождало причудливые образы, страшные приступы тоски и тяжелые воспоминания об аресте родителей и братьев, Лосича спасали молитвы: они давали надежду, уверенность, что все изменится. Герой был похож на бродившего лесного узника, который не хотел сдаваться.

А. Камю в «Мифе о Сизифе» пишет: «Достаточно одной борьбы за вершину, чтобы человеческое сердце наполнилось смыслом» [3, с. 128]. Так, через упорство, непокоренный обстоятельствам, сам творит свою судьбу. Бог для героя А. И. Резановича – это центр, которым все измеряется. Степана Лосича спасает ежедневный упорный труд: ловля рыбы, охота, собирание грибов и ягод, выращивание хлеба на своем лесном огороде, заготовка меда. Он, как Сизиф, должен принять муки и выдержать. А рядом гнездится вечный страх за жизнь...

Страшнее зверей были люди, которые не приходили за ценностями, а после того, как он убил Семенова, в душе поселился грех – это было сильнее страха. А сильнее греха – одиночество. Лосичу постоянно очень хотелось к людям, и в этом прорыве к человеку, к любимой женщине – Насте (он и волчонка, взятого от раненой волчицы, назовет этим именем) – для него новый грех и ожидание Судного дня.

Основополагающие категории экзистенциальной этики – свобода, вина, ответственность – опираются на внутреннюю систему ценностей человека. Той, которая предаст его, Лосич отнесет из церковного добра серебряный кубок, крест с позолотой, несколько золотых крестиков. Потом простит предательство и поселится у нее на чердаке, будет жить как червь – в темноте. Когда узнает про не совсем ему понятный, но принесший страшную беду взрыв на Чернобыле, его частный вопрос «За что?» превратится в общий «За что все у нас так?..».

Умирая, Настя просит Лосича открыться людям, но он еще не готов. Четыре года после смерти Насти пролетели быстро. Хотя душа его ныла, жить ему хотелось всегда. И только перед своей смертью герой А. И. Резановича избавляется от иллюзий: к нему приходит понимание того, что «всему виной церковные ценности» [7, с. 267], которые выделялись ему средством личного обогащения, когда придет время. Из-за них он гнил в лесу и сейчас живет как крот. Очень важный момент в романе – мучительное преодоление себя от «схоронил Божью правду» [7, с. 267] до признания в своей греховности (должен был быть хранителем церковных ценностей, а стал их собственником), которым ошеломил священника, оценивание себя и своей жизни с точки зрения более высокой реальности, чувство вины за собственное несовершенство.

Как и героям произведений В. Быкова, Лосичу отказано в подвиге, но у него остается свобода выбора: «Когда финальное поражение уже ощутимо физически, происходит самое главное – герою открывается его последняя свобода, то единственно важное, что делает его человеком, то, чего никакие обстоятельства не могут у него отнять – свобода выбора» [4, с. 99]. Степан Лосич просит священника забрать после своей смерти ценности в церковь, получает отпущение грехов и чувствует в душе новый прорыв к Богу, в вечность, находит свой путь к трансценденции: «Усё жыццё Лосіча – гэта шлях да зразумення ісціны ў яе прамым сэнсе» [8]. На этом экзистенциальном аккорде выстраданного понимания смысла жизни и его продолжения в вечности заканчивается роман А. И. Резановича «Отшельник», пронизанный философскими проблемами экзистенциализма, глубокими и тонкими наблюдениями автора за миром души главного героя и миром природы, с которым настолько сблизился и сросся Лосич, что стал у него учиться

жизни. Особо следует отметить легкость, эмоциональность и образность литературного слога романного повествования, за которым стоит не развлекательное чтение, а серьезная и содержательная книга, требующая вдумчивого прочтения.

Как видим, современный белорусский писатель показывает глубоко экзистенциальное миропонимание главного героя – полесского отшельника и лесного узника, обусловленное драматичными обстоятельствами его судьбы, через призму народной ментальности. Национальная специфика, проявляющаяся в экзистенциальной проблематике в системе национально-культурных ценностей, имеет большое значение в понимании современного мира, особенно в эпоху нивелирования личности и массовизации общественного сознания.

Литература

1. Василь Быков (1924 – 2003) [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: http://belarusfacts.by/ru/belarus/culture/literature/person/Vasil_Bykov.html. – Дата доступа: 18.08.2019.
2. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 304 с.
3. Камю А. Миф о Сизифе; Бунтарь. – Минск: ООО «Попурри», 1998. – 544 с.
4. Каропа И. Г. Экзистенциальные мотивы в творчестве В. Быкова // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, № 6 (51), Ч.1, 2008. – С. 96 – 102.
5. Ладутько К. А была ли исповедь?.. // Неман, № 3, 2011. – С. 214 – 216.
6. Максимовіч В. Раннія апавяданні Кузьмы Чорнага праз прызму экзістэнцыйнай свядомасці // Роднае слова, № 2, 2019. – С. 13 – 15.
7. Резанович А. И. Отшельник: роман. – Минск: Мастацкая літаратура, 2014. – 271 с.
8. Хількевіч У. Анатоль Разановіч: «І ў асабістым жыцці, і ў агульным лёсе вінаватыя ўсе» [Электронны рэсурс] // РВУ «Выдавецкі дом “Звязда”». – Рэжым доступу: <http://zviazda.by/be/news/20131123/1385184022-anatol-razanovich-i-u-asabistym-zhycci-i-u-agulnym-lyose-vinavatyua-use>. – Дата доступа: 30.08.2019.
9. Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики; Афоризмы житейской мудрости: Сборник. – Минск: ООО «Попурри», 1997. – 592 с.

POLITICAL SCIENCES

СУЧАСНИЙ СТАН ТА ПЕРСПЕКТИВИ ОПТИМІЗАЦІЇ АНТИКОРУПЦІЙНОЇ ПОЛІТИКИ УКРАЇНИ

Воронежский К.В.

*Національний інститут стратегічних досліджень,
аспірант відділу розвитку політичної системи*

CURRENT SITUATION AND PROSPECTS OF OPTIMIZATION OF ANTI CORRUPTION POLICY IN UKRAINE

Voronezhskiy K.

*The National Institute for Strategic Studies
PhD student of political system development*

АНОТАЦІЯ

У статті проаналізовано сучасний стан державної антикорупційної політики у сфері протидії корупції, особливості її реалізації та проблеми виконання заходів. Виділено сукупність загальних напрямів антикорупційної політики, які не залежать від специфіки країни. Висвітлено, що серед цих напрямів пріоритетне значення мають ті, що передбачають запобігання корупції. Досліджено стан формування та реалізації антикорупційної політики в Україні, її напрями та шляхи здійснення. Розглянуто актуальні питання подальшої реалізації антикорупційних заходів та розвитку законодавства, запропоновано шляхи їх вирішення.

ABSTRACT

The article analyzes the current situation of the state anti-corruption policy as regards anti-corruption, peculiarities of its implementation and problems of implementation of measures. The set of general directions of anti-corruption policy, which do not depend on the specifics of the country, are highlighted. Revealed that among these areas, priority is given to those that prevent corruption. The state of formation and implementation of anti-corruption policy in Ukraine, its directions and ways of implementation are investigated. Topical issues of further implementation of anti-corruption measures and development of legislation are considered, ways of their solution are suggested.

Ключові слова: корупція, антикорупційна політика держави, антикорупційна реформа, антикорупційне законодавство України, правова держава.

Keywords: corruption, anti-corruption policy of the state, anti-corruption reform, anti-corruption legislation of Ukraine, rule of law state.

Постановка наукової проблеми. В умовах реалізації політики реформ у різних сферах: адміністративній, регуляторній, військовій, правоохоронній та медичній пріоритетним завданням для держави стає подолання корупції.

Однак розробка та реалізація антикорупційної політики не є для України новим завданням. Протягом усіх років незалежності у нашій державі триває процес пошуку шляхів її реалізації, що супроводжується ухваленням антикорупційних законів, розробкою відповідних концепцій та стратегій, а також прийняттям державних програм щодо їх виконання. Високий рівень корупції в українському суспільстві й сьогодні зумовлює потребу систематичного вивчення.

Аналіз останніх досліджень. Результати аналізу наукових праць і публікацій із питань запобігання та протидії корупції зарубіжних і вітчизняних фахівців, зокрема Д. І. Амінова, О. Ю. Бусол, С. В. Васильєва, В. І. Гладких, В. О. Глушкова, А. І. Долгової, А. П. Закалюка, В. Л. Захарова, М. І. Камлика, В. В. Лунєєва, О. Д. Маркєєва, М. І. Мельника, Є. В. Невмержицького, О. Я. Прохоренко, К. С. Соловйова, Є. Д. Скулиша, В. А. Тимошенка, М. І. Трепака, М. І. Хавронюка та ін., дозволили дійти висновку щодо ґрунтового дослідження ними

відповідної проблеми та їхнього суттєвого внеску в її студіювання.

Водночас чимало питань, які стосуються сучасного стану поширення корупції в Україні та проблем, що виникають в антикорупційній діяльності, продовжують залишатися дискусійними та потребують відповіді

Формулювання мети та завдань статті. Метою статті є визначення особливостей реалізації державної антикорупційної політики в сучасній Україні та за результатами відповідного аналізу – її найголовніших пріоритетів і завдань на перехідному етапі розвитку українського суспільства – від авторитаризму до демократії.

Виклад основного матеріалу й обґрунтування отриманих результатів дослідження.

Протидія корупції в наші дні – це актуальна проблема для сучасного суспільства, а також одне з найбільш витратних, в плані ресурсів (як матеріальних, так і людських), напрямків державної політики.

Сучасна юридична література насичена працями, в яких розкриваються різні питання правової політики. Автори досліджують її поняття,

ознаки, сутність і зміст, особливості, види та закономірності розвитку. Особлива увага приділяється і окремим проявам правової політики.

Наприклад, мова йде про антикорупційну політику. Вчені аналізують її поняття, структуру, особливості. Разом з тим деяка область правової характеристики, присвячена антикорупційній політиці, до сих пір залишається недостатньо дослідженою. Зокрема, потребують уточнення питання дефініції антикорупційної політики, її цілі, сутність і зміст. Для того щоб найбільш правильно визначити поняття антикорупційної політики, необхідно спочатку звернутися до сутності правової політики в цілому і встановити діалектичну взаємозв'язок між ними.

Історія корупції як соціального явища налічує не одне тисячоліття: досить згадати, що одне з перших згадок про хабарництво як окремому жорстоко карати вигляді злочину міститься в одному з найдавніших законодавчих пам'ятників – Законах Хамурапі.

Глибокі соціально-економічні та історичні корені корупції, властиві практично всім країнам світу, не можуть однак служити виправданням процвітання цього явища і тим більше приводом для відмови від боротьби з даним соціальним злом. У той же час їх необхідно враховувати для усвідомлення складності і масштабності проблеми, неможливості її вирішення у відносно короткі терміни силами якої-небудь однієї державної структури. Успішна протидія корупції можливо лише в умовах консолідації держави і громадянського суспільства, залучення всіх наявних у них ресурсів. Корупція за своєю природою явище тінювий, так що оцінити її реальні масштаби в рамках держави досить складно. Офіційні дані представляють собою лише вершину айсберга, і це також слід враховувати при розробці як довгострокових планів і концепцій протидії корупції, так і конкретних заходів, здатних вплинути на стан справ у цій сфері. Крім того, корупція здатна активно вбудовуватися в змінюються умови, пропонувати нові схеми поведінки законів, розкладаючи тим самим всю державну систему.

Термін «корупція» набув широкого вжитку в українському суспільстві в середині 1990-х рр. Відтоді зміст корупції визначається від отождивлення з хабарництвом до трактування її як абсолютно нового небезпечного явища [1, с. 101]. Використані під час наукової дискусії підходи умовно можна об'єднати в декілька основних концепцій.

Юридичний словник Г. Блека пропонує визначати корупцію як діяння посадової особи, яка незаконно і неправомірно використовує своє становище або статус для отримання будь-якої переваги в цілях, протилежних обов'язкам і правам інших осіб [2].

Д. Бейлі пов'язує корупцію насамперед із хабарництвом, що охоплює неправомірне використання влади для отримання особистої вигоди і не обов'язково має фінансове вираження: в деяких країнах (Республіка Корея) з позицій традиційної

політичної культури та важливості підтримки історично сформованих неформальних соціальних зв'язків «оплата» неправомірного використання службового становища часто розглядається обома сторонами як «інвестиція в майбутнє» [3, с. 721–724].

Дж. Най визначає корупцію як поведінку державних чиновників, спрямовану на ухиляння від дотримання встановлених державою норм і правил з метою досягнення ними приватної (сімейної, групової) матеріальної або статусної вигоди [4, с. 414]. Відповідно до даного підходу існує точка зору, що під корупцією розуміється сукупність усіх посадових злочинів, передбачених кримінальним законодавством: розкрадання, хабарництво, зловживання службовим становищем тощо [5, с. 30].

У чому ж виражається діалектичний взаємозв'язок антикорупційної політики і політики правової? На думку учених, перша з-за складного характеру нормативної бази (норм різних галузей) займає головне положення в політиці правової, розвиваючись відповідно до приватних видами правової політики: кримінальної, адміністративної, фінансової, митної, податкової [6]. Важко не погодитися з запропонованим судженням.

Дійсно антикорупційна політика є дуже і дуже важливим напрямком політики правової. Саме від ефективності реалізації антикорупційної політики багато в чому залежить і ефективність реалізації інших видів правової політики. Подібну точку зору поділяють і інші дослідники. Розвиваючи цю думку, інші автори вважають, що з точки зору системного підходу антикорупційну політику можна позначити як діяльність держави, яка концентрується в рамках організації ефективної системи боротьби з корупцією. Вона не здатна сформуватися і розвиватися знизу, оскільки передбачає наявність політичної волі і рішення [7, с. 109].

Безсумнівно, автори мають рацію, кажучи про те, що антикорупційна політика формується зверху. Однак не варто применшувати значення інститутів громадянського суспільства як суб'єктів антикорупційної політики, так як саме вони найчастіше виступають в якості гарантів об'єктивного реагування на факти корупційного прояву [7, с. 110].

Іншими словами, антикорупційна політика має кілька варіантів розуміння різними авторами. В. Астанин зазначає, що під антикорупційної правової політикою розуміє сукупність законодавчих, економічних, політичних, інформаційних, організаційних заходів, спрямованих на державне регулювання у сфері протидії корупції. В даному визначенні зроблений акцент на коло питань державного регулювання, що виражаються в здійсненні сукупності антикорупційних заходів [8].

Виходячи із зазначеного, запропонуємо авторське визначення антикорупційної політики. На наш погляд, вона являє собою оперативну, послідовну, регулярну, науково обґрунтовану комплексну діяльність органів держави, місцевого самоврядування, їх посадових осіб, інститутів громадянського суспільства, спрямовану на мінімізацію та усунення корупційних проявів у всіх сферах

життєдіяльності суспільства і тим самим забезпечення прав і свобод людини і громадянина, формування правової державності і досягнення людського виміру.

Безсумнівно, пропонуване визначення є дискусійним, не претендує на універсальність, але воно дозволяє запропонувати юридичну конструкцію антикорупційної політики. Отже, юридичне конструювання правових явищ виконує важливі теоретичні і практичні функції. На наш погляд, юридичну конструкцію антикорупційної політики слід представляти комплексно: не тільки з позиції функціональних почав, але і з позиції інструментального підходу.

Виходячи з цих методологічних передумов, ґрунтуючись на наявних наукових розробках, структура юридичної конструкції антикорупційної політики, на наш погляд, включає наступні елементи: поняття антикорупційної політики; цілі, завдання, принципи, функції антикорупційної політики; суб'єкти антикорупційної політики; об'єкти антикорупційної політики; зміст антикорупційної політики.

Недосконалість антикорупційного законодавства, безсистемність, необґрунтованість та непродуманість його деяких положень звичайно спричинюють неефективну антикорупційну політику, але не вважаються головною проблемою.

Тому, загальний аналіз системи запобігання корупції в Україні дозволяє дійти висновку, що наразі органи влади не демонструють рішучості до побудови стійкої та ефективної системи запобігання корупції. Носії політичної волі виявляються незацікавленими та неготовими реалізувати антикорупційні реформи на практиці. Відсутність належної уваги з боку керівництва держави на такий стан справ лише підтверджує, що антикорупція, насправді, не є пріоритетом їх порядку денного.

За роки незалежності України ухвалено чимало нормативних актів антикорупційного спрямування. Загальна їх кількість нараховує понад 100 законів України, указів і розпоряджень Президента України, постанов Верховної Ради України, Кабінету Міністрів, галузевих нормативних актів. Однак усі вони приймалися в різний час, різними органами, в деяких випадках – безсистемно, без належного наукового обґрунтування, внаслідок чого і виникають колізії та протиріччя в їх застосуванні [9].

Крім того, із прийняттям низки антикорупційних законів у жовтні 2014 року в Україні здійснено найбільш масштабне та системне реформування антикорупційного законодавства. Зміни законодавчого поля стосувалися врегулювання ключових секторів антикорупційної діяльності в державі:

- формування та моніторинг державної антикорупційної політики,
- превентивна антикорупційна діяльність,
- переслідування за корупцію.

Крім того, 28 квітня 2018 року Уряд України схвалив «Державну програму щодо реалізації засад

державної антикорупційної політики в Україні (Антикорупційної стратегії) на 2018 – 2020 роки».

В сучасній період при створенні нової антикорупційної моделі України було використано універсальних підхід щодо поєднання в межах однієї установи превентивної і регресивної функцій та створено спеціалізовані інституції, які поєднують кілька превентивних функцій. Таким чином, в Україні створено достатні законодавчі передумови для розбудови ефективного державного механізму запобігання та протидії корупції [10].

Вивчення антикорупційного законодавства зарубіжних країн є актуальне з огляду на проголошення курсу розвитку України в напрямі європейської інтеграції. Дослідження зарубіжного досвіду дає підстави стверджувати, що для формування успішної антикорупційної політики в системі державного управління існує потреба виокремити такі основні елементи. Доцільно виділити дев'ять напрямів удосконалення державної антикорупційної політики нашої країни.

Перший напрям пов'язаний із наявністю в країні сильної політичної волі щодо реалізації заходів антикорупційної політики. Світовий запобігання та протидії корупції показує, що ефективність будь-яких антикорупційних механізмів залежить передусім від політичної волі керівників держави – бажання та намірів очистити від корупційних проявів державну службу.

Другий напрям передбачає формування на початковому етапі довіри до дій влади з боку суспільства. Це дає можливість отримати достатній часовий проміжок для реалізації поставлених довгострокових цілей, проте вимагає прийняття та реалізацію політики повної нетерпимості до корупції, а також демонстрацію швидкий і наочних проміжних результатів.

Взагалі, на даному етапі державна антикорупційна політика повинна реалізуватися за схемою сильної політичної волі, яка втілюється в стратегію антикорупційної протидії, прагматизм і швидкість, що обов'язково має привести до швидкого досягнення результатів, які, у свою чергу, сприятимуть зміцненню політичної волі щодо протидії корупції.

Третій напрям є тотальний наступ на корупцію, що передбачає впровадження замість перетворень вжиття ґрунтовний заходів антикорупційної політики, оскільки єдиним шансом для здобуття перемоги в боротьбі з корупцією є одночасний і тотальний наступ на її прояви.

Четвертий напрям удосконалення державної антикорупційної політики залучення нових кадрів. Адже відсутність компетентних виконавців у сфері державного управління часто стає критичною вадою, перешкоджає ефективну функціонуванню антикорупційної моделі.

П'ятий напрям удосконалення державної антикорупційної політики – обмеження ролі держави, який реалізується в заходах приватизації та податкової реформі. Прозорість і відкритість приватизаційного процесу об'єктів державної власності розглядаються як джерело надходження до держав-

ного бюджету додаткових коштів, що можуть акумулюватися в різних фондах для подальшого використання.

Шостий напрям удосконалення державної антикорупційної політики має передбачатися прийняття нестандартних рішень, насамперед це може стосуватися звільнення під заставу з-під варти осіб, засуджених за корупційні злочини. Даних крок має бути більш вигідним, ніж утримування таких осіб у в'язниці за кошти державного бюджету. Проте необхідно зазначити, що механізм звільнення корупціонерів під заставу характеризується високим ступенем корупційного ризику.

Сьомий напрям пов'язаний з тим, що в рамках удосконалення державної антикорупційної політики слід забезпечити практичне впровадження принципу «об'єднання та тісної взаємодії». Це означає єдність зусиль ключових політичних осіб, відповідальних за життя антикорупційних заходів, та тісної взаємодії між ними.

Восьмий напрям, що стосується адаптації міжнародного досвіду до місцевих умов, передбачає не тільки врахування успішних зарубіжних антикорупційних практик, а й з'ясування причин невдач антикорупційних кампаній.

Дев'ятий напрям удосконалення державної антикорупційної політики передбачає використання технологічних досягнень, що по-перше, має привести до зменшення кількості особистих контактів громадян з державними чиновниками, а по-друге, сприятиме підвищенню стандартів прозорості і спрощенню вирішення завдань щодо забезпечення ефективного моніторингу якості надання адміністративних послуг. Доцільно зазначити, що використання новітніх технологій для цілей державної антикорупційної політики сприятиме підвищенню загальної ефективності державного управління.

Крім того, слід враховувати, що технологічний розвиток вимагає залучення більш талановитих і компетентних виконавців, що пов'язує використання технологічних досягнень із залучення нових кадрів. Оскільки суспільство виступає основним замовником подолання корупції, його представники й активні діячі ні в якому разі не повинні залишатися за межами моделі державної антикорупційної політики. Для цього в рамках її вдосконалення необхідно забезпечити стратегічну комунікацію, яка розглядається як десятий напрям удосконалення державної антикорупційної політики. У рамках антикорупційної політики слід передбачати можливість врахування громадської думки й переважаючих настроїв у суспільстві, що по суті, має використовуватися для коригування самої політики. У рамках антикорупційної політики слід передбачати можливість врахування громадської думки й переважаючих настроїв у суспільстві, що по суті, має використовуватися для коригування самої політики.

Крім того, можливості для прийняття посадовцями в одноосібному порядку рішень обмежуються в умовах прозорості, відкритості діяльності посадових осіб, існування єдиних, чітких і зрозумілих критеріїв оцінки процесу ухвалення рішень, наявності розроблених альтернативних варіантів рішення, які відкрито обговорюються та розробляються. Оптимальне рішення має прийматися виважено, економічно обгрунтовано, а результати виконання прийнятих рішень мають бути вимірюваними за допомогою показників.

Підґрунтям державної антикорупційної політики мають стати показники сприйняття громадськістю корупційних проявів та оцінка їх суспільної небезпеки. Слід зазначити, що ефективна протидія корупції в суспільстві неможлива без забезпечення реальної прозорості та інформаційної відкритості влади. Діяльність державних структур та їх посадових осіб має стати прозорою для громадян України.

Таким чином, важливим заходом щодо удосконалення державної антикорупційної політики в рамках розвитку державно-приватного партнерства є розробка та впровадження типової антикорупційної програми юридичних осіб, яка має обов'язково включати такі принципи та вимоги, як: системність цілепокладання, абсолютна прозорість бюджетних надходжень і видатків, обрання приватного партнера на конкурентній основі, конструктивність. Висновки з даного дослідження і перспективи подальших розвідок у даному напрямі.

Висновки. На сьогоднішній день в Україні в основному сформована система органів державної влади та громадських організацій, сферою діяльності яких є запобігання та боротьба з корупцією. Причиною збільшення кількості державних органів, що займаються боротьбою з корупцією, є як активні процеси демократизації суспільних відносин, так і задекларований Україною політичний курс на євроінтеграцію. З іншого боку, ці ж фактори стимулюють створення та діяльність громадських об'єднань, метою яких є боротьба з корупцією.

Загалом важливо зазначити, що удосконалення антикорупційного законодавства України та антикорупційної діяльності державних органів та організацій громадянського суспільства має сприяти позитивній динаміці зменшення рівня корупції передусім на міжвідомчому рівні, згодом – на рівні державних органів та органів місцевого самоврядування.

Література

1. Мельник М. І. Корупція: сутність, поняття, заходи протидії : монографія / М. І. Мельник. К. : Атіка, 2001. С. 101–304.
2. FeaturingBlack'sLawDictionaryFreeOnlineLegalDictionary. – 2nd ed. LawDictionary : definitionof CORRUPTION (Black'sLawDictionary). URL: <http://thelawdictionary.org/corruption/#ixzz2XpFFT9vP>
3. Bayley D. TheeffectsofCorruptionin a DevelopingNation / D. Bayley // TheWesternPoliticalQuarterly. 1966. Vol. 19. P. 719–732.
4. Nye J. S. CoorruptionandPoliticalDevelopment : A Cost : Benefitanalysis / J. S. Nye // BureaucraticCorruptioninSub-SaharanAfrica / ed. by V. Monday. Expo. Washington : UniversityPressofAmerica, Inc. 1979. P. 411–433.
5. Борзенков Г. Н. Уголовно-правовыемерыборьбы с коррупцией // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1993. № 11. С. 29–30.
6. Клюковская И. Н. Антикоррупционная политика как вид правовой политики // Современное право. 2004. № 3. С. 12.
7. Копачев В. П. Антикоррупционнаяполитика: терминологический анализ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 3. С. 110.
8. Астанин В. В. Взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции (результаты конкретно-социологического исследования) // Мониторинг правоприменения. 2014. № 4. С. 12–24.
9. Про запобігання корупції: Закон України від 14 жовтня 2014 року. Відомості Верховної Ради України, 2014. № 49. Ст. 2056.
10. Prokhorenko A. Y. Manifestationsofcorruption – a threat to the national security of Ukraine. Scientific Bulletin NAVDU: sat. sciences. works. Kyiv, 2002. Vol. 3. P. 61-64.

SOCIAL SCIENCES

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОЦИОЛОГИИ

Кацьора А.В.

Ужгородский национальный университет, преподаватель

CONCEPTUAL APPROACHES TO DETERMINING ENTREPRENEURSHIP IN SOCIOLOGY

Katsora A.

Uzhgorod national university, senior lecturer

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены основные подходы к трактовке феномена предпринимательства в трудах зарубежных и отечественных социологов. Рассмотрены социально-экономический характер предпринимательства, охарактеризованы личность предпринимателя как субъекта предпринимательской деятельности и субъекта инновационной социально-экономической деятельности.

ABSTRACT

The article considers the main approaches to the interpretation of the phenomenon of entrepreneurship in the works of foreign and domestic sociologists. The socio-economic nature of entrepreneurship is considered, the personality of the entrepreneur as a subject of entrepreneurial activity and a subject of innovative socio-economic activity is characterized.

Ключевые слова: предпринимательство, инновации, предприниматель, предпринимательская поведение, мотивация.

Keywords: entrepreneurship, innovation, entrepreneur, entrepreneurial behavior, motivation.

Постановка проблемы. Феномен предпринимательства издавна вызывает интерес и находится в центре внимания социально-экономических наук. Это объясняется тем, что предпринимательство рассматривается как необходимое условие экономического роста, как действенное средство влияния на общественные процессы, деятельность и поведение человека. Предпринимательство как социально-экономическое явление охватывает практически все сферы жизни общества, касаясь его идеологии, культуры, отношений, взглядов на пути дальнейшего развития социальной системы [14, с. 2].

Анализ последних исследований и публикаций. Значительный вклад в теорию предпринимательства и первыми, кто исследовал природу предпринимательства были Р. Кантильон, Ф. Кене, А. Тюрго, А. Смит, Д. Рикардо, Ж.-Б. Сей, А. Маршалл и другие, в трудах которых анализируется экономическая природа феномена предпринимательства. Социологические подходы к пониманию предпринимательства и его социальной природы, заложили М. Вебер, В. Зомбарт и Й. Шумпетер. Среди украинских исследователей, которые уделяли внимание феномену предпринимательства в социологическом разрезе, стоит выделить А. Арсеенко, Е. Суименко, Ю. Пачковского, Е. Серого, В. Пилипенко, А. Бондаренко и других.

Цель статьи – исследовать характер формирования феномена предпринимательства в социологической науке.

Изложение основного материала. Термин «предприниматель» в научный оборот введен английским банкиром и экономистом Р. Кантиль-

ион в начале XVIII века [6, с. 20]. К предпринимателям он причислял людей с нефиксированной прибылью (ремесленников, купцов, крестьян и др.), то есть тех, кто был занят экономической деятельностью в условиях нестабильности и непредсказуемости цен. Поэтому главной чертой предпринимателя Р. Кантильон считал готовность к риску [1, с. 82].

Первыми в изучении феномена предпринимательства в XVIII веке были представители физиократической школы. Основатель физиократической школы, французский экономист Ф. Кене считал, что ведущее место в классовой структуре французского общества занимает производительный класс – фермеры – «те, кто арендует землю и делает высокопроизводительным сельское хозяйство, кто производит богатства и материальные блага» [11, с. 87]. В работе «Зерно» Ф. Кене рассматривал богатого фермера как предпринимателя, который осуществлял руководство своим предприятием и получал доход благодаря своему умению и материальным средствам [11, с. 123]. Поэтому он относил фермеров к наиболее важным для государства классам и считал, что фермеры заслуживают наибольшего внимания со стороны правительства.

Развитие теории предпринимательства в пределах физиократической школы отобразился в трудах французского экономиста и государственного деятеля А. Тюрго. Он впервые поставил под сомнение объективность отраслевого критерия в изучении классовой структуры общества, который разделял его на три класса: производительный (земледельцы), собственников (землевладельцы) и бесплодный (все остальные). А. Тюрго создал совершенную модель, в основу которой положил отношение к средствам производства. Бесплодный

класс он разделил на предпринимателей-мануфактуристов и простых ремесленников, а производительный – на предпринимателей и простых рабочих. Часть прибыли, которая остается у предпринимателя, рассматривалась им как особый вид надбавки за предпринимательскую работу, риск и организаторское искусство. Таким образом, А. Тюрго пришел к выводу, что реализация предпринимательской функции требует не только рискованных капиталовложений, но и определенных управленческих способностей [2, с. 12-13].

В рамках научных исследований английской классической политической экономии категории предпринимательства не уделялось достаточного внимания. Это объясняется тем, что сущность экономики составляла саморегуляция рынка и принцип естественного равновесия в экономической системе. В таком механизме не находилось места для творческого предпринимательства. В то же время шотландский экономист и основатель классической политэкономии А. Смит в своем труде «Исследование природы и причин богатства народов» дает характеристику предпринимателя. По определению А. Смита, предприниматель ради реализации определенной коммерческой идеи и получения прибыли идет на риск. Поэтому предпринимательская прибыль является компенсацией за риск. Предприниматель сам планирует, организует производство, реализует выгоды, связанные с разделением труда, распоряжается результатами производства [19, с. 340]. А. Смит характеризовал предпринимателя как собственника. Именно с такой точки зрения он рассматривал действия в экономической жизни, мотивацию, поведение, считал, что предприниматель в своей деятельности руководствуется только собственным интересом, имеет целью лишь собственную выгоду.

Английский экономист и представитель классической политэкономии Д. Рикардо характеризует предпринимателя как капиталиста, который ищет прибыльного применения для своих средств. Он считал предпринимателя только инвестором или обычным капиталистом, «который ищет прибыльного применения для своих средств, естественно, будет принимать во внимание все преимущества одного занятия перед другим. Поэтому он может уступить часть своего денежного дохода ради правильности размещения, опрятности, легкости или других действительных или мнимых выгод, которыми одно занятие отличается от другого» [16, с. 82]. Раскрыв причины и последствия перемещения капитала, Д. Рикардо не сделал предпринимательство предметом научного анализа в своих работах.

Французский экономист Ж.-Б. Сей рассматривал предпринимателей как ключевой фактор экономического развития, способен взять на себя ответственность за «все шансы успеха или неудачи производства» [17, с. 56]. Ж.-Б. Сей считал их инициативными деловыми людьми, способными к новаторству, носителями технического прогресса, предприниматель должен быть «человеком состоя-

тельным, известной своим умом, рассудительностью, любовью к порядку, честностью и т.д.» [17, с. 57]. Отделял владельцев капитала от предпринимателей, отмечая, что прибыль предпринимателя состоит, как правило, из двух частей. К первой части Ж.-Б. Сей относил промышленную прибыль, или процент на капитал, который аккумулируется с помощью времени, производства и бережливости. Ко второй – предпринимательский доход, или прибыль от использования капитала как вознаграждение за «промышленные способности, талант, дух порядка и управления» [17, с. 56].

К началу XX века начинается осознание значения и роли института предпринимательства. Английский экономист А. Маршалл первым добавил к классическим факторам производства (земля, капитал, труд) четвертый фактор – организацию. В работе «Принципы экономической науки» он утверждал, что роль предпринимателей в жизни общества заключается в том, что своими нововведениями они образуют новый порядок, и, что очень важно, ускоряют процессы, которые уже конструктивно созревают в обществе [13]. А. Маршалл считал предпринимателей, с одной стороны, высококвалифицированными людьми, которые работают для удовлетворения потребностей общества, рискуют, а с другой, посредниками между рабочими физического труда и потребителями. С этого времени понятие предпринимательство расширяется, как и выполнение им функций.

Значительный вклад в развитие теории предпринимательства оказали труды немецкого социолога, экономиста, философа и историка М. Вебера. Его концепция о значимости протестантской этики для становления капитализма, основанного на деятельности предпринимателей, стала по сути методологической основой для развития идеи укорененности экономической деятельности в социокультурном контексте.

В работе «Протестантская этика и дух капитализма» ученый, путем анализа религиозных и социокультурных факторов, определил «идеальный тип капиталистического предпринимателя», который сформировался в период промышленного переворота и индустриального капитализма [5, с. 14]. По мнению М. Вебера, такой тип предпринимателя «не имеет ничего общего с высокомерием, ему чужды показательная роскошь и расточительство, а также упоение властью и внешнее выражение той чести, которой он пользуется в обществе. Его образа жизни свойственна аскетическая направленность». Самому предпринимателю такого типа богатство «ничего не дает», разве что иррациональное ощущение хорошо «исполненного долга в рамках своего призвания» [7, с. 80-81].

В произведении «Хозяйство и общество» М. Вебер определяет предпринимательство как хозяйственное действие, направленное на получение дохода, но не каждое такое действие, а только то, которое ориентировано на капитальный расчет [8, с. 381]. Ученый указал на наличие предпринимательского духа как составляющей капиталистического духа. Дух капитализма – склад мышления,

для которого характерно систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии.

Теория М. Вебера о предпринимателе-капиталисте как носителя рациональности сильно повлияла на общественное мнение в странах Запада. Его исследования протестантской этики и духа капитализма оказали значительное влияние на развитие социологической мысли относительно феномена предпринимательства.

Немецкий социолог и экономист В. Зомбарт продолжил изучение капиталистического предпринимательства. В работе «Современный капитализм» ученый определяет капиталистическое предприятие как форму хозяйства, цель которого состоит в том, чтобы извлечь выгоду из материального имущества, то есть чтобы воспроизвести его с надбавкой (прибылью) для владельца [9, с. 191]. В. Зомбарт выделил шесть основных типов капиталистических предпринимателей: разбойников (участников военных походов и заморских экспедиций за золотом и экзотическими товарами), феодалов (занятых коммерцией, горным делом и т.д.), государственных деятелей (которые способствуют развитию торговых и промышленных компаний), спекулянтов (ростовщиков, банкиров, игроков на бирже, учредителей акционерных обществ), купцов (вкладывают торговый капитал в процесс производства благ), ремесленников (сочетают в одном лице мастера и коммерсанта) [10, с. 102]. По мнению ученого, крупные предприниматели – это люди, соединяющие в себе различные, обычно раздельные предпринимательские типы, которые одновременно являются разбойниками и купцами, феодалами и спекулянтами.

Определяющей идеей В. Зомбарта в его теории предпринимательства есть мнение о том, что «в каждом законченном буржуа живут две души: душа предпринимателя и душа мещанина, которые только в соединении образуют капиталистический дух» [10, с. 144]. Предпринимательский дух ученый характеризует как синтез стремление денег, страсти к приключениям, изобретательности и многое другое, а мещанский – как осмотрительность, расчетливость и хозяйственность.

Современный предприниматель оценивается по своему успеху, считает Зомбарт. Быть успешным значит опередить других, стать больше, чем другие. Предпринимателя характеризует постоянное стремление к новому и стремление «показать свое превосходство над другими». Тенденция капиталистического мира заключается в том, что предприниматели хотят стремиться к процветанию своего дела и наживы (даже если они и не поставили ее сознательно себе целью), т.е. смысл предпринимательства сводится к получению прибыли.

Важное место в разработке социологического подхода к предпринимательству занимает австро-американский социолог и экономист Й. Шумпетер. Согласно его определению быть предпринимателем «означает делать то, что не делают другие» и «делать так, как не делают другие» [22, с.199]. Предпринимательскую функцию Й. Шумпетер

рассматривал как особую в социально-экономическом процессе, отождествлял ее с функцией экономического лидерства и новаторства: «Функция предпринимателя заключается в том, чтобы реформировать или революционизировать структуру производства посредством использования изобретений, и, в более широком смысле, с помощью реализации неиспытанных технологических возможностей для производства новых товаров широкого потребления или производства старых товаров новым способом, посредством открытия новых источников материалов или новых рынков сбыта, или с помощью реорганизации промышленности и т.д.» [21, с. 171].

Из вышеуказанного следует, что предпринимательство концентрирует в себе пять основных инновационных функций: 1) производство новых товаров или улучшение качества существующих; 2) внедрение новых способов производства; 3) открытие и освоение новых рынков сбыта, в частности для продвижения экспорта на новые территории; 4) освоение новых источников получения сырья или полуфабрикатов; 5) проведение реорганизации в отрасли и создание промышленных организаций нового типа [22, с. 159].

Важно, что предпринимательство не может ограничиваться только экономической сферой, хотя именно там оно и зарождается. Оно соотносится со всеми видами человеческой деятельности, связанными с новаторством, риском, свободой в выборе и самостоятельностью в принятии решений [12, с. 288-289]. Й. Шумпетер считал главной целью предпринимательства сохранения капитала и обращал внимание на то, что предпринимательство основывается не только на праве собственности, но и на праве на самоуправление.

Среди украинских исследователей, которые уделяли внимание феномену предпринимательства в социологическом разрезе, стоит выделить А. Арсеенко, Е. Суименко, Ю. Пачковского, Е. Серого, В. Пилипенко, А. Бондаренко и других.

Анализа феномена предпринимательства в социологическом дискурсе уделяют в своих трудах украинские социологи А. Арсеенко и Е. Суименко. Ученые выделяют две модели предпринимательской деятельности, характеризующих уровень социально-исторической зрелости такой деятельности – экономическую и социально-экономическую. Экономическая модель берет за основу развитие, эксплуатацию ресурсов, индивидуальные интересы, минимизацию роли правительства в бизнесе и рассматривает последнюю как закрытую систему. В свою очередь, социально-экономическая модель акцентирует внимание на качестве трудовой жизни, консервацию ресурсов, общественные интересы, активное участие государства в решении социальных проблем и рассматривает бизнес как открытую систему [20, с. 94]. А. Арсеенко и Е. Суименко отмечают, что между экономическим и социально-экономическим предпринимательством не имеет четких хронологических границ. В процессе общественной эволюции экономический тип усту-

пает место социально-экономическому, но как только последний начинает давать перебои и экономика сталкивается с государственно-монополистическими препятствиями, экономическая модель снова властно заявляет о себе. В связи с этим в современной теории и практике бизнеса к решению задачи его оптимизации прослеживается два подхода – неоклассический и модернистский. Сторонники первого подхода не признают социальной ответственности бизнеса, а сторонники второго ставят принципы альтруизма и гуманности в обязанность бизнеса [20, с. 95].

А. Арсеенко и Е. Суименко на основе функционирования социально-экономической модели анализируют цивилизационное предпринимательство, которое независимо от целей и мотивов его субъектов служит повышению социального уровня жизни общества. В основе цивилизационного предпринимательства лежит баланс его экономических и социальных ролей, краткосрочных и долгосрочных интересов [20, с. 96]. Поэтому в результате глобальных интеграционных процессов и усиления зависимости производственной деятельности людей от уровня их социальной и культурной жизни возросла заинтересованность корпораций в осуществлении общественных проектов и программ в рамках теории социальной ответственности бизнеса.

Украинский социолог Ю. Пачковский выделяет предпринимательство как особый творческий вид экономической деятельности и поведения человека, управляемой в своей деловой активности личными выгодами с учетом реальных интересов и стратегических целей конструктивного развития и взаимодействия всех сфер общественной жизни. Социолог предлагает рассматривать предпринимательство под углом интеграции методологических и теоретических подходов, разработанных в современной социологии и психологии. Социолого-психологическое направление исследования предопределяет расширение сферы анализа предпринимательского феномена, предполагает выявление специфики действия личностных, групповых и общественных факторов, задействованных в регулировании предпринимательской деятельности и поведения. Таким образом, Ю. Пачковский выделяет четыре основные теоретико-методологические подходы, соответствующие социопсихологическому исследованию: концептуальные подходы анализа предпринимательства с позиций риска, инновационности, активности и социокультурности [14, с. 10-11].

По мнению Ю. Пачковского, идеология предпринимательства, как правило, определяет и регулирует поведение предпринимателя по отношению к обществу. Ее содержание раскрывается через внимание в обществе и деловых кругах социальной ответственности предпринимателей. Долговременные эгоистические интересы предпринимательства, то есть обеспечение доходов в будущем, требуют альтруистического сотрудничества с государством и предусматривают направление части прибыли на обеспечение экологической безопасности, развитие культуры, повышение образовательного уровня

граждан, их социальную защиту и тому подобное. Ю. Пачковский считает, что риск является едва ли не самым показательным признаком предпринимательства, предопределяет необходимость его социопсихологического исследования: изучение индивидуально-психологических, личностных черт имеют регулятивное воздействие на поведение субъекта в различных по сложности ситуациях риска; систематизации факторов, способных трансформировать ситуации неопределенности в ситуации риска; поиски оптимальных путей и средств (методов, когнитивных стратегий, тактик поведения), которые бы минимизировали последствия риска для общества; анализа возможностей индивидуального и группового субъектов экономической деятельности в оценке ситуации риска, а также особенностей принятия решений при таких обстоятельствах [14, с. 11].

Большое внимание проблемам социологического подхода к предпринимательству уделяет украинский социолог Е. Серый. Ученый определяет предпринимательство как: 1) социальное явление, характерное для всех типов современных общественных систем, структурно-функциональные характеристики которого отражают общественные потребности и процессы воспроизводства и развития ресурсных основ общественной жизнедеятельности; 2) особое социокультурную деятельность, базирующаяся на усвоенных профессиональных знаниях, навыках и умениях; 3) специфическую модель трудового поведения, которая воспроизводится на основе нормативной регуляции, самоорганизации и самостоятельной активности индивидуальных и коллективных субъектов [18, с. 7]. Предприниматель в социологическом аспекте предстает в нескольких ипостасях: как субъект собственности, носитель определенного социального статуса (владелец, совладелец, арендатор и т.п.); субъект экономической деятельности, исполнитель определенных ролей и функций, вытекающих из ее природы (инновационных, организационных, управленческих, коммерческих) как субъект социального поведения, тип человека, который обладает определенными природными и приобретенными свойствами, необходимыми для занятия предпринимательской деятельностью; носитель особых социальных ценностей и культуры.

В. Пилипенко обращает внимание на атрибуты предпринимательства, в частности он выделяет следующие: мотив действия, являющийся мотивом обогащения; механизм действия, который опирается на инвестирование в определенной сфере экономической деятельности; риск, связанный с неуверенностью в принятых решениях и с покрытием имеющихся затрат в личных средствах [15, с. 12]. Ученый считает, что такие атрибуты вызванные условиями функционирования рациональной макроэкономики и рыночного хозяйства.

Украинский ученый в области социологии и философии А. Бондаренко рассматривает предпринимательство в контексте национального общественного явления и ментального измерения. По мне-

нию ученого, в исследовании ментального измерения предпринимательства важны социокультурный, индивидуально-психологический и социально-психологический аспекты. В социокультурном аспекте ментальность предпринимательства выступает как объективное содержание мировосприятия и поведения людей, может предоставить ключ к пониманию существующих механизмов, социальных характеристик, тенденций развития ментальности предпринимательства. В индивидуально-психологическом и социально-психологическом аспекте ментальные проявления предпринимательства являются психологической формой преломления в сознании предпринимателя как социальной фигуры объективных черт общественной реальности [3, 4].

Выводы. Предпринимательство как объект и предмет социологического анализа является совокупностью социальных структур, действий, процессов, связанных с хозяйственным функционированием общества на разных уровнях. Процесс формирования теоретических представлений о предпринимательстве тесно связан с социальными, экономическими и политическими процессами в обществе. Предпринимательство является сложным и многомерным феноменом, а потому подходить к его толкованию стоит с точки зрения междисциплинарного подхода. Большинство подходов к предпринимательству построены на экономической модели, которая ставит за основу развитие, эксплуатацию ресурсов, получение прибыли. Социологическая оценка предпринимательства в контексте социально-экономического развития дает основания утверждать, что явление предпринимательства было и остается ключевым элементом социально-экономических отношений.

Литература

1. Арсеенко А. Підприємці в минулому і сьогодні: хто вони? Український науково-теоретичний часопис Інституту філософії НАН України. 1993. №1. С. 80-95.
2. Арсеенко А. Феномен предпринимательства: теоретические концепции, история, современность. Предприниматель Украины: эскизы к социальному портрету: монография / ред. В.М. Ворона, Е.И. Суименко. Киев, 1995. Глава 1. С. 6-23.
3. Бондаренко О.В. Бизнес и человек. Историко-философский и социологический экскурс в предпринимательство. Запорожье: РА Тандем-У, 1997. 119 с.
4. Бондаренко О.В. Сутність, історія та сучасність української та західноєвропейської економічної ментальності: Монографія. Запоріжжя: Запорізький національний технічний університет, 2005. 253 с.
5. Варналій З.С. Малі підприємництва: основи теорії і практики. К.: Т-во «Знання», КОО, 2001. 277 с.
6. Варналій З.С. Основи підприємництва: навч. посібн. К.: Вид-во «Знання» – Прес, 2002. 239 с.
7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения / пер. с нем. под ред. Давыдова Ю.Н., Москва: Прогресс, 1990. С. 44-271.
8. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / пер. с нем. под ред. Ионина Л.Г., Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 446 с.
9. Зомбарт В. Современный капитализм / пер. с нем. под ред. Базарова В., Степанова И., Москва: Издание Скимунта, 1931. 584 с.
10. Зомбарт В. Собрание сочинений в 3 томах / пер. с нем. под ред. Филиппов А.Ф., Санкт-Петербург: Издание Владимир Даль, 2005. 639 с.
11. Кене Ф., Тюрго А.Р.Ж., Дюпон де Немур П.С. Физиократы. Избранные экономические произведения / предисл. Ключкин П.Н.; пер. с франц., англ., нем. Москва: Эксмо, 2008. 1200 с.
12. Лазур П.Ю. Исторична еволюція феномена підприємництва та його науково-економічні інтерпретації. Науковий вісник Національного лісотехнічного університету. Вип. 16.6. 2006. С. 285-292.
13. Маршалл А. Принципы экономической науки. Москва: Дирекмедиа Паблшинг. 2007. 993 с.
14. Пачковський Ю.Ф. Підприємництво як предмет соціопсихологічного дослідження (діяльно-поведінковий аспект): автореф. дис... д-ра соціолог. наук: 22.00.04. Інститут соціології НАН України. К., 2004. 36 с.
15. Пилипенко В. Соціологія підприємництва. К.: Стилос, 1997. 104 с.
16. Рикардо Д. Сочинения / пер. с англ. под ред. Смита М.Н., Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. 339 с.
17. Сей Ж.-Б. Трактат по политической экономии. Москва: Дело. 2000. 232 с.
18. Сірий Є.В. Підприємництво як предмет соціологічного теоретизування: автореф. дис... д-ра соціолог. наук: 22.00.01. Київський національний університет ім. Тараса Шевченка. К. 2010. 30 с.
19. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. Ключкина П.Н., Москва: Эксмо, 2019. 1056 с.
20. Суименко Е., Арсеенко А. Социально-исторический тип современного украинского предпринимателя: императивы цивилизованности и удручающие реалии. Предприниматель Украины: эскизы к социальному портрету: монография / ред. В.М. Ворона, Е.И. Суименко. Киев, 1995. Глава 4. С. 93-103
21. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 528 с.
22. Шумпетер Й. Теория экономического развития : пер. с нем. / под общ. ред. А.Г. Милитковского. М.: Изд-во «Прогресс», 1992. 230 с.

VOL 3, No 42 (2019)

Sciences of Europe
(Praha, Czech Republic)

ISSN 3162-2364

The journal is registered and published in Czech Republic.
Articles in all spheres of sciences are published in the journal.

Journal is published in Czech, English, Polish, Russian, Chinese, German and French.

Articles are accepted each month.

Frequency: 12 issues per year.

Format - A4

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Chief editor: Petr Bohacek

Managing editor: Michal Hudecek

- Jiří Pospíšil (Organic and Medicinal Chemistry) Zentiva
- Jaroslav Fährnich (Organic Chemistry) Institute of Organic Chemistry and Biochemistry Academy of Sciences of the Czech Republic
- Smirnova Oksana K., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of History (Moscow, Russia);
- Rasa Boháček – Ph.D. člen Česká zemědělská univerzita v Praze
- Naumov Jaroslav S., MD, Ph.D., assistant professor of history of medicine and the social sciences and humanities. (Kiev, Ukraine)
- Viktor Pour – Ph.D. člen Univerzita Pardubice
- Petrenko Svyatoslav, PhD in geography, lecturer in social and economic geography. (Kharkov, Ukraine)
- Karel Schwaninger – Ph.D. člen Vysoká škola báňská – Technická univerzita Ostrava
- Kozachenko Artem Leonidovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of History (Moscow, Russia);
- Václav Pittner -Ph.D. člen Technická univerzita v Liberci
- Dudnik Oleg Arturovich, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Department of Physical and Mathematical management methods. (Chernivtsi, Ukraine)
- Konovalov Artem Nikolaevich, Doctor of Psychology, Professor, Chair of General Psychology and Pedagogy. (Minsk, Belarus)

«Sciences of Europe» -

Editorial office: Křižíkova 384/101 Karlín, 186 00 Praha

E-mail: info@european-science.org

Web: www.european-science.org